ЖУРНАЛ ДЛЯ УЧИТЕЛЕЙ СЛОВЕСНОСТИ № 2 (730)

Литература

lit.1september.ru

Лука

Вот... ты говоришь — правда... Она, правда-то, — не всегда по недугу человеку...

не всегда правдой **душу** *вылечишь...*

внутри номера CD и код доступа к электронной версии

Правда, ложь, лукавство: может ли учитель не врать? с. 10

Как говорить с детьми о биографии М.Горького с. 16

Зачем приходил Лука: читаем пьесу «На дне» с. 36

Материалы для подготовки к ЕГЭ и олимпиадам по литературе с. 43

издательский дом 1september.ru Первое сентября февраль 2012

ЛИТЕРАТУРА Подписка: Роспечать – 32029 (бумажная версия), 26112 (электронная); Почта России – 79072 (бумажная версия), 12708 (электронная)

В номере:

События и встречи

Сергей Волков 4 Готовимся к Марафону

Интервью у классной доски

Михаил Макеев 5 В преподавателе важен драйв, умение сделать свой предмет интересным

Курс молодого словесника

Оксана Смирнова 10 Правда, ложь, лукавство

Беседы о литературе

Наталья Свирина 11 Когда кончается детство?

Иду на урок

Ксения Тихомирова 16 Что говорить школьникам о биографии Максима Горького?

Татьяна Ерёмина 23 «Крылья»: мастерская построения знаний по рассказам М.Горького

26 Ещё раз о слезе ребёнка...

Марианна Борщевская, Оксана Смирнова 28 Пять уроков по пьесе «На дне»

Штудии

Галина Ребель 36 Зачем приходил Лука?

Иду на урок

Анна Иллюминарская 41 Из наблюдений над пьесой М.Горького «На дне»

Готовимся к экзаменам

Сергей Волков 43 Анализ драматического текста

46 Олимпиада по литературе в Вышке

Методика

Сергей Волков 50 Тридцать первого числа...

Трибуна

Феликс Нодель 53 «Зачем же мнения чужие только святы?»

56 «Легко мензурку танцевал», или Хохмы ЕГЭ

Книжная полка

58 Наталья Свирина. Свободное чтение с детьми

Сергей Дмитренко 58 Павел Басинский. Страсти по Максиму. Горький: девять дней после смерти

Интернет-кладовка

Александра Кнебекайзе 60 История в Интернете

Дополнения к материалам, отмеченным этим значком, смотрите на CD-диске.

На дне бывает очень красиво – конечно, если это дно океана, а не болота.

Литература

Учебно-методический журнал для учителей словесности
Издание основано в 1992 г.
Выходит один раз в месяц

РЕДАКЦИЯ:
Главный редактор
Сергей Волков
Шеф-редактор
к.ф.н. Сергей Дмитренко
Редактор
Александра Кнебекайзе
Дизайн макета
Иван Лукьянов
Обложка
Анна Махотина
Вёрстка
Галина Струкова
Корректор
Николай Кортон
Набор
Татьяна Семёнова

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:
д.ф.н. Е.И. Анненкова (СПб; РГПУ);
д.ф.н. В.А. Кошелев (НовгородГУ);
д.ф.н. О.А. Лекманов (МГУ);
д.ф.н. Ю.В. Манн (РГГУ);
д.ф.н. И.Н. Сухих (СПбГУ);
д.ф.н. И.В. Фоменко (ТГУ).

Журнал распространяется по подписке.
Цена свободная. Тираж 11752 экз.
Тел. редакции: **(499) 249-2718**
Тел./факс: **(499) 249-3138**
E-mail: **lit@1september.ru; lit1@1september.ru**
Сайт: **lit.1september.ru**

ПОДПИСНЫЕ ИНДЕКСЫ:
По каталогу Роспечать:
бумажная версия **32029**
электронная подписка **26112**
По каталогу Почта России:
бумажная версия **79072**
электронная подписка **12708**

Иллюстрации – фотобанк Shutterstock
(*если не указан иной источник*)

В оформлении обложки использована фотография И.М. Москвина в роли Луки в пьесе «На дне» (постановка МХТ).

Накануне выбора

Получилось так, что этот номер делался сразу после выборов в Думу. На площадях и проспектах столицы шли многотысячные митинги в защиту честных выборов, а учителей заставляли врать детям и проводить незаконные контрольные работы, чтобы не увеличивать за счет подростков число митингующих, и без того неприятное для власти. Проблема правды и лжи, на которой строится центральное произведение нашего номера – драма М.Горького «На дне», – вдруг встала перед нами в полный рост.

Придёт же этот номер к вам накануне выборов президентских. Как оно там будет в нашей стране во второй половине февраля, сейчас, в конце декабря, представить себе, конечно же, невозможно. Но сдаётся мне, что вопросы чести-совести, правды, обмана, лжи с повестки дня не снимутся. И всё ту же пьесу нелишне будет перечитать перед тем, как идти голосовать.

В послевыборные дни нередко приходилось читать и слышать, что именно учителя виноваты в масштабных фальсификациях. Ведь подавляющее число избирательных участков находится в школах, работают на них педагоги – и часть из них участвует в незаконном вбросе бюллетеней. Или в неправильном подсчёте голосов. Или, по крайней мере, молчит и не препятствует.

Одни говорящие и пишущие негодуют – как может учитель идти «сеять разумное, доброе, вечное» после того, как он принял участие во лжи. Другие оправдывают учителей – например, тем, что они всего лишь пешки, стрелочники, а спрашивать надо с тех, кто выше. А будешь закрывать избирательную урну грудью, можешь от этих, кто повыше, и схлопотать. Учителя же в основном обижаются на тех и других и посылают их подальше. У них своя правда, и чтобы её понять, нужно поработать в нашей системе образования, финансирующейся наполовину, но зато несвободной на все сто процентов.

У каждого своя правда. Или, как говорил главный герой нашего номера Лука, «во что веришь – то и есть». Обычно Луку за эти слова обличают: сказаны они в ответ на прямой вопрос о вере в Бога, и если Лука христианин, то должен был твердо ответить «Верую!» и прочитать символ этой самой веры. Вместо этого он заюлил, чем и выдал себя с головой. Не верит он в Бога. И ни во что не верит. Жулик и обманщик.

А мне всегда в этих словах слышалась самая глубокая человеческая правда. Во что веришь, то и есть. Есть то, во что веришь. Веришь, что *жить не по лжи* возможно, – значит, будешь стараться жить так и тем самым общий объем лжи уменьшишь. Не веришь в такую возможность, веришь в обратное – обратное и приключится. Надо осознать эту закономерность: будет то, во что ты поверил. Без этого первого шага – поверить – недостижима никакая цель.

Поэтому давайте перед тем, как нас снова будут испытывать на прочность, припомним наедине с собой главные для каждого из нас вещи. Те, в которые мы действительно верим. И поступим так, как нам подсказывает совесть. А там – будь что будет.

Сергей ВОЛКОВ

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ «ПЕРВОЕ СЕНТЯБРЯ»
Главный редактор:
Артём Соловейчик (генеральный директор)
Коммерческая деятельность:
Константин Шмарковский (финансовый директор)
Развитие, IT и координация проектов:
Сергей Островский (исполнительный директор)
Реклама, конференции, техническое обеспечение Издательского дома:
Павел Кузнецов
Производство: Станислав Савельев
Административно-хозяйственное обеспечение: Андрей Ушков
Главный художник: Иван Лукьянов
Педагогический университет:
Валерия Арсланьян (ректор)

ГАЗЕТА ИЗДАТЕЛЬСКОГО ДОМА:
Первое сентября – Е.Бирюкова,

ЖУРНАЛЫ ИЗДАТЕЛЬСКОГО ДОМА:
Английский язык – А.Громушкина,
Библиотека в школе – О.Громова,
Биология – Н.Иванова,
География – О.Коротова,
Дошкольное образование – М.Аромштам,
Здоровье детей – Н.Сёмина,
Информатика – С.Островский,
Искусство – М.Сартан,
История – А.Савельев,
Классное руководство и воспитание школьников – О.Леонтьева,
Литература – С.Волков,
Математика – Л.Рослова,
Начальная школа – М.Соловейчик,
Немецкий язык – М.Бузоева,
Русский язык – Л.Гончар,
Спорт в школе – О.Леонтьева,
Управление школой – Е.Рачевский,
Физика – Н.Козлова,
Французский язык – Г.Чесновицкая,
Химия – О.Блохина,
Школьный психолог – И.Вачков.

УЧРЕДИТЕЛЬ: ООО«ЧИСТЫЕ ПРУДЫ»
Зарегистрировано ПИ № ФС77-44340 от 22.03.11
в Министерстве РФ по делам печати
Подписано в печать: по графику 13.01.12, фактически 13.01.12 Заказ №
Отпечатано в ОАО «Чеховский полиграфический комбинат»
ул. Полиграфистов, д. 1, Московская область, г. Чехов, 142300

АДРЕС РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЯ:
ул. Киевская, д. 24, Москва, 121165
Тел./факс: **(499) 249-3138**
Отдел рекламы: **(499) 249-9870**
Сайт: **1september.ru**

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ПОДПИСКА:
Телефон: **(499) 249-4758**
E-mail: **podpiska@1september.ru**

Dr.WEB Антивирус
Документооборот Издательского дома «Первое сентября» защищен антивирусной программой Dr.Web

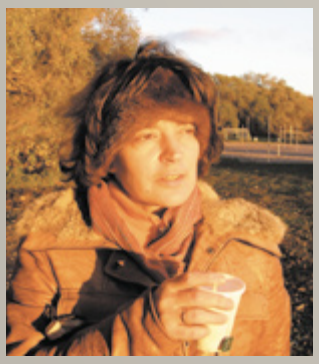
Готовимся к Марафону

В марте–апреле этого года мы будем проводить традиционный марафон педагогических предметов – одиннадцатый по счёту. Он состоится в здании лицея № 1535, где и проходит несколько последних лет.

День учителя литературы – 6 апреля. Вас, как всегда, будут ждать интересные встречи. И проблема, как всегда, одна: что же выбрать из разнообразного меню? Выбор – дело свободное и личное, и всё же рискнём дать вам наши рекомендации. Итак, ставьте в программе птички!

• С мастер-классом о том, как увеличить присутствие литературы в жизни ребёнка и как построить внеклассную работу по литературе, выступит заведующая кафедрой словесности Центра образования № 57 г. Москвы **Надежда Ароновна Шапиро**. Её прекрасно знают словесники страны: она часто печатается на страницах «Литературы» и «Русского языка», выступает по радио и на телевидении. А ещё Надежда Ароновна замечательно организует литературные игры и экскурсии, ставит спектакли и вообще как-то так мастерски закручивает жизнь пришедших к ней учиться детей, что немедленно хочется влиться в их ряды. Приходите, Надежда Ароновна будет делиться своими секретами!

• Из Санкт-Петербурга приедет **Наталья Михайловна Свирина**, наш постоянный автор и легендарный питерский словесник по совместительству. Она будет рассказывать о необычной форме работы с книгой – «Литературных беседах». Такие беседы сама Наталья Михайловна с успехом проводит в Питере, некоторые их материалы публикует у нас, а совсем недавно она выпустила книгу о технологии организации литературных бесед (рецензию на неё см. на стр. 58). Мастер-класс, который Наталья Михайловна показала этой осенью на ММКВЯ в Москве, произвёл на организаторов выставки очень сильное впечатление – восторженные отзывы слышали сами.



• Необычным для нашего марафона будет мастер-класс удивительного человека, театрального педагога, специалиста по работе с голосом **Тины Георгиевской**. Некоторые члены нашей редакции учились у Тины на тренингах – и до сих пор вспоминают эти занятия с чувством радости. Они дарят человеку возможность найти и понять свой голос – и в прямом, и в переносном смысле. Надо ли говорить, что для учителя-словесника это, может быть, самое главное. Зайдите на персональный сайт Тины (www.soundball.ru), почитайте, посмотрите, послушайте – и обязательно придите к ней на мастер-класс. Потом будете себе самим благодарны.

А ещё в этот день нас ждёт встреча с учителями **школы № 25 посёлка Свободный Свердловской области**, которые не побоялись предложить столице свою технологию «проживания одной книги». Их занятие будет максимально практическим и заинтересует тех, кто занимается в своих школах развитием детского чтения.

И, конечно же, к нам на марафон придут специалисты из **МИОО, ФИПИ** и недавно созданной в Москве **Ассоциации учителей русского языка и литературы**. С кем-то мы познакомимся, кого-то узнаем в лицо, как старых знакомых. Учёные и методисты расскажут нам об исследовательской и проектной деятельности по литературе, а также о подготовке школьников к олимпиадам разных уровней. Тема эта тем более интересна для нас, что заключительный этап Всероссийки по литературе будет проходить в этом году в ближнем Подмосковье, а в оргкомитет и в жюри, как планируется, войдут и представители нашего журнала. Впрочем, пока приказ о заключительном этапе ещё не подписан, поэтому постучим по дереву и скажем обязательное в таких случаях «тьфу-тьфу».

На марафоне также будут представлены разнообразные педагогические издательства, которые приготовят свои новинки для учителей-словесников.

Приходите! Будем ждать вас 6 апреля в лицее № 1535! Не забудьте зарегистрироваться – регистрация открыта с 20 февраля на сайте marathon.1september.ru!

Интервью у классной доски

Беседовал
Павел УСПЕНСКИЙ

Михаил Макеев

В преподавателе важен драйв, умение сделать свой предмет интересным

Михаил Сергеевич Макеев – доктор филологических наук, доцент кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Специалист по истории русской литературы второй половины XIX века, творчеству А.Н. Островского, Н.А. Некрасова. Автор более 50 научных работ, наиболее важная из них – монография «Николай Некрасов: Поэт и Предприниматель» (М., 2009).

– Михаил Сергеевич, Вы помните, как выбирали специальность? Почему именно филология?

– Это произошло очень спонтанно. Сначала я хотел поступить на журфак, целый год готовился, писал статейки для малотиражных газет, ваял портреты делегатов какого-то съезда ВЛКСМ. А в результате где-то уже примерно в мае, то есть за месяц до экзаменов, моя школьная учительница литературы Елена Ефимовна Янченко, сама выпускница филфака, вдруг сказала: «Надо поступать на филфак!» И я передумал. Конечно, я уже никуда не поступил, потому что специально не готовился к экзаменам. Целый год опять ушёл на подготовку, пришлось самому зарабатывать себе деньги на репетиторов.

Но что такое филология, я, конечно, не представлял. Типичный случай – человек любит читать книжки и пробует писать, а больше ничего не умеет. Читал я с детства; был момент, когда я, как, наверное, и все филологи, хотел писать – я сочинял какие-то рассказики, пьесы. И единственное, что я делал, что старался делать – это читать и писать...

– Вы поступили на первый курс. Как Вы пришли к вашей теме, к литературе середины XIX века?

– Первый курс я провёл, вероятно, как все, – в тумане и тусовке; нашёл любимых друзей, которые до сих пор ими остались. А на втором курсе люди, с которыми я дружил и общался, люди, которых обычно и называют «мой курс», разделились. Те, кто хотел заниматься языком, историей языка (их было примерно половина), пошли к В.М. Живову и Б.А. Успенскому, который ещё тогда у нас читал курс истории литературного языка. Вторая половина, литературоведы, пошли к Анне Ивановне Журавлёвой. И вот сформировалось два больших семинара: семинар Живова–Успенского – человек тридцать и семинар Журавлёвой – человек десять. У нас были и другие преподаватели; А.М. Песков, например, пользовался большим уважением. Но для моего курса важна была именно Журавлёва, и именно её семинар был альтернативой.

Все четыре года я был у неё. Анну Ивановну, несомненно, можно назвать ключевой фигурой моих университетских лет. Вообще, я старался

Фото предоставлены М.Макеевым и Е.Пенской.

А.И. Журавлёва

учиться – у меня был такой период в студенчестве. Глядя на преподавателей, я думал, у кого что можно взять. И тут вышло не так мало – какие-то чёрточки, манеры, отношение к чему-то, какие-то принципы. Но главной фигурой была всё же Анна Ивановна.

На втором курсе она объявила спецсеминар по Лермонтову. Но мы были достаточно бойкие (мы – это Майя Кучерская, Саша Криницын, я), мы пришли к ней и сказали, что хотим к ней в семинар, но в семинар, посвящённый более широкой теме. И она пошла нам навстречу! В итоге мы действительно стали заниматься более общей темой, что-то вроде «драматургия и литературный процесс XIX века». Анна Ивановна предложила мне заниматься Сухово-Кобылиным, меня он заинтересовал, и с этой фигурой я как-то до кандидатской диссертации и дожил.

– Параллельно Вы занимались и Островским?

– Островский вообще неизбежен, если вы занимаетесь драматургией второй половины XIX века. Был момент, когда я написал о нём большой текст (потом он вошёл в диссертацию) и показал его Анне Ивановне. А тогда как раз начиналась серия «Перечитывая классику». И Анна Ивановна предложила написать об Островском вместе: она возьмёт то, что она больше любит, – «москвитянинские пьесы», «Свои люди, сочтёмся», «Гроза» (она считала, что лучше всех о них напишет), а я то, что ей меньше нравилось – поздний Островский, уже более психологический (он был ей менее близок): «Бесприданницу», «Таланты и поклонники». Мы написали по несколько глав, и получилась книжка.

– Кто ещё на Вас повлиял?

– Конечно, сверстники. Я вообще всем рекомендую иметь такого человека, с кем вы соперничаете, к которому вы тянетесь и хотите, чтобы он вас признал, чтобы вы были так же хороши, как он… Помните, как Бродский говорил, что он хотел писать стихи, чтобы они нравились Рейну? Тут мне невероятно повезло с курсом. Я считаю, что он был изумителен. Достаточно просто перечислить – Михаил Гронас, Майя Кучерская, Валентина Апресян, Павел Лион, Фёдор Успенский, Александр Лифшиц, Кирилл Боголюбов, Александр Соболев, Андрей Васильцев (ныне о. Филипп), Александр Криницын, Сергей Алпатов, и это ещё не все… Когда я не поступил в университет сразу после школы, я расстроился. А потом понял, как мне повезло.

– Как влияла перестройка и распад Советского Союза на Вашу жизнь, на университет и на науку?

– Очень влияла, конечно. Я бы не сказал, что было очень тяжело: мы же были молодые, нам было весело. Время было поразительное, на самом деле. Я поступил в 1987 году, и так получилось, что 1991 год пришёлся на период между 4-м и 5-м курсом, а 1993 год – это середина аспирантуры. Я думаю, что наш курс (очень сильный, который играет уже определённую роль в литературе, в науке, который будет, я уверен, играть ещё более значимую роль) обязан этому бурному времени.

Я поступал в университет как раз на фоне массовых публикаций. Первый раз в жизни я тогда стал выписывать «Новый мир». Помню, как в июне получил очередной номер журнала, а там «Котлован» Платонова! И я ждал, пока пройдут экзамены, чтобы спокойно его прочитать. В университете у нас был огромный интерес, мы жадно читали запрещённую ранее литературу – так было и в обществе в целом. Тогда начали печатать западную филологию и философию – Барт, Хайдеггер, – и это было невероятно важно для нас. Кстати, этого нет у современных студентов. Они не умнее и не глупее нас, но они никогда не скажут друг другу: «Как же вы не читали Хайдеггера? Платонова?». «Ну не читал, и не читал, и не надо», – так они приблизительно рассуждают. У них нет такой обязательности, какая была у нас. Не прочитай тогда Барта! И это была высокая планка – попробуй прочесть Хайдеггера! К этому надо было тянуться, это очень развивало. Чего мы только не читали, иногда по каким-то ксероксам!

Обложка книги А.И. Журавлёвой и М.С. Макеева

Для нас была чрезвычайно важна не только филологическая, но и политическая составляющая: свобода, митинги. Когда я учился на первом

Митинг в августе 1991 г. на Манежной площади в Москве Фото с сайта http://m.forbes.ru/article.php?id=62761

курсе, был первый митинг – на первом этаже первого гуманитарного корпуса, на «большом сачке». На митинги мы все ходили, не только в университете, но и на Манежную площадь. Это всё было очень освобождающим. Мы были, мне кажется, первым таким поколением. Наш курс, например, отменил «Политэкономию социализма»! Мы честно прошли политэкономию капитализма, а потом социализм в 90-м году уже не захотели. Бастовали. Серьёзно к этому относились. И предмет убрали. В дипломе у меня уже нет оценки за этот курс.

И всё это, конечно, было связано между собой – свобода, митинги, книги. В августе 1991 года практически все мои знакомые (кроме тех, которых не было в Москве) были на улице. Невозможно было не пойти.

– Вы говорите «мы», «нас». Вы себя мыслите всё-таки как представителя поколения, а курс единым целым?

– Повторю ещё раз: курс для меня – это часть людей. На самом деле, были разные люди, и кого-то из моих однокурсников, может быть, удивит, что я сейчас говорю. Те люди, которые собрались в одну компанию, человек 10–15, – вот мой курс. Я не уверен, что в этом случае правильно говорить о поколении. Это просто мои друзья, которые мне симпатичны. У нас было много общего, мы говорили на одном языке.

О проблеме поколения я мало думаю, скажу честно. Я вообще не уверен, что это современная категория. Мне кажется, это слишком сильное слово. Вот поколение 40-х годов XIX века – Герцен, Белинский и другие – оно, конечно, было. А есть ли поколение 90-х или, например, 80-х – я не знаю.

– Но Вы же говорили, что многие люди с вашего курса определяют и науку, и культуру?

– Ну и что? Это ещё не признак поколения. Это случайное совпадение талантливых людей в одно время в одном месте. Возможно, в этом есть какая-то более глубинная закономерность, но я, видимо, не готов об этом говорить.

– Почему Вы выбрали для своих штудий классический период, которым можно было заниматься всегда, а не литературу возвращавшуюся?

– Это не совсем моё. К тому же, перед литературой XX века я немного робел и думал, что это слишком современно. Чтобы заниматься этим временем, которое было не до конца ещё открыто (что все понимали), надо было быть не только учёным, но ещё и критиком, а критиком я быть боялся, всё же это не моя специальность. У меня были попытки писать рецензии, они даже печатались когда-то, но это не моё. Так что не было и человека, который бы этим руководил, и не было специального интереса.

Тут важен и ответ (который я позаимствовал от Анны Ивановны) на вопрос, кем надо заниматься. Она всегда считала, что не надо заниматься тем, кого очень любишь. И не надо изучать то, что терпеть не можешь. Оптимальное отношение – интеллектуальная симпатия. Вам это не неприятно, но вы не боитесь копаться в этом, разрушать текст. Мне кажется, между учёным и объектом исследования должна быть дистанция, в том числе временная. Мандельштама я впервые прочёл после 10-го класса; Ходасевича открыл для себя на первом курсе. Между этой литературой, которая мне, на самом деле, безумно нравилась, и нами не было никакой дистанции! Это всё было слишком свежо, слишком актуально, слишком сильно действовало. Это была литература, которая была для меня современней, чем, скажем, Евтушенко.

– Нет ли у Вас ощущения, что середина XIX века сегодня ушла в тень, а фигуры типа Белинского или Чернышевского загнаны в подполье?

– Объективно, так сказать, в социальном срезе – вы правы. Немыслимо сейчас открывать семинар по Белинскому. Упомянутые вами фигуры, конечно, отошли в тень. Но я не уверен, что они были на самом деле действительно популярны в другие времена. Когда перед вами стоит такой выбор: семинар социалистического реализма под руководством Метченко или некрасовский семинар, вы, скорее всего, пойдёте на Некрасова, лишь бы не участвовать в первом… Понятно, да? Теперь же изменилась

У русской литературы XIX века есть особенность, отличающая её от западноевропейских литератур: её главные герои – «соль земли». В русской литературе XIX века немыслим, например, такой роман, как «Госпожа Бовари» Флобера, всерьёз, с сочувствием и долго рассказывающий о людях не только обыкновенных и слабых, но даже, пожалуй, с определённой точки зрения вульгарных. Главных героев русской литературы никак не назовешь «типичными представителями», они наделены исключительными свойствами, способностями – и Печорин, и Раскольников, и даже Обломов...

Вместе с Онегиным, который появился почти в это же время, Чацкий являет собой образ «высокого героя»... Такой герой всегда наделён словом о мире, ему есть что сказать, и он говорит много и охотно. В «Горе от ума» герой слова был застигнут в момент своей исторической правоты.

конфигурация самого выбора. Вы выбираете, например, человека, а он занимается чем-то другим. Во многом такие интересы зависят от лидеров общественного мнения – современных учёных, публицистов, писателей. Какой-то почтенный, авторитетный человек занимается, скажем, Белым, и вокруг него собирается некоторое направление, формируется что-то вроде моды. И этот человек за собой ведёт других. Студенты идут за этими лидерами. Если лидеры не хотят заниматься Некрасовым, то им особо никто и не занимается.

Сейчас филологическая молодёжь, связанная с XIX веком, интересуется прежде всего Достоевским. Сложно представить, соберётся ли, например, семинар по Толстому. Есть, правда, особая разновидность – религиозные люди, и они выбирают соответствующих преподавателей.

В общем, Чернышевского, Герцена, Белинского забросили прежде всего интеллектуальные лидеры. И теперь не приходят заниматься Некрасовым, Решетниковым. Некому сказать молодёжи, что эти фигуры интересные.

– Может быть, надо по-другому преподавать этот период? Как-то специально заинтересовывать студентов, демонстрировать новые подходы?

– Когда мы говорим о преподавании, я всегда сторонник разговора не о новых подходах, а о личностях. Вы говорите о подходах. Но что такое подход? Методология? В наше время это бессмысленно. Лет двадцать назад подход был, конечно, важен: постструктурализм, не постструктурализм… А сейчас – плюрализм, демократия, и у каждого может быть свой метод. Я не думаю, что студенты ищут методологию. Неважно, чем вы пользуетесь, – надо быть интересным! В нашей ситуации, условно говоря, демократии, свободы и рынка главный действующий товар – это личность, яркий человек. Яркость требует, конечно, дополнительных определений, но всё же. Прежде всего, человек, которому это интересно самому. И у него может быть этот подход, другой… Важен прежде всего его собственный интерес, драйв, умение сделать свой предмет интересным.

– Вы – такой преподаватель?

– В лекциях я стараюсь заинтересовывать. А в науке… Я верю в то, что если мне по-настоящему интересно, это будет интересно и другим. Главное, чему я научился у Анны Ивановны, – не методология, а точка зрения, что работа получается, когда она вас затягивает, когда у вас есть чувство, что это вышло. Вы пишете, пишете, думаете, опять пишете километр, и вдруг у вас появляется формулировка, факт, и вы понимаете – вот оно! И с этого места начинается настоящая наука. Так может быть в любой области – в истории литературы, в интерпретации поэтики. В какой-то точке вдруг становится здорово, интересно – и именно в этой точке это интересно и другим. Точно так же устроено и в преподавании, на самом деле.

В общем, важен человек, который может сделать интересным материал, а для этого он сам должен быть интересным. В этом моё универсальное лекарство! И есть такие интересные люди сейчас, но так сложилось, что они не занимаются, например, Некрасовым, или их совсем мало. Вот, например, Жуковский – ему очень повезло, его изучают много и интересно.

– Насколько Вы можете обвинить школу в нелюбви к этой эпохе? Например, школьники должны изучать того же Некрасова, но его так преподают, что лучше бы вообще не преподавали. И вчерашние школьники, нынешние студенты выбирают что угодно, только не Некрасова.

– Боюсь, что я тут не очень компетентен. Я бы не хотел ругать школу (кто же её не ругает?); часто это делают люди, которые не знают, что такое школа, там не работают. Сам я работал в школе всего полгода: преподавал литературу в 10-м классе. Несмотря на то, что это была приличная центральная школа, хороший класс, – преподавать было очень тяжело.

Я думаю, что главная проблема в школе – немотивированность детей. В вузе легче работать, потому что там мотивированные люди, в вуз они приходят за чем-то, им что-то надо. И они взрослые. А тут – школьник просто должен ходить, и всё. Зачем ему Некрасов, например? Всякие чиновники, не выходящие из своих кабинетов, говорят – «учителя не умеют увлечь»

Герои Островского то и дело *говорят о том, как они говорят.* Наверное, в мире нет другого драматурга, у которого так часто и с такой настойчивостью действующие лица рассуждали бы о словах, о языке, о говорении. В наследии Островского нелегко найти пьесу, где бы этого вовсе не было.

и тому подобное. Да иди увлеки! Попробуй сам это сделать! Вот у тебя 30 человек класс, неизвестно, зачем дети сюда пришли, и попробуй заинтересуй их Белинским или Некрасовым. Это невероятное напряжение!

Чтобы увлечь детей, надо, опять же, говорить с ними о том, что вам самим интересно. Но чуть-чуть проще. Для меня это было ужасно полезно, на самом деле. С детьми в некотором смысле очень хорошо. Это дисциплинирует, заставляет говорить ясно и максимально просто. После школьной практики с меня как рукой сняло: «структура», «событие», «релевантность», «конгруэнтность»… Вдруг оказалось, что и без этого хорошо – и можно всё объяснить.

– Если бы у Вас была возможность изменить программу по литературе, Вы бы ею воспользовались?

– А я бы всё так и оставил! Потому что вообще не в этом вопрос. Программа не служит интересу. У неё другая функция, – она служит идентичности, это общий бэкграунд. В школьной программе главное – её всеобщность. И не надо туда всё впихивать. В той школьной программе, по которой я учился, не было даже «Обломова».

Я уверен, что из любой программы можно сделать прекрасный курс, который дети будут вспоминать всю жизнь. Школьная программа, по сути, предмет общественного договора: что русский человек должен прочитать, чтобы мы, я и вы, могли общаться. Всё зависит от того, какую идентичность мы хотим формировать…

Состав текстов поэтому не так важен. У нас есть прекрасная литература, это огромный резервуар – черпайте на здоровье! Если не хватает времени, давайте выберем консенсусом, что лучше – «Отцы и дети» или «Обломов»! Я тут не вижу, честно говоря, большой проблемы. Споры о программе – важные, но это споры о другом, не о том, как сделать преподавание лучше и интереснее для учеников.

Для XIX века в России характерна коллизия двух типов религиозности: ветхозаветной и новозаветной, Закона и Благодати. Оба начала гармонично сосуществуют в патриархальном мире, где скрепы Закона наполнены первозданным духовным смыслом и являют собой опоры, а не путы. В Новое время положение меняется, и требования Закона обнаруживают тенденцию формализовываться, утрачивать духовный, а сохранять исключительно дисциплинирующий или даже устрашающий смысл. Подчеркнём: это не суть ветхозаветной религиозности, а её болезненное перерождение. Новозаветное религиозное сознание предполагает и требует от человека гораздо больше личных усилий и личного самостояния.

Необходимо сделать профессию учителя престижной. А учитель уже сам сможет прочитать и «Обломова», и «Бесов», и Некрасова… Задача привлечь ярких людей. Всё упирается в человеческий фактор. Но вот если мы не можем добиться этого в университете, то что уж говорить о школе…

– Если бы Вас сейчас позвали в хорошую школу, Вы бы пошли?

– Если бы мне предложили, я бы счёл предложение за честь, поблагодарил бы, но не пошёл. Не потому что я это презираю или что-то ещё, а потому что это слишком тяжело. Ответил бы «нет», но с чувством стыда.

– Вы один из немногих, кто интересно занимается Некрасовым. Насколько он должен быть в бэкграунде русского человека? «Что делать» давно стало ненужной книгой; замечательный, блестяще написанный роман «Кто виноват?» забыт… Можно сейчас прожить, не читая этих книг. Что делать с Некрасовым? Может быть, он тоже не нужен?

– Я думаю, что без Некрасова мы теряем важную часть нашей культуры. Понимаете, какое дело: для нас важно наше «фантомное прошлое» – чьи мы потомки? Понятно, что мы потомки наших родителей, но мы и потомки наших великих предков… Можно считать, что мы потомки Вяземского, Каткова, Победоносцева, Столыпина… Мы можем видеть русскую культуру как эстетическую, аристократическую… Эстетика, Константин Леонтьев… Можно быть, как Набоков (Некрасова, впрочем, очень любивший), аристократом духа и видеть русскую литературу в таком свете. И, как Набоков, вы можете презирать народолюбцев и террористов.

Можно прожить без Некрасова, Решетникова, Белинского, Чернышевского… Но мне кажется, что при этом мы теряем другую часть русской культуры. Ту часть, которая больше всего ассоциируется, например, на Западе со словосочетанием «русская литература»: жалость, сострадание, любовь к народу, к маленькому человеку… Кругом много несчастных людей, миллионы, живущие во тьме, а мы, образованные, в университетах учимся… Русская литература всегда помнила об «униженных и оскорблённых», и если эту память из неё вытравлять, то возникнет ничем не закрываемый пробел.

На полях – цитаты из статей А.И. Журавлёвой

Курс молодого словесника

Оксана Вениаминовна СМИРНОВА,
учитель литературы Традиционной гимназии,
Москва

Правда, ложь, лукавство

Учитель не должен врать никогда. Если вам кажется, что звучит это чересчур грозно и безапелляционно, скажем иначе: учитель не может позволить себе попасться на лжи. И лучше всё-таки не рисковать.

Нельзя сказать ученику — одно, его маме — другое. Даже взяв с обоих слово, что они сохранят ваши слова в тайне. Не верьте — обязательно обманут. Особенно ненадёжны мамы: они в запальчивости непременно выдадут ребёнку все ваши секреты.

Ни в коем случае нельзя, выкручиваясь из передряги, врать школьному начальству в присутствии детей (делать ли это без детей — решайте сами). Это одна из самых больших ошибок, какие мы можем совершить. Во-первых, после нашей жалкой лжи дети будут нас презирать. Во-вторых (и в главных) — мы покажем им пример фундаментально неправильного поведения. Классный руководитель иногда годы тратит на то, чтобы приучить класс честно признаваться в содеянном, не валить вину на другого и не отмалчиваться трусливо. После того как дети увидят своего учителя, позорно лгущего из страха перед начальством, о воспитании честного благородства можно забыть. Так что встречайте бурю грудью, терпите громы, молнии и прочие гонения. Это намного легче, чем переносить потом последствия своего малодушия. Кстати, врать, выгораживая своих учеников, тоже нежелательно. Лучше разделить с ними наказание, заступиться, поручиться, что «это» больше не повторится, но не становиться заложником и соучастником вранья. Добром это, как правило, не кончится.

Не можем мы к тому же и не выполнить обещанного детям. Лучше не обещать ни того, что понаставите «двоек», вызовете родителей, отправите к директору, ни того, что поставите «пятёрку», пойдёте в поход и прочее. Ничего не обещайте, если у вас есть хоть малейшее сомнение, что обещание будет выполнено. Вас перестанут принимать всерьёз — со всеми вытекающими последствиями. И гораздо эффективнее признаться в собственной ошибке, чем пытаться отстоять свою «правоту», которая совсем не правота, или искать себе какие-то неуклюжие оправдания.

Всё это, разумеется, не значит, что мы должны всегда идти напролом с правдой наперевес. Профессия наша постоянно требует дипломатических ухищрений: и врать нельзя, и правда может оказаться «хуже обуха». Приходится использовать разного рода ухищрения и уловки лукавого свойства, при этом не забывая хорошо просчитывать возможные последствия того или иного хода.

Становимся ли мы при этом циничными «манипуляторами», обманщиками — пусть и из лучших побуждений? Совсем необязательно. Просто когда мы пытаемся в чём-то обнадёжить своих учеников, нам же потом придётся приложить максимум усилий, чтобы у них действительно всё получилось. Или хотя бы помочь пережить неудачу и не сломаться.

В каждом классе есть несколько мучительно безграмотных ребят, которые не видят смысла в упражнениях, карточках, дополнительных занятиях и прочем. Лучше-то не становится… И, что самое печальное, и не станет ни через неделю, ни через месяц. Это надо сказать им честно. Не станет, пока мозг не сумеет компенсировать какое-то невидимое поражение, а на это уйдут годы. Но если не работать, так мозг и пытаться не станет, вот в чём штука. А вот если продолжать работать, несмотря ни на что, то однажды — классе в 10-м или 11-м — всё вдруг наладится как бы само собой. Это надо сказать уверенно и убеждённо (а про себя добавить: может быть…). И, знаете, так всё-таки бывает, причём даже нередко. Особенно если мы не будем забывать, что этому ученику всё время нужна помощь.

Или другой пример: ученик принёс свои стихи и с замираньем сердца ждёт нашего суда. Стихи в лучшем случае просто ещё «никакие» — наивные и подражательные, и неизвестно, на что автор окажется способен в будущем. Но чаще это будет «худший» случай — стихи плохие безнадёжно. Однако мы же этого не скажем, правда? То есть мы скажем по-другому: это пока ещё не стихи, но сейчас никто не может сказать, что ты не поэт и не станешь поэтом. Кто тебя знает… Да ты и сам, небось, не знаешь, нужно оно тебе или нет. Но если нужно, то самое время становиться профессионалом — ну и так далее: про то, что поэзия не терпит банальности и безграмотности, что читать надо больше и т.п. Впрочем, всех случаев, где надо проявить тонкую дипломатию, не перечислишь.

P.S. Да, кстати, расхождения между тем, что мы на самом деле делаем в классе, и тем, что пишется в казённых бумаженциях, по-моему, не стоит считать коллизией между правдой и ложью. Предлагаю числить их по разряду военных хитростей.

Беседы о литературе

Наталья Михайловна СВИРИНА,
доктор педагогических наук,
профессор, Санкт-Петербург

Когда кончается детство?

В ходе этой литературной беседы мы не только знакомим школьников средних классов с новыми для них авторами, не только рассказываем о взрослении выдающихся людей и даём ребятам возможность свободно рассуждать о самих себе. Мы готовим учеников к тому, что предстоящий им переходный возраст может стать для них продуктивным этапом жизни, временем осознанного выбора своего пути.

Максим Горький заканчивает автобиографическую повесть «Детство» словами деда, обращёнными к нему, тогда – подростку Алёше Пешкову: «Через несколько дней после похорон матери дед сказал мне: – Ну, Лексей, ты – не медаль, на шее у меня – не место тебе, а иди-ка ты в люди... И пошёл я в люди».

«В люди», то есть из дома в большую и совершенно самостоятельную жизнь отправляет дед внука. *Как вы думаете, будет «в людях» продолжаться детство или же для Алёши наступают другие, нелёгкие времена?*

Прочитав эту цитату из повести М.Горького[1], дадим возможность школьникам обсудить предлагаемый вопрос, после чего расширяем его: *Когда, по вашему представлению, завершается детство человека? С какими событиями или чувствами вы предположительно связываете конец детства?*

Собираем мнения ребят – они, как правило, разнообразны: «когда заканчиваешь школу», «когда уезжаешь из дома учиться или в лагерь летом», «если что-то случается в семье», «когда идёт война, рано взрослеют», «когда поступают в институт». Стоит подчеркнуть, что жизненные ситуации, которые вольно или невольно завершают детство человека, заставляют его выбирать свой путь или решать что-то важное самому, нести ответственность за самого себя и за других. Обсуждение таких ситуаций (и на примере литературы тоже) всегда проходит живо и заинтересованно.

Если перед вами школьники 5–6-х классов, можно вспомнить рассказ М.Горького «Воробьишко». Напомнив сюжет, задаём вопросы: *Кто из персонажей рассказа – мать, сын, кошка – отнесся к ситуации серьёзно? Как вы думаете, воробьишко уже не будет вести себя так же беззаботно, или урок впрок ему не пошёл? Закончилось ли детство у героя рассказа или для этого ему ещё нужно немало ситуаций, подобных описанной в рассказе?* Обсуждаем вопросы, обратив внимание ребят на концовку:

«– Ну что ж! – сказал Пудик. – Всему сразу не научишься!

А кошка сидит на земле, счищая с лапы воробьихины перья, смотрит на них – рыжая, зелёные глаза – и сожалительно мяукает:

– Мяа-аконький такой воробушек, словно мышка... мя-увы...

И всё кончилось благополучно, если забыть о том, что мама осталась без хвоста...»

Нас ждут и другие, незнакомые ученикам произведения. Лев Кассиль «Черемыш, брат героя». Очерчиваем сюжет, интрига которого заключается в мечте героя, мальчика Гешки, оказавшегося в детском доме, о старшем брате. Многие уважают Гешку за то, что у него героический старший брат, лётчик-полярник, преодолевший невиданные до него расстояния в суровых условиях. Письма, приходящие от брата, Гешка бережёт, щеголяет терминами, знакомыми лётчикам военной авиации.

Учитель читает сцену, в которой лётчик приезжает в город, где находится Гешка, а Гешка – за него радуются заранее и друзья, и учителя – вдруг исчезает! *Почему, как вы думаете?* Ведь впереди хоккейный матч, капитан одной из команд – Гешка! Болельщики недоумевают, противники радуются,

▲ *Е.Чарушин. Иллюстрация к рассказу М.Горького «Воробьишко»*

и в разгар матча, когда команда Гешки проигрывает без своего капитана, он вдруг откуда ни возьмись появляется на льду замёрзшей реки. Старший брат, лётчик, здесь, среди болельщиков, но он вроде бы и не узнаёт своего младшего брата! Интрига усиливается ещё и тем, что шайба улетает далеко за край «поля» – дело происходит в далёком северном городке, играют прямо на реке, и игрок, помчавшийся на коньках за шайбой, попадает в полынью. Спасать его бросается Гешка. Следом за ним – лётчик, который вытаскивает и несёт в шинели и того, и другого. Диалог в гостинице стоит ребятам прочесть:

▲ *Б.Винокуров. Иллюстрация к повести Л.Кассиля «Черемыш, брат героя»*

«Вскоре в номер принесли высушенные вещи Гешки и учебники, забытые им. Но Гешка уже спал.

Когда он проснулся наутро, лётчик был совершенно одет, при орденах и даже в фуражке. Он, видимо, собирался уезжать.

Под окном то громче, то тише урчал прогреваемый мотор автомобиля.

Климентий Черемыш сидел за столом, что-то читал, пожимая плечами и сдвигая фуражку на затылок. По широкому выразительному лицу его гуляла гримаса веселого недоумения. Он смешно таращил глаза, надувал щёки и делал губами “пуф-пыф”.

Гешка проснулся с твёрдым намерением сразу же всё рассказать лётчику. Он не мог больше скрывать. “Он меня спас, а я от него секрет держу, да ещё про него самого! Узнал бы, так не спасал, наверно...” – мучился Гешка.

– А, проснулся, утопленник, щука подлёдная! – закричал лётчик.

Широко шагая, он подошёл к постели и встал, упершись руками в бока и покачиваясь с каблука на носок.

– Слушай, это твой тут задачник принесли? Я, брат, ничего не понимаю! Тут вместе с ним письмо принесли. В задачник вложено. Адресовано мне. Вот видишь: “Герою Советского Союза Климентию Черемышу”. Я, значит, взял его, распечатал, а там какая-то ерунда. Вот смотри: “Уважаемый товарищ Черемыш! Директор третьей северянской средней школы вынужден обратить ваше внимание на неуспеваемость и недисциплинированность вашего брата Черемыша Геннадия, ученика пятого класса...” Ну, и так далее. Я что-то ничего сообразить не могу. При чём тут я? У меня никакого брата нет и не было.

– Это про меня... – сказал Гешка, хлопая глазами и чувствуя, как начинает ему колоть щёки прилившая к лицу кровь. – Но неуспеваемость за последнее время только. Честное слово, правда...

– Хорошо, ты не успеваешь, а я тут при чём? Написано: брат.

– Это я – брат, – пробормотал Гешка.

– Ты – брат? – удивился лётчик.

– Ну, как будто брат...

– Чей брат?

– Ваш будто...

– Мой?

– Угу...

– Нет, ты, верно, простуду всё-таки схватил. Жарок у тебя, я вижу. Дай-ка я тебе градусник...

– Да нет же.. у меня нормальная! – в отчаянии завопил Гешка. – Это я просто... будто вы и, словом я....

– Ну, ты, да я, да мы с тобой. А дальше?

– Вы не серчайте только... Я сейчас скажу...

И он, всхлипнув, накрылся с головой одеялом. Выслушивать нехитрую Гешкину исповедь лётчику пришлось сквозь толстую байку. Климентий попробовал было пощекотать высунувшуюся пятку. Но грешник ни за что не вылезал на свет.

– Я два года... всё про вас воображал, – слышалось из-под одеяла. – И по занятиям я из-за вас хорошо был... и по авиации тоже старался. Можете спрашивать. Я всё отвечу. И девиацию знаю... и триммер... Вы спрашивайте... Ну, что хотите спросите.

– Чего ж тебя спрашивать? Вот пристал вдруг!.. Ну ладно. Как вот, скажи, допустим, ты бы машину посадил при боковом ветре, если, скажем, вынужден сесть или подходы иначе не позволяют?

– Посадка при боковом ветре производится при ветре, дующем справа или слева от направления посадки... – зарапортовал совсем иным голосом Гешка под одеялом. – Сажать при работающем моторе? – деловито спросил он.

– Ладно, бог с тобой уж, сажай с работающим.

– Тогда, значит, надо скользить на крыло туда, откуда ветер. А по-над землёй выровняться и газануть как следует, чтоб шибче садиться, чем если как всегда.

– Фу ты, история! – изумился лётчик. – Прямо на три точки. Откуда это ты?

Через четверть часа Климентий знал уже всё. Сперва он хмурился, потом только головой качал».

В чём признался Гешка лётчику? Отчего Климентий Черемыш, лётчик-герой, хмурился, качал головой во время Гешкиного рассказа? Как вы думаете, что предложит лётчик сделать Гешке?

После предположений учеников читаем:

«Лётчик встал, прошёлся из угла в угол, потом опять подошёл к кровати:

– Ну, как же теперь нам всё это расхлебать?.. Может быть, так и оставить? А? Пускай их себе думают, что братья. А? Как по-твоему?

Он наклонил голову и из-под широкого лба испытующе посмотрел на Гешку. Гешка молчал.

– Ну? Или как? – торопил лётчик.

– Н-н-нет, – выдавил из себя Гешка, – это уж не годится. Лучше пускай уж знают. Всё равно. А то какой же это я вам брат буду, если трусить и врать всё? Нет уж!

– Это вот хвалю! Это подходяще! – воскликнул Климентий. – За это прямо впору бы и побрататься с тобой. Ладно, я уж в школе сам всё это обделаю. Дразнить не будут».

Легко ли было Гешке рассказывать своим одноклассникам о том, что он «придумал» себе героического, известного всей стране старшего брата? Что он запомнит из этой истории? Закончилось ли для него детство в эти минуты или это только неприятный эпизод, и Гешка дальше будет продолжать сочинять свою биографию?

Эта история – мирная, здесь нет тревоги за жизнь пусть и «заигравшегося» мальчика. Следующая история – рассказ Джеймса Олдриджа «Последний дюйм». Тоже – подросток, десятилетний мальчик Дэви, родители его развелись, сюжет рассказа застаёт героя тогда, когда он остаётся вместе с отцом, кстати, тоже лётчиком по имени Бен, берущимся в период кризиса за любую работу. Рассказ ведётся от третьего лица, что позволяет читателю в равной мере видеть и мальчика, и его отца:

«Так он и остался ни с чем, если не считать равнодушной жены, которой он не был нужен, да десятилетнего сына, родившегося слишком поздно и, как понимал в глубине души Бен, чужого им обоим – одинокого, неприкаянного ребёнка, который в десять лет чувствовал, что мать им не интересуется, а отец – посторонний человек, резкий и немногословный, не знающий, о чём с ним говорить в те редкие минуты, когда они бывали вместе.

Вот и сейчас было не лучше, чем всегда. Бен взял с собой мальчика на “Остер”, который бешено мотало на высоте в две тысячи футов над побережьем Красного моря, и ждал, что мальчишку вот-вот укачает.

– Если тебя стошнит, – сказал Бен, – пригнись пониже к полу, чтобы не запачкать всю кабину.

– Хорошо. – У мальчика был очень несчастный вид».

Немудрено, что отца раздражает «несчастный» вид сына: «Мальчик опустил голову и тихонько заплакал. Бен пожалел, что взял с собой сына». Этих цитат достаточно, чтобы определить характер взаимоотношений и состояние мальчика. Стоит обратиться к центральному эпизоду, который ведёт рассказ к финалу, меняя как характер отношений между отцом и сыном, так и ощущения самого Дэви. «Телевизионная компания платила ему по тысяче долларов за каждые пятьсот метров фильма об акулах и тысячу долларов отдельно за съёмку рыбы-молота. Но здесь рыба-молот не водится. Были тут три безвредные акулы-великана и довольно крупная пятнистая акула-кошка, она бродила у самого серебристого дна, подальше от кораллового берега. Бен знал, что сейчас он слишком деятелен, чтобы привлечь к себе акул, но его интересовал большой орляк, который жил под выступом кораллового рифа: за него тоже платили пятьсот долларов».

Раненый во время фотоохоты на акул Бен не сможет вести самолёт:

«Он знал, что не сможет больше вести самолёт; руки горели, как в огне, и были тяжёлые, как свинец, ноги не двигались, и всё плыло, как в тумане.

– Дэви, – еле выговорил Бен, не открывая глаз. – Что у меня с ногами?

– У тебя руки… – услышал он невнятный голос Дэви, – руки все изрезаны, просто ужас!

– Знаю, – зло сказал Бен, не разжимая зубов. – А что у меня с ногами?

– Все в крови, изрезаны тоже…

– Сильно?

– Да, но не так, как руки. Что мне делать?»

Выход один: «Единственной надеждой спасти мальчика был самолёт, и Дэви придётся его вести. Не было ни другой надежды, ни другого выхода. Но прежде надо обо всём как следует поразмыслить. Мальчика нельзя пугать. Если Дэви сказать, что ему придётся вести самолёт, он придёт в ужас. Надо хорошенько подумать, как сказать об этом мальчику, как внушить ему эту мысль и убедить всё выполнить, пусть даже безотчётно. Надо было ощупью найти дорогу к объятому страхом, незрелому сознанию ребёнка. Он пристально посмотрел на сына и вспомнил, что уже давно как следует на него не глядел».

▲ *Д.Крукшенк. Иллюстрация к роману Ч.Диккенса «Оливер Твист»*

Мы рассказываем школьникам эту историю, читая фрагменты рассказа. После рассказа обсуждаем, *что произошло с отцом за время полёта назад, и что – с сыном?* Читаем фрагмент:

«Оставшись один на высоте в три тысячи футов, Дэви решил, что уже никогда больше не сможет плакать. У него на всю жизнь высохли слёзы». Школьники говорят сразу, что в эти часы для Дэви закончилось детство. Комментарии учеников фиксируют два «состояния» мальчика: страх и ответственность. *Что начинается теперь, после благополучной посадки, для Дэви, для Бена?* Обсуждению этого вопроса поможет чтение последних строк рассказа. Нам важно, чтобы драматизм ситуации не заслонил от школьников процесс формирования человека – в Дэви, привыкшем до того быть на втором месте в жизни своих родителей; в Бене, который, от раздражения на сына в начале полёта пришёл теперь к единственной мысли спасти его во что бы то ни стало.

Тема требует от нас, взрослых, разных её разворотов. Потому уместно познакомить школьников не только с литературными героями и их выростанием из детства, но и с судьбой реальных людей. Замечательно слушают школьники любого возраста рассказ о детстве знаменитого английского писателя Чарлза Диккенса[2], без малого в одиннадцать лет оставшегося без семьи, которая уехала искать заработка в Лондон, в то время как мальчик остался в родном городе Чатеме, чтобы закончить учебный год. Через год он один, работает по двенадцать часов в день на фабрике в Лондоне, так как его семья находится в долговой тюрьме. До тех пор, пока ситуация не изменилась, Диккенс жил именно так, да ещё помогал своей сестре учиться. Конечно, тут мы называем, а если время, отведённое для беседы, позволяет, читаем/рассказываем эпизоды рабочего детства диккенсовских героев из романов «Оливер Твист», «Большие надежды», «Домби и сын».

Уместно в нескольких словах обрисовать и жизнь юного Мигеля де Сервантеса, мечтающего стать писателем и долгое время лишённого возможности сосредоточиться на этой мирной работе – вспомним его военное поприще в юности – из-за того, что он помогал материально своим родителям.

Последним сюжетом беседы будет чтение фрагмента из книги американского изобретателя, энергичного успешного бизнесмена Генри Форда «Моя жизнь, мои достижения»[3].

«Самым знаменательным событием детских лет стала встреча с локомобилем, милях в восьми от Детройта. Мне тогда исполнилось двенадцать лет. (Тот же год ознаменовался и ещё одним не менее важным событием: я получил в подарок часы.) Та машина отчётливо стоит у меня перед глазами, как будто я видел её только вчера, – ведь это был первый транспорт на колёсах без лошади, который я видел. В сущности, локомобиль представлял собой весьма простой механизм: агрегат из парового котла, чана с водой и ящика с углём. Локомобили приводили в действие молотилки и лесопилки. Правда, до этого я видел много локомобилей, но все они перевозились на лошадях, у этого же была цепная передача на задние колеса платформы, на которой помещался котёл. Двигатель находился над котлом, и один человек, стоя на платформе позади котла, вполне мог набирать уголь и управлять рулём... Я сразу же выведал всё, что можно. Машина остановилась, чтобы пропустить нашу повозку, и я в мгновение ока оказался рядом с ней, сразу же забросав машиниста вопросами. Машинист с гордостью и удовольствием давал пояснения. Он показал мне, как снимается цепь с движущего колеса и как надевается ремень, чтобы приводить в действие другие машины...

Именно этот локомобиль и воодушевил меня на конструирование автомобилей. Я пытался воспроизвести эту модель самостоятельно, и несколько лет спустя мне это удалось. Однако с тех пор, как я, двенадцатилетний мальчуган, увидел локомобиль, мной полностью завладела мечта создать такой автомобиль, который бы двигался сам. После поездок в город мои карманы всегда были набиты всякой всячиной: гайками, винтиками и другими металлическими предметами. Иногда мне удавалось добыть сломанные часы, и я пытался их чинить. Когда мне было тринадцать лет, мне удалось починить часы. Они потом долго работали без малейшего сбоя. К пятнадцати годам я основательно набил руку в этом деле, хотя мои инструменты и были довольно примитивны. Этот первый опыт не прошёл даром и многому меня научил. Из книжек не узнаёшь, как всё устроено, а настоящий механик должен разбираться практически во всём. Для механика машины – то же, что книги для писателя. Он черпает из них вдохновение и если обладает хоть каким-то талантом, то придумает, как воплотить полученные знания в жизнь».

Что произошло с двенадцатилетним подростком во время встречи с локомобилем? Началом игры или жизненного пути стал этот эпизод? Почему можно утверждать: в этот момент – встречи с локомобилем и зарождения мечты – закончилось беззаботное детство для юного Форда?

После этого разворота – не в драму или опасность, а в будущее самого ребёнка – подводим итоги. *Когда же кончается детство, что начинается после? Это всегда драматическая история или возможны другие ситуации? Стоит ли опасаться этого момента или лучше заранее готовиться к новой поре своей жизни, следующей за детством?*

Примечания

[1] Лучше обратиться к фрагменту из финала повести «Детство» в большем объёме, нежели позволяет эта статья.

[2] Объём данной статьи не позволяет обратиться к пересказу детских лет писателя, читатель может найти подробности в биографической литературе, например, книге Н.М. Михальской «Чарлз Диккенс».

[3] *Генри Форд.* Моя жизнь, мои достижения // Пер. с англ. Е.А. Бакушева. Минск, 2004.

МАКСИМально Горький

В русской литературе XX века Горький – одна из самых бесспорных и одновременно самых спорных величин. Бесспорных, потому что и масштаб его личности, и масштаб сделанного им по-настоящему велики. Это человек-эпоха и одновременно человек, эпохи соединивший: современник позднего Толстого и Чехова, наставник многих и многих советских писателей, он загадал свои загадки и нынешним литераторам. О нём не перестают и не перестанут писать в веке двадцать первом.

Не перестанут и спорить. Потому что, оставаясь внутренне цельным, Горький умудрялся в разные периоды своей жизни совершать подчас взаимоисключающие поступки, которые никак не удается однозначно оценить. Потому что написанное им – неравноценно. Потому что его шедевры – такие, например, как пьеса «На дне» – как и положено шедеврам, ускользают от окончательного истолкования и сопротивляются даже трактовкам собственного создателя.

Учителю литературы, берущемуся за Горького, выпадает непростая роль. О том, как с ней справиться, размышляют авторы нашей специальной вкладки. И чаще всего их внимание обращается к одному из главных героев пьесы «На дне» – Луке, так похожему на самого Горького и так яростно им осуждаемому. Лукавому страннику, принёсшему в забытый Богом мир благую весть о добре и милосердии...

Ксения ТИХОМИРОВА,
учитель литературы, Москва

Дополнительные материалы к статье см. на диске.

Что говорить школьникам о биографии Максима Горького?

Рассказывать о биографии Горького сегодня – задача непростая. Слишком уж противоречива эта фигура, слишком много вокруг неё сложилось мифов и легенд, слишком мало достоверных сведений есть в распоряжении учителя литературы. Не претендуя на полноту и академическую точность, предлагаем один из возможных вариантов разговора о жизни Максима Горького на вводном уроке по его творчеству.

Все разговоры о Горьком начинаются с разъяснения его имени и псевдонима. Советские издания организовали в этом вопросе некоторую путаницу, которая на ЕГЭ оборачивается фактическими ошибками. Итак, этого человека звали Алексей Максимович Пешков. Он печатался под псевдонимом Максим Горький. И ни в коем случае не «Алексей Максимович Горький». Биография его в те же советские годы была превращена в миф о «великом пролетарском писателе», поэтому в ней много не совсем понятных эпизодов. И мы можем честно рассказать лишь некоторую общую её канву.

Детство Горького прошло на Волге, в Нижнем Новгороде. Его отец работал то ли столяром-краснодеревщиком, то ли мастером, то ли управляющим; мать была из семьи некрупного предпринимателя. Когда А.М. был год от роду, отец умер от холеры и мать вернулась в дом своего отца (деда Каширина). Там будущий писатель и вырос, причём назвать дом его деда «пролетарским» никак нельзя. По советской классификации он вырос в «мелкобуржуазной среде». Но зато возненавидел её лютой ненавистью на всю оставшуюся жизнь. О своих первых впечатлениях он написал в книге «Детство». Там два главных героя-антипода: дед (деспот, самодур, жадина, изверг) и бабушка – простая добрая душа, талантливая и яркая, воплощённая одарённость народа. Дед тем не менее успел дать внуку начальное образование. Очень гордился его грамотностью. И это, кстати говоря, единственное систематическое образование, которое получил Горький. Потом дед разорился и больше ничего уже не смог сделать для внука. А мать умерла...

Подростком, лет в одиннадцать, А.М. пошёл работать «в люди». Главная мысль этой части его автобиографической трилогии («В людях») – учили Горького не столько люди, сколько книги. И люди делились для него на тех, кто приучал его к чтению, и всех остальных. О том, каким страстным читателем был юный Горький, можно рассказать ужасную историю про самовар. Хозяева оставили его следить за домом, в частности, за раскочегаренным самоваром, и ушли. А мальчишка зачитался, самовар выкипел и раскалился, и А.М. не нашёл ничего лучше, как облить его ведром холодной воды. Самовар развалился в труху. Хозяева выдрали парня лучинами для растопки. Врач долго извлекал из его спины занозы и советовал подать в суд. Хозяева – персонажи, конечно, отрицательные, что и говорить. А положительный персонаж – повар на пароходе, куда А.М. нанялся мыть посуду. Повар держал в сундучке хорошие книги и выдавал их своему подопечному, чем способствовал его тяге к образованию. Несмотря на тяжкую жизнь, характер у будущего писателя сложился крепкий (не забитый) и какой-то робингудистый. Друзья детства припоминали, как он по-своему восстанавливал справедливость в детских играх, где более взрослые норовили обыграть и обобрать мелкоту. Играли в «бабки» – вываренные кости, которые можно было потом за деньги куда-то сдать, так что выигрывать эти самые бабки считалось делом прибыльным. А.М. играл хорошо и обыгрывал старших, а выиграв, раздавал всю добычу проигравшим. Так что его романтический социализм в те годы был принципом жизни всерьёз.

Будущий Горький попытался получить образование в Казанском университете (пусть осознают: все его передвижения идут по матушке по Волге). Это был очень грустный опыт. В 1884 году он поступил в университет вольнослушателем и одновременно – чтобы как-то себя содержать – нанялся работать к булочнику. О том, насколько это тяжкий труд – месить тесто для хлеба, можно почитать у него в рассказе «Двадцать шесть и одна». Он страшно уставал от работы, кроме того, ему не хватало образования, чтобы понимать, о чём читались лекции. В булочной собирался студенческий марксистский

кружок. А.М. тоже в него вступил, хотел быть на равных, но не получалось. Студенты смотрели на него как на диковинную зверушку: надо же, рабочий, образование начальное, а тоже – рассуждает о чем-то. Сюда же добавилась несчастная любовь – и готово. Униженный и оскорблённый А.М., прочитав у Гейне, что зубная боль в сердце лучше всего лечится свинцовой пломбой, попытался застрелиться. Причём именно в сердце, что его и спасло: попал он в лёгкое, его вылечили, но лёгкие до конца жизни оставались у него проблемными. В Казани А.М. оставался до 1888 года, за участие в кружке попал в поле зрения полиции и так и пребывал под её присмотром. Что-то писал, причём пудами. Полиция при задержаниях (неоднократных) писанину изымала и уничтожала, за что автор и потомки должны быть ей премного благодарны.

Далее был невнятный период какой-то безнадёжной неквалифицированной работы, продлившийся до 1891 года. После этого А.М. отправился странствовать «по Руси» (там же, на юге, в низовьях Волги) и добрался до Тифлиса. В какой момент он познакомился с Шаляпиным. Известно, что они подряжались поработать певчими в церковном хоре: А.М. взяли, Шаляпина – нет.

В 1892 году Горький «вынырнул» в Тифлисе, нанялся в паровозные мастерские, снял комнату у мастера Калюжного, написал рассказ «Макар Чудра» и напечатал его в газете «Тифлис». Надо отдать ему должное: первая публикация выглядит очень достойно. Никакой мути своей ранней Горький нигде не опубликовал. А после первой публикации он перестаёт быть «босяком» и постепенно становится интеллигентом – сотрудником поволжских провинциальных газет. Печатает там фельетоны под вычурным псевдонимом Иегудиил Хламида, освещает нижегородскую Всемирную выставку, а заодно то один рассказ напечатает, то другой... Но о рассказах потом.

В это же время он в первый раз женится, причём на очень достойной женщине – Екатерине Павловне (Волжиной). О ней можно сразу сказать главное: позже Горький с ней расстанется и женится (гражданским браком) на актрисе МХТ Марии Фёдоровне Андреевой. Эти две женщины – две разные эпохи в жизни Горького, можно сказать, два имиджа. Екатерина Павловна в советские времена прославилась тем, что, оставаясь всё-таки женой Горького, «отвечала» у нас за «политический красный крест», то есть помощь политзаключённым, и многим сумела помочь: добывала информацию, добивалась, чтобы посылки доходили до адресатов. Этот островок гуманизма ликвидировали в 1937 году, но саму Екатерину Павловну не тронули, и она помогала впоследствии детям, ставшим сиротами во время войны. Дожила до 1965 года, всё время занималась правозащитной деятельностью, но ближних, по свидетельству внучки, старалась ни во что не посвящать – на всякий случай.

А пока они жили вместе, Е.П. была для Горького секретарём и, наверно, учителем. Она и с рукописями разбиралась, и переводила мужу с французского и с немецкого, и какие-то ёлки для бедноты устраивала. В музее-квартире в Нижнем сохранилась библиотека Пешковых – её библиотека. Впрочем, Горький уже и свои библиотеки начал к тому времени собирать, обширные – читал он очень много, быстро и как-то всё без разбору. В романе «Мать» есть рассуждения, которые, возможно, объясняют это бессистемное чтение: там герои сетуют на то, что у рабочего человека отнят целый мир, скрытый в книгах, в культуре, в науке, в других странах. И вот он всеми силами расширял свой кругозор, а потом, меняя место жительства, дарил библиотеки городам. Это было принято, по-видимому: Чехов поступал так же.

Мария же Фёдоровна – красавица, которая успела поморочить голову Савве Морозову, чтобы он профинансировал и МХТ, и многие революционные начинания. У неё и кличка партийная была – Феномен. После же революции она в какой-то момент подвизалась на дипломатическом поприще и заодно учила жён советских послов приличным манерам, причём делала это, судя по воспоминаниям, жёстко и безжалостно... Но что такое имидж, она понимала. И расставаться с Горьким не спешила, хотя жизнь там была скандальная и с обеих сторон небезгрешная.

▲ *М.Горький у бюста Данте*

В 1898 году вышел двухтомник Горького «Очерки и рассказы». Если до него Горький был известен, после него стал знаменит. Двухтомник тут же переводят и издают в Европе. И вскоре популярность Горького соперничает уже и с популярностью Л.Н. Толстого, а все прочие – просто герои второго ряда на их фоне (за исключением разве что А.П. Чехова). Тут есть загадка. Горький, конечно, автор в свою меру талантливый. Если учесть, что он сумел состояться как писатель, имея начальное образование и в одиннадцать лет оставшись круглым сиротой, предоставлен-

ным самому себе, можно, наверно, сказать, что дар его был огромен и частично пошёл на то, чтобы компенсировать крайне неблагоприятные обстоятельства жизни. Можно понять, почему им восхищались читатели «из простых»: горьковская патетика по сути простодушна и тем созвучна вкусам «начинающих» читателей (и совсем зелёных и неискушённых начинающих писателей). Но в том-то и дело, что им восхищались очень искушённые читатели и писатели. Его приняли как равного, а кое-кто и как старшего. Он же хоть и вошёл в среду писателей, на интеллигенцию смотрел свысока, с недоверием и долей презрения. Не лично на Бунина или Чехова, а так, вообще... Впрочем, модернистов (декадентов) он всех скопом считал мещанами, сочинял про них фельетоны, довольно-таки даже забавные.

Про двухтомник 1898 года надо сказать несколько слов, хотя можно сделать это и позже, непосредственно перед «Старухой Изергиль». Тексты, которые в него вошли, делятся на три группы: реалистические, романтические и откровенные аллегории,

которые вообще не поддаются классификации по методу и жанру (вроде «Песни о Буревестнике», которая появится позже). Сам Горький об этом сборнике высказывался вычурно: это, мол, «изложение фактов и дум, от взаимодействия которых отсохли лучшие куски моего сердца». Обычно пишут, что в нём отразились «свинцовые мерзости русской жизни». Во всех трёх группах текстов, вошедших в сборник, присутствует общая «задняя мысль», и это мысль о революции. Точнее, о том, как бы изменить жизнь к лучшему и кто бы мог взвалить на себя такую задачу.

Горький как никто знал, что такое «типические обстоятельства» (полные «свинцовых мерзостей») и какие «типические характеры» они формируют. Собственно, вся его жизнь до тех пор, как он стал журналистом, была упрямым противостоянием обстоятельствам. Самого себя он всегда считал человеком вольным и ни к какой почве не привязанным («Я в этот мир пришёл, чтобы не соглашаться», – любимая фраза Горького из его раннего опуса «Песнь старого дуба»). Отношения между характерами и обстоятельствами виделись ему этаким безнадёжным замкнутым кругом: мерзкие обстоятельства порождают мерзкие характеры, и никакие другие характеры в этих обстоятельствах появиться не могут, а значит, и некому изменить мир к лучшему. Поэтому Горький в реалистических рассказах занимается так называемыми «босяками» (другое название – «люмпен-пролетариат»): людьми, которые «выламываются» из быта, не могут вписаться в обыденное течение жизни. Тоскуют, маются, бродяжничают, пьют горькую... Ранний Горький их отчасти поэтизировал, уж точно – сочувствовал им и, возможно, надеялся, что от них можно ждать изменений жизни. Но вскоре разочаровался в «босяках», увидев их безнадёжную слабость.

▲ *Шуточное фото на границе: единоборство Горького с пограничником. Мустамяки. 1914 г.*

Обычно я говорю о двух реалистических рассказах. «Челкаш» сейчас в программе не стоит, но дикую логику его хотя бы в пересказе имеет смысл предъявить народу, чтобы потом не удивлялись этической, мягко говоря, неуравновешенности этого автора. Вкратце рисуем ситуацию: деревенский парень и портовый вор и контрабандист вместе «идут на дело», потом парень чуть не убивает вора за добытые ими деньги, на которые можно купить корову и выстроить избу. Вывод: вор в моральном отношении гораздо выше крестьянина, потому что не привязан к семье, корове, избе и проч. Поэтому вор просто пропьёт эти деньги, а крестьянин за деньги готов убить. Другой рассказ никогда и не стоял в программе, но, опять же, очень хорошо показывает кривую логику Горького – это «Супруги Орловы». Орлов – сапожник и пьяница, жену бьёт смертным боем, так что она не может выносить ребёнка. А без ребёнка (как говорит Орлов) жизнь скучна и бессмысленна, поэтому он пьёт – и снова бьёт жену и убивает нерождённых детей. Потом в городе начинается холера. Студенты-медики обходят все дворы, объясняют, какие можно принять меры, и всем предлагают стать добровольцами в холерных бараках, построенных за городом. Орлов этой идеей загорается: как же, смысл в жизни появляется, причём значительный. Жена тоже согласна работать в бараках – всё лучше, чем терпеть постылую жизнь. И сначала всё идёт отлично: Орловы работают истово, их ценят. Когда в барак попадает соседский мальчишка (сирота), супруги даже договариваются, что, если мальчик выживет, они его усыновят. Но вскоре у Орлова в голове начинают роиться «проклятые» вопросы: почему, когда люди начали умирать от холеры, власти стали проявлять к ним интерес, нашли деньги и на бараки, и на врачей, и на лекарства. А пока эпидемия не грянула, ни до кого этим властям не было дела? Орлов от таких мыслей, разумеется, напился, главврач (которому он и спьяну, и проспавшись, стал грубить) его уволил. Соседский мальчик умер. А жена Орлова осталась работать в бараке до конца эпидемии,

а потом не вернулась к мужу, а нанялась работать в приют для девочек – учила их там сапожному ремеслу. Вопрос: кому из героев рассказа симпатизирует автор, с чьей позицией он согласен? Конечно, с бунтом пьяницы Орлова! Орлов не смирился с этой жизнью, а жена смирилась. Значит, она неправа. Эта логика всегда потрясает ребят, но это в самом деле Горький.

Впрочем, понимая, что Орловы, Челкаши и прочие Коноваловы в этой жизни тоже ничего не изменят (хотя бы потому что алкоголики), Горький начинает мечтать о герое, которого в жизни нет, но который (если бы вдруг появился) сумел бы вывести всех из жизненного болота. И это уже романтические рассказы с романтическими героями, которые, как известно, не зависят ни от каких обстоятельств и вообще являются здесь у нас странниками и пришельцами из неведомых краев. Но про них мы точно будем говорить отдельно. Разве что так, вскользь можно заметить, что Горький в своих романтических рассказах не только сочиняет нового героя, но пытается создать новую мифологию и дать свои ответы на все «вечные» вопросы (жизнь,

смерть, смысл жизни, добро и зло). С традиционными ответами он, разумеется, не согласен. Что касается аллегорий, то цель этих публицистических произведений одна – «будить бурю». Горький ведь и вправду ощущал себя и Данко, и Буревестником, с безумством храбрых зовущим человечество к прекрасному будущему.

В 1900-е Горький переходит к «большим формам» и драматургии. Пишет два романа: «Фома Гордеев» и «Трое» (они разные, но оба в итоге про пагубную власть денег). Знакомится с МХТ и пишет для него пьесы: «Мещане» (1901), «На дне» (1902), «Дачники» (1904), «Дети солнца» (1905), «Варвары» (1905). Проблематика всех этих пьес – народ, интеллигенция и революция. «На дне» из них действительно самая виртуозная и любопытная, пожалуй. Кстати, всё, что делал Горький для театра, – это «новая драма», причём гораздо более откровенная и формально обнажённая, чем «Вишнёвый сад». А кроме того, в своих пьесах Горький продолжает «не соглашаться» – с законами, моралью, Толстым, Достоевским, Библией и т.д.

▲ *Шуточное фото: Горький готовит Шаляпина к пению. Мустамяки. 1914 г.*

В 1905 году начинается революция, и Горький принимает в ней самое активное участие – и как агитатор, и как организатор (у него на квартире, например, держали склад оружия). Соответственно, когда революция была подавлена, Горький уехал за границу. Тоже не без партийного задания (сбор средств на продолжение революции). Проехался по Европе и Америке, опубликовал об этом серию очерков-фельетонов («Мои интервью», «В Америке»; «Город жёлтого дьявола» – это про Нью-Йорк). Потом поселился на Капри в хорошем отеле и стал писать – по впечатлениям о революции – роман «Мать» и пьесу «Враги». В это же время там же, на Капри, Ленин устроил школу для рабочих, решивших стать профессиональными революционерами. Горький с Лениным и раньше были знакомы, а тут они общались достаточно тесно и много спорили. Горький был не согласен ни с методами большевиков, ни с их идеологией в том смысле, что иначе понимал цель революции. Более романтично, ближе к Ницше: надо, мол, вернуть простым людям культуру, а главное, надо, чтобы все стали богочеловеками, «воскресли» в процессе революционной борьбы. Между прочим, именно об этом роман «Мать» – о том, как напрасно прожитая жизнь Ниловны в финале получает смысл, и мать, уже почти «мёртвая», «воскресает». Проблемы власти и управления страной Горького не особо интересовали.

За границей он прожил до 1913 года, потом вышла амнистия, и Горький вернулся в Россию. И на Капри, и в России он продолжал писать и писал очень много, прямо циклами и романами. Ну и пьесы тоже. Можно перечислить его крупные произведения, хотя читать их вряд ли кто-нибудь захочет: «Лето», «Исповедь», «Городок Окуров», «Последние», «Васса Железнова» (вот её как раз довольно часто ставят), «Жизнь Матвея Кожемякина», «Жизнь ненужного человека». Из более популярных его произведений в это время написаны «Сказки об Италии», «Детство», «В людях», «По Руси».

В 1917 году произошла революция, к которой Горький так долго призывал. Она не привела его в восторг. Горький, конечно, её принял и с большевиками по старой дружбе и памяти сотрудничал (как – об этом чуть позже). Но реалии революции ему очень не понравились. Он написал об этом цикл статей «Несвоевременные мысли», их после перестройки сгоряча вставили в программу, но они, естественно, не прижились. Интересна позиция, с которой Горький критикует действия большевиков. Во-первых, ему кажется, что преступно было втягивать в гражданскую войну цвет рабочего класса: рабочих, мол, мало, их перебьют, останется одна крестьянская («мелкобуржуазная») жадная, косная, серая масса. И никакого движения впе-

рёд в истории человечества не случится (в очерке «Ленин» очень характерный эпизод про загаженные вазы в Зимнем дворце – в прямом смысле загаженные каким-то крестьянским съездом). А во-вторых, происходило уничтожение культуры, которую Горький любил искренне и даже страстно. Да и людей культуры, которых он пытался спасать. Спасал, во-первых, от голодной смерти с помощью своих очень удачных проектов: придумал библиотеку «Всемирная литература», «Литературную газету», серию романов про историю русских заводов, журнал «Литературная учёба». Идеология всего этого была традиционная, горьковская: вернуть народу украденную у него культуру (всемирную литературу), научить творчеству. История заводов – это было своего рода тренировочное задание для молодых писателей, причём по условиям проекта писать эти романы следовало бригадным методом, в соавторстве – чтобы преодолеть порочный индивидуализм писательского труда (потому что только коллективный труд был в почёте). Кроме идеологической подоплёки в горьковских проектах была и вполне практическая: всё это работа, работа для интеллигентов, за которую им выдадут пайки, а значит, они не умрут голодной смертью. Ведь что такое, например, Библиотека всемирной литературы с этой точки зрения? Это текст, который надо заново перевести, откомментировать (для народа) и снабдить большой сопроводительной статьёй. А

▲ *Горький в Доме отдыха в Морозовке. 1928 г.*

томов этих много... Поразительно, что проект работал, хотя печатались первые тома БВЛ за границей, в Германии: у нас-то никакие типографии не работали – не было ни бумаги, ни электричества, ни рабочих, ушедших на фронт... А закончили его уже в1970-х.

Удивительно и то, что Горький всерьёз верил, что может научить молодых писателей писать, и прочитывал горы присланных ему текстов, причём все их по ходу чтения комментировал и даже редактировал. Читал он очень быстро, скоростным каким-то методом. Занимался этим и в России, и в эмиграции, куда отправился в 1921 году. К этому моменту его отношения с большевиками испортились уже вконец. Дошло до того, что, когда кто-нибудь пытался через Горького ходатайствовать за какого-нибудь безвинно арестованного, писатель отказывал. Говорил, что на него уже злы за его ходатайства и если он начнёт хлопотать, то человека назло ему расстреляют (а так, может, ещё отпустят).

Отъезд Горького был обставлен как вынужденный, связанный с состоянием здоровья. Ни Горький не порвал окончательно со страной победившей революции (или всё-таки просто с родиной?), ни советское правительство не стало его клеймить и объявлять врагом. Возможно, посчитало, что себе дороже выйдет: всё-таки Горький был известен в мире, и ссора с ним дискредитировала бы и без того непрочно державшуюся власть. Жить без дотаций, по-видимому, ещё позволяли гонорары, причём жить открытым домом. Об этом периоде есть воспоминания В.Ходасевича, который, уехав из России, какое-то время состоял при Горьком (в роли приживала – вечного гостя). Все воспоминания Ходасевича, вошедшие в книгу «Некрополь», достаточно едки и нелицеприятны. Так же он пишет и о Горьком, хотя чувствует, что получается как-то непорядочно. И Ходасевич объясняет свою жёсткую откровенность просьбой самого Горького, который прочитал очерк о ком-то другом и попросил, чтобы и о нём потом было написано так же: честно, без прикрас. Впрочем, ничего особенно дискредитирующего Ходасевич о нём всё-таки не написал. Самое неприятное, что есть в его очерке, это упоминание о горьковской сентиментальной слезливости (так ещё Чехов писал, что Горький обрыдал ему всю жилетку) да упоминание о том, что Горький после обеда мастерски рассказывал всё одни и те же истории, а гости, зная их наизусть, разбегались кто куда... Для тех, кто жил в России, он оставался великим и буревестником. Беспризорники А.С. Макаренко писали ему письма (и он им отвечал) и назвали свою колонию его именем. И даже Анастасия Цветаева с душевным трепетом ездила показывать ему свои прозаические опыты, думая, что этот великий человек всё понимает... По крайнем мере, так она утверждает в своих «Воспоминаниях».

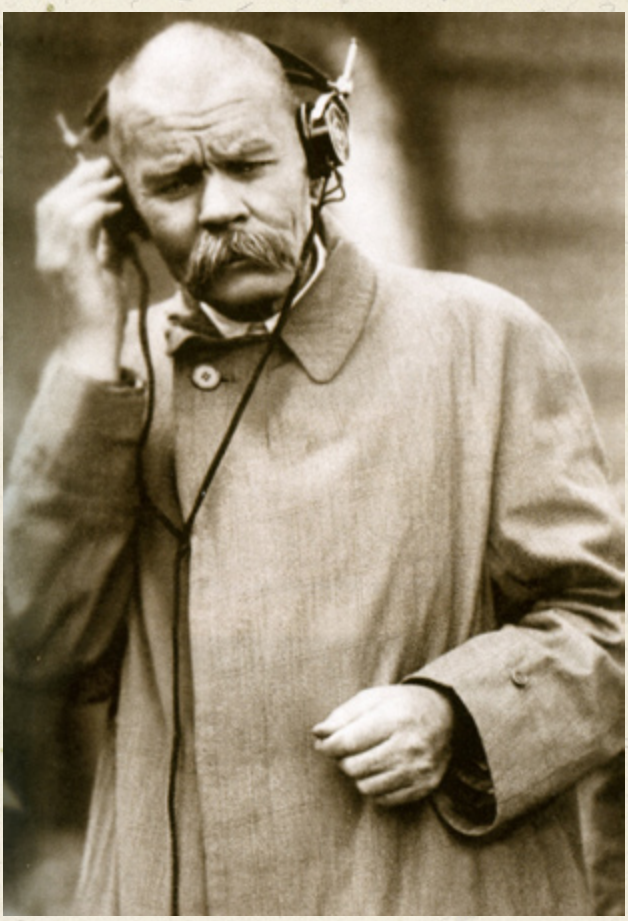
Писать Горький продолжал, но менее продуктивно, чем раньше. То ли много читал чужих рукописей, то ли полоса пошла такая. Да и трудно писать, когда не чувствуешь «своего» читателя, особенно после такого восторженного приёма, к какому привык Горький. Он написал третью часть автобиографической истории – «Мои университеты», роман «Дело Артамоновых» – о купеческой династии. И до конца жизни мучительно пытался написать монументально-эпохальный роман «Жизнь Клима Самгина». Книга эта и в недописанном виде, конечно, длинная, но Горький имел навык писать кубометрами, так что дело не в объёме. Задумал он показать всю предреволюционную эпоху через историю интеллигента – бездарного и бессовестного. От этой попытки осталась одна крылатая фраза: «А был ли мальчик?» Это о детском предательстве: Клим не вытащил провалившегося под лёд приятеля – побоялся, что сам потонет. И когда эта история всплывала в памяти, говорил себе: «А был ли мальчик?» Мол, это было давно и неправда…

То, что случилось дальше, сейчас воспринимается глазами Солженицына: он написал как отрезал, хотя не факт, что всё было именно так. Можно сначала просто перечислить события, а потом попробовать их осмыслить.

В 1928 году Горький приехал в Россию. Принимали его по высшему разряду, провезли с помпой по стране, демонстрируя, что создаётся новый мир. Горький тогда тут не остался, уехал опять в Италию.

В 1931 году приехал снова, ему продемонстрировали Соловки. Об этом эпизоде и говорит Солженицын. Какой-то мальчишка-подросток решился всё рассказать великому Горькому. Тот потребовал, чтобы им дали помещение для разговора и не мешали. Мальчишка всё рассказал – и о пытках, и о карцере, и о массовых убиениях… Горький всё выслушал и уехал. А мальчика с собой не взял. Понятно, что тот недолго прожил после отъезда великого писателя и гуманиста. А Горький воспел Соловки как кузницу новых людей.

В 1932 году он вернулся в СССР окончательно (ему отдали особняк Рябушинского – шикарный модерн, приставили к нему и к семейству страшного Ягоду) и занялся подготовкой первого съезда советских писателей, который прошёл в 1934 году. Тогда был организован и Союз советских писателей. У этой идеи было несколько «этажей». Этаж первый, гуманный: до создания союза в стране существовало довольно много писательских группировок, причём часть из них (сначала – Пролеткульт, потом РАПП, он же ВАПП – Всероссийская ассоциация пролетарских поэтов/писателей) самоутверждалась не за счёт талантов, а за счёт идейной близости к властям и злобно сживала со свету тех, кто не мог похвастаться пролетарскими корнями: Ахматову, Булгакова, Маяковского и других. Так вот,



официальная версия: союз был нужен, чтобы прекратились склоки, чтобы все писатели объединились и вместе делали общее дело. Этаж второй – это как раз «общее дело». Гражданская война закончилась. Вся страна дружно строит социализм. Писатели должны в этом участвовать. Как? Воспитывать нового человека. За это их назвали «инженерами человеческих душ». Такую идею часто излагал в стихах В.В. Маяковский: «И пусть нам общим памятником будет // Построенный в боях социализм». Этаж третий: в стране уже выстраивается жёсткая «вертикаль власти». Всё следует унифицировать, формализовать и строго держать под контролем сверху. Для этого союз писателей – незаменимая структура. До самой перестройки он свою функцию выполнял исправно: печататься, не будучи членом союза, дозволялось только в виде исключений, в маленьких провинциальных издательствах либо совсем начинающим, либо каким-то ветеранам, и то на всё это был план. Все типографии, бумага, магазины – всё под контролем. Никаких коммерческих издательств. Никакой неподконтрольной литературы. Потом, конечно, появился Самиздат, но за него сажали. А чтобы приняли в союз писателей, таланта мало – надо лояльность подтвердить.

Первый съезд был обставлен празднично и театрализованно. Приходили делегации от всяких видов трудящихся, читали приветственные речи. И. Эренбург в своих воспоминаниях («Люди, годы,

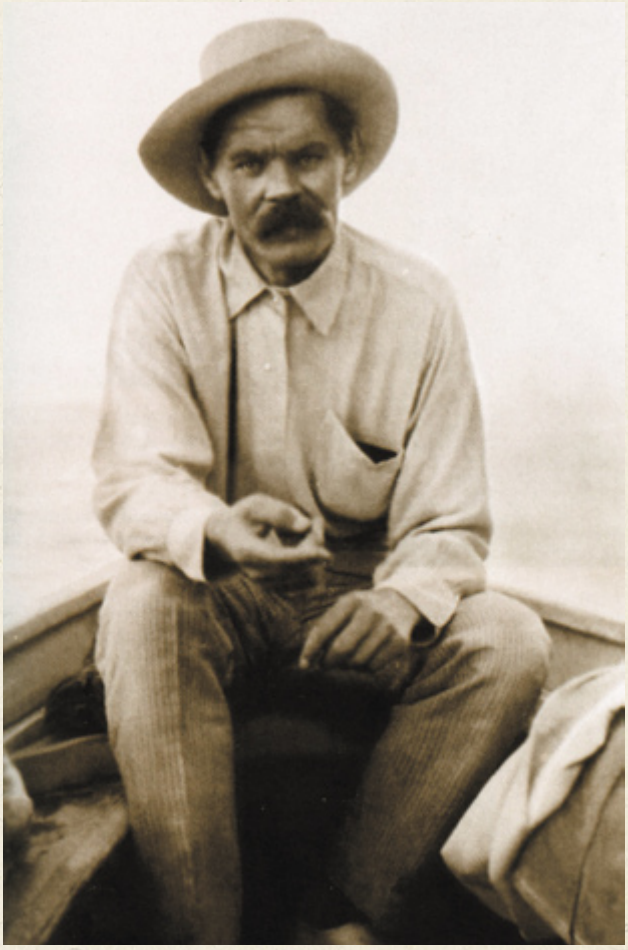
жизнь») иронично описывает это довольно нелепое действо. Там отличился Б.Пастернак: когда явились метростроевцы, он бросился отнимать у какой-то колоритной дивчины отбойный молоток, который она несла на плече. Кроме Пастернака не нашлось писателя, в котором так глубоко сидело бы интеллигентское воспитание: нельзя, чтобы женщина таскала тяжести. Особенно когда тут же, рядом, столько мужчин. Над ним добродушно посмеялись. Дивчина молоток не отдала.

Самому Горькому этот праздник, наверно, был не сильно в радость: за несколько месяцев до съезда у него умер сын Максим. Съезд из-за этого даже отложили на некоторое время. Роль сына в возвращении Горького была, возможно, решающей. Сын от первого брака родился в России, вырос за границей, где увлекался спортом и вообще жил баловнем. Когда случилась революция, вступил в РСДРП(б) и в 1917-1918 годах служил в ЧК (занимался снабжением столиц продовольствием). Впрочем, занимался ли он чем-нибудь всерьёз, сказать трудно. Его всячески ублажали (как сына Горького) и спаивали. Когда отец уехал за границу, Максим отправился за ним. Как говорят, по поручению ЧК: уговаривать, что надо возвращаться, что революция прекрасна, а не страшна и т.п. Явился он к отцу с женой Надеждой, дочерью известного врача Введенского. Отец хотел выдать её за приличного человека, но она влюбилась в Максима и удрала к нему. Обвенчали их в Берлине. Дома её звали Тимошей и тоже держали за избалованного ребёнка, как и её мужа. В Италии у них родились две дочки, которых потом воспитывала бабушка – Екатерина Павловна. Ходасевич, живший у Горького, считал эту парочку безответственной и инфантильной: по его мнению, тридцатилетний Максим по развитию тянул лет на тринадцать: «Он был славный парень, весёлый и уживчивый. Он сильно любил большевиков, но не по убеждению, а потому, что вырос среди них и они его всегда баловали... Он мечтал поехать в СССР, потому что ему обещали подарить там автомобиль, предмет его страстных мечтаний, иногда ему даже снившийся».

В России Максим нигде не работал, развлекался. И умер от воспаления лёгких, скорее всего, потому что заснул пьяным на морозе, а секретарь Горького Крючков его не разбудил. Позже Крючкова и Ягоду расстреляли за убийство Максима. Крючков якобы не поделил с ним управление отцовскими средствами, Ягода же признал, что положил глаз на Надежду-Тимошу. Насколько всё это соответствует действительности, трудно теперь сказать. Надежда прожила до 1971 года, всё время будучи под присмотром госбезопасности – никакой жизни. Если она что-то и знала о происходившем вокруг Горького, то никому не рассказала.

Главная загадка тут всё-таки – возвращение Горького на родину. Он достаточно видел, чтобы понимать, куда его зовут. По версии Солженицына, дело было сугубо денежное: иссякли старые гонорары, а поступление новых – то есть наличие русскоязычных изданий – целиком зависело от советских властей. Зарубежных же публикаций на жизнь, к которой он привык, явно не хватало. Другая версия, которая тут напрашивается, – страх перед той же ВЧК, которая – если что – везде достанет и его самого, и сына, и внучек... Возможно, Горького было чем и пошантажировать – тоже не исключено... Но возвращение ничем хорошим для него не кончилось.

Горький умер в 1936 году. Официально – от болезни лёгких. Бесстрашная Екатерина Павловна настаивала на том, что он был убит, что на него и раньше бывали покушения. Зачем его было убивать? Тут разные есть версии, пересказывать смысла нет, разве что одну, самую щадящую. Хоть Горький и пошёл на сделку с властью, но при нём массово перебить писателей всё-таки не решались. Возможно, он пытался использовать свой авторитет, чтобы как-то противостоять особо кровавым действиям власти, и его убрали. Но уж после смерти сделали из него икону великого пролетарского писателя, гуманиста всех времён и народов.



В оформлении статьи использованы фотографии из книги П.Басинского «Страсти по Максиму. Горький: девять дней после смерти»

Татьяна Яковлевна ЕРЁМИНА,
учитель литературы гимназии № 406,
г. Пушкин, Санкт-Петербург

Дополнительные материалы к статье см. на диске.

«Крылья»:

мастерская построения знаний по рассказам Максима Горького

Образ Максима Горького и его творчество вызывают сложное отношение и у взрослых читателей, и у подростков. Задача первых уроков по творчеству М.Горького в 11-м классе – показать, что писатель перед нами настоящий, интересный, нужный современному читателю. Эту задачу можно решить, проведя двухчасовое занятие в форме творческой мастерской. Опыт показывает, что проза М.Горького, прочитанная во время занятия, воспринимается очень живо и побуждает откликнуться даже самых «непробиваемых» учеников. Мастерская проводится с использованием презентации, которая, как и значительная часть детских работ, размещена на диске.

Я в мир пришёл, чтобы не соглашаться…
М.Горький «Песнь старого дуба»

Я человек очень нелепый и грубый,
а душа у меня неизлечимо больна.
Как, впрочем, и следует быть душе человека думающего.
М.Горький – А.П.Чехову (ноябрь 1898)

I. 1. **Представьте**, что вам девять лет. Вы посадили цветы. Представьте – какие это цветы? Они хорошо растут в саду на клумбе. Но однажды вы приходите их поливать и видите, что «клумба разрыта, цветы уничтожены и лежит на их смятых стеблях... свинья». (См. презентацию.) **Опишите** свои впечатления, **назовите** чувства, которые вы испытали. Какое отношение к миру у вас возникнет в таком случае? (1–2 мин.)

2. Читаем записи вслух (можно в парах, в группах).

Из записей в тетрадях: обида, горечь, слёзы, злоба, разочарование, угнетённость, раздражение, ярость, раздавленность, ощущение несправедливости, жестокости мира, негодование, растерянность, жалость, уныние, опустошённость, отчаяние, гнев, боль, печаль, жаль потерянного времени, отвращение... «Обидно, я бы недоумевала и негодовала... Часто что-то прекрасное портит какая-нибудь свинья».

3. А вот как рассказывает об этом М.Горький (по ходу чтения **постарайтесь записать** слова, которых вы не нашли сами): «...был у меня в саду угол, где сам я, своими руками, насадил цветы, и они хорошо росли там. Но однажды пришёл я поливать их

и вижу: клумба разрыта, цветы уничтожены и лежит на их смятых стеблях наша свинья, – больная свинья, которой воротами разбило заднюю ногу. А день был ясный, и проклятое солнце с особенным усердием и равнодушием освещало гибель и развалины части моего сердца». (См. презентацию.)

4. **Определите**, против чего всю жизнь будет бороться Горький.

▲ *Г. Джю Драпер. Плач по Икару*

Из записей в тетрадях: свинство, разрушение красоты... Горький будет бороться против равнодушия, свинства, бездушия, гибели сердца; против несправедливости таких «свино-людей».

II. 1. **Послушайте** в сокращении один из рассказов раннего Горького, героя которого зовут Семага (от Семён, Сёма). После знакомства вас ждёт небольшая письменная работа. Пожалуйста, **выписывайте** при слушании слова, вызывающие сильные впечатления (к чтению и пересказу рассказа **«Как поймали Семагу»** учитель должен хорошо подготовиться дома).

2. **Продолжите** (за 2–3 мин.) следующие фразы (см. презентацию):

• Автор от читателя ждёт (чего?)... Это проявляется... (как, в чём?)...

• Моё отношение к герою – это...

• Моё отношение к автору рассказа...

3. **Читаем** все записи вслух (не забывайте по ходу чтения **записывать** важные слова, словосочетания, идеи).

Из записей в тетрадях.

Автор от читателя ждёт:

• ответного чувства на своё отношение к случившемуся. Это проявляется в отдельных словах и фразах;

• удивления и умиления. Это проявляется в антитезе при описании Семаги. Сначала автор показывает его в прокуренном кабаке «хищным зверем». Но ребёнок открывает в герое некое, по-видимому, давно забытое человеческое чувство – сострадание, любовь;

• переосмысления ценностей. Чтобы люди поняли, что есть человеческая жизнь. Грубый, уверенный в себе хищный зверь рядом с маленьким ребёнком становится беспомощным и милым;

• оценки Семаги. Это проявляется в сомнениях Семаги по поводу своих поступков, в его жалком виде, в том, как он активно ругает мать ребенка;

• удивления и умиления. Это проявляется в том, что встреча Семаги с ребёнком меняет наше отношение к герою;

• сочувствия, сострадания, осуждения матери (!);

• понимания и снисхождения к герою;

• понимания героя и сострадания к нему.

Моё отношение к герою – это

• понимание и сочувствие, потому что он тоже несчастен, как этот ребёнок. Противопоставляются слова «вор» и «нежно»;

• невыносимая, щемящая жалость. Да, Семага – вор. Но про его воровскую жизнь Горький умалчивает, даря нам лишь один фрагмент его существования, словно вырванный из контекста остальной жизни. Это миг проявления жалости, любви к другому человеку, совсем беззащитному. И после доброго, светлого момента снова наступает холодный, ледяной ад. И казёнщина;

• это жалость и уважение. В сложной ситуации Семага находит в себе силы поступить правильно. И это достойнейший поступок;

• человек! Вмиг изменил свою сущность, разжалобившись по отношению к малому дитя(*ти*), – молодец! Я думаю, автор написал хороший рассказ.

III. Следующий этап разговора – о рассказе «**Страсти-мордасти**» из цикла «По Руси».

1. Ваша задача – **вообразить** события и **записать** выразительные детали (сжатый учительский пересказ-чтение фабулы см. на диске).

2. **Запишите** продолжение к фразам (на выбор; см. презентацию):

• Сильное впечатление производит (что?), потому что...

• Меня удивило (что?)... , потому что...

• Больше всего запоминается (что?), из-за того что...

Из записей в тетрадях

Сильное впечатление производит:

• противопоставление в описании мальчика: красивая головка, ясные глаза. Но чёрная улыбка, сам «синенький», больные ноги. И мать: ввалившийся нос, больна, но глаза «васильковые»;

• описание глаз мальчика (мохнатые, ясные), потому что он настолько чист, душа его ещё жива, ну, а физически он развиваться не сможет, так как тяжело болен;

• описание мальчика и его матери, потому что именно оно показывает [вызывает?] тот ужас и горечь, которые испытывает читатель;

• удивительно спокойный характер мальчика;

• описание взгляда ребёнка, потому что автору захотелось даже закричать от жалости, глядя в глаза мальчику;

• то, что начало произведения вызывает улыбку, а конец заставляет ужаснуться и всерьез задуматься.

Меня удивили:

• описание женщины в луже, потому что не каждый день такое увидишь;

• благородный поступок прохожего, вытащившего из грязи страшную пьяную женщину, а также искреннее и чистое чувство мальчика к матери, любовь. Как оно в такой грязи может быть таким нежным?

• что посреди лужи оказалась женщина – я думала, что по логике должна была быть свинья;

• человечность поступка прохожего по отношению к пьяной, омерзительной женщине. Не каждый мог бы поступить так же;

• удивило то, как автор описывает мать и сына, потому что в словах автора есть сочувствие;

• удивило, какой чистый душой и сердцем рассказчик. Он полез в грязь, вытащил женщину и отвел её домой, а на следующий день пришёл помочь этой женщине и её сыну;

• женщина, которая описывалась как свинья, иронично, а оказалась нежным человеком с большой трагедией в жизни;

• стиль автора, современность рассказа.

Больше всего запоминается:

• сцена в луже, потому что так создаётся общая картина рассказа;

• «мохнатые» глаза мальчика, это очень странно;

• «зверильница», наверное, из-за его отношения к этой единственной радости в его жизни;

• отвратительное начало рассказа;

• колыбельная в конце рассказа, из-за того что мне не до конца понятен смысл песни. Зачем автор сказал о ней в конце, что значит «страсти-мордасти»?

• портрет мальчика. Его мохнатые глаза, бледная бескровная кожа, рыжие волосы, больные ноги... Но голова покачивалась на тонкой шее, словно цветок.

IV. **Прочитаем** рассказ «**Вывод**» и **поработаем** с ним.

1. Чтение учителем половины текста, затем – самостоятельное чтение. На столы раздаётся распечатка – весь рассказ без концовки. Задание – **выписать** самые «сильные» слова.

2. Выполнить задание на выбор:

• **Написать** публицистическую концовку (5–7 предложений).

• **Написать** рассуждение по тезису «В рассказе “Вывод” видна позиция автора».

3. **Читаем** тексты вслух (по выбору учеников – вперемежку или по темам).

Из записей в тетрадях

1. **В рассказе «Вывод» видна позиция автора**

• Прежде всего это проявляется в описании бедной женщины («почти девочка», «топтали ногами в сапогах»). Всё это вызывает жалость и у читателя, и у автора. Такое отношение и поведение он считает мерзостью и бесчеловечностью. Люди описаны как стадо, а мнение автора выражено в мыслях лошади. *(Вера Чурюканова)*

• Уже с первых строк видно авторское отношение к происходящему: «с диким воем» (о процессии) – автор не принимает дикости людей. В мыслях жалкой лошадёнки как будто заключается читательское мнение: «Вот как подло быть скотом...» Мерзость, скотство, свинство – те вещи, с которыми постоянно боролся Горький. *(Саша Плотникова)*

• В рассказе «Вывод» видна позиция автора по отношению ко всему происходящему и к действующим лицам. В первую очередь это видно по описанию женщины и мужика (налитые кровью глаза), видно по реакции окружающих. Женщины – «с сверкающими от удовольствия глазами». И, конечно, по олицетворению лошади, отчасти ироничному, но правдивому. Лошадь как бы голос автора. *(Маша Калядина)*

• Автор показывает, какая женщина хрупкая, молодая, почти девочка. Горький показывает несправедливость нашей жизни. Над ней измывается мужик с налитыми кровью глазами (ещё рыжие волосы – ассоциация с дьяволом). Автор всем сердцем хочет остановить это преступление, издевательство, но не может. *(Артём Башкиров)*

• Женщина – символ невинного, чистого, беззащитного. Вызывает чувство жалости, несправедливости. Народ – дикая толпа, нечто звериное, подчиняющееся своим инстинктам и стадному чувству. Мужик главенствует над этой страшной процессией, ведёт её вперёд, и мне кажется, что он вобрал в себя всё самое ужасное, что есть у людей. Описание даёт нам возможность представить его. Острые зубы, глаза налиты кровью и блещут злым торжеством. Волосы его ярко-рыжие, и для меня этот цвет ассоциируется с адским пламенем. *(Кирилл Шереметьев)*

2. **Написать публицистическую концовку к рассказу «Вывод».**

* * *

Почему всё так происходит? Почему люди в своей злобе подобны скотам, свиньям, даже хуже? Отчего волосатому рыжему зверю нужно было мучить эту несчастную женщину? Почему людям вообще присуще что-то звериное, дикое?

Неужели не нашлось ни одного человека, кто бы заступился? Ведь этот мужик сам заслуживает наказания. Он убийца! *(Алина Десятникова)*

* * *

...Да стоит ли вмешиваться высшим силам – неведомым небожителям? Разве они насылают проклятие на человека? Чушь, всё чушь: как боги могут быть ответственны за ту мерзость, что в человеческом сердце? Хоть бы один человек – пусть не помог (люди слабы, за себя боятся больше, чем за других; а вступиться – не значит ли быть освистанным?..), но *не был бы* в той толпе, сохраняя свой человеческий облик.

«Ведьма!» – кричат они, но бесы – в их душах. *(Катя Ширяева)*

V. **Рефлексия** (письменно). **Выберите** себе 2–3 фразы с заданным началом:

1. На мастерской я понял, что...
2. Я задумался на мастерской о...
3. Я запомню о Горьком (что?), потому что...
4. Мастерская называется «Крылья», потому что...

Высказывания учеников о мастерской см. на диске. Приведём лишь одно суждение по поводу совсем неочевидного названия мастерской: «Мастерская называется “Крылья”, так как выбор “ползать-летать” зависит от человека. И заставить “полететь” могут только настоящие, чистые чувства» *(Катя Ширяева)*. Учитель может сказать, что название мастерской родилось из фразы самого Горького: «А любовь к людям – это ведь и есть те крылья, на которых человек поднимается выше всего».

Марианна Юрьевна БОРЩЕВСКАЯ,
к.п.н., доцент НИРО,
учитель гимназии № 13, г. Нижний Новгород

Дополнительные материалы к статье см. на диске.

Ещё раз о слезе ребёнка...

Читаем рассказ М.Горького «Дед Архип и Лёнька»

Изучение рассказа М.Горького «Дед Архип и Лёнька» становится поводом для серьёзного разговора с младшими подростками о жестоком мире, трагическом одиночестве человека, сложных душевных переживаниях, о любви, добре и зле, страдании и сострадании, жизни и смерти. Опыт показывает, что самостоятельно прочитанный к уроку рассказ вызывает у детей сильные эмоции. От них и следует оттолкнуться, чтобы перейти к осмыслению прочитанного, углубить и разнообразить чувственное переживание.

В начале урока могут быть сформулированы следующие вопросы к классу:

- Какие сцены, эпизоды, образы особенно ярко представляются, когда вы вспоминаете рассказ? (Вопрос на пластическое воображение, активизирующее чувственное восприятие.)
- Что вы переживали, испытывали, когда дочитали произведение?
- Чем отличается грустный финал от трагического? (Можно дать первоначальное представление об эстетической категории трагического.)

Вторичное восприятие художественного текста основывается на углублённом, вдумчивом, аналитическом чтении (вчитывании). Учитывая возрастные психологические особенности шестиклассников, выбираем метод *вслед за автором* и постепенно погружаемся в текст.

Горький – мастер завладевать вниманием читателя, вербально воздействуя на различные органы чувств: слух, зрение, обоняние, осязание. Перечитывая начальные абзацы рассказа, ученики могут выделить те детали описания, которые «включают» наши ощущения. Например:

Что мы «видим»? Мутная река, жёлтый песок, серая полоса дороги, тёмно-коричневая земля, бурые лохмотья странников, дед – старое иссохшее дерево, Лёнька – его хрупкий корявый сучок, вдали золотое море пшеницы, в которое падает ослепительно яркое небо, серебряная пелена марева (обращаем внимание на палитру писателя), пелена на глазах деда – всё дрожит и колеблется.

Что «слышим»? Тишина, удушливый кашель деда, шорох волн о песок.

Летний пейзаж тревожен, несмотря на то, что день тёпел и тих, его тишина обманчива, как та струистая пелена и жара, отнимающая у деда зрение и остатки сил. В этом убеждаемся далее.

- О чём говорят детали портрета деда Архипа?
- Какая мысль не даёт ему покоя?
- Прокомментируйте обратившие на себя внимание детали портрета мальчика. (Много пережил, болел, страдал.)
- Что может рассказать первый диалог героев об их взаимоотношениях, характерах? (Следует обратить внимание не только на прямую речь, но и на слова автора.)

Не страх приближающейся смерти, а мысль о внуке (куда он денется?) не даёт покоя деду Архипу. Он ласков к внуку, хотел бы, но не может порадовать ребёнка, за что-то словно извиняется. Лёнька не по-детски серьёзен, рассудителен, осторожен, сосредоточен; заметна слегка раздражённая, даже покровительственная интонация в адрес деда. Любопытен фрагмент диалога, приоткрывающий внутренний мир мальчика: Лёнька растёр в руках кусочек земли – далее следует ряд незавершённых фраз и замечание автора: «И, не умея уловить свою мысль, Лёнька снова молча задумался, посматривая вокруг себя». Зададим вопрос, *активизирующий художественное воображение, чувственно-эмоциональную сферу восприятия*: о чём думает, но не умеет высказаться мальчик?

Для того чтобы сформулировать за героя его мысль, ученики должны проникнуться его ощущениями, состоянием, вжиться в образ.

Далее следует перечитать монолог деда. Вопросы к нему:

- Какие чувства испытывает нищий странник?
- В каких словах особенно ярко выражены его взгляды на жизнь? («Враги друг другу – сытый и голодный... Ты – хилый ребёночек, а мир-то – зверь...»)
- Почему автор «прерывает» монолог краткими описаниями героев и завершает описанием фигуры деда?

Обращаем внимание на доминирующие чувства в состоянии дедушки (злоба и бессилие против жестокости мира) и реакцию Лёньки на каждое из этих чувств. Так мы близко подходим к *нравственно-психологическому конфликту героев*, во многом объясняющему дальнейшие события. Следующая ниже пейзажная зарисовка контрастирует с душевной драмой человека: «Река торопливо катилась вдаль, звучно плескалась о берег, точно желая заглушить этим плеском рыдания старика. Ярко улыбалось безоблачное небо...»

Мысль деда о вражде сытого и голодного начинает буквально воплощаться в жизнь. Портрет казака, его повадки, голос, разговор – резкая антитеза внешности, жестам и чувствам старика и ребёнка. «И от всей его фигуры, прочной и большой... разило сытостью, силой, здоровьем».

Далее сосредоточим внимание учащихся на ощущениях и переживаниях Лёньки в его последний, трагический день жизни: от слабости и головокружения он засыпает на пароме и просыпается от резкого толчка, странные звуки песни казака и скрип колёс навевают невесёлые размышления о предстоящем унижении – опять придётся просить милостыню... На минуту повеяло человеческим теплом и участием, когда их с дедом приглашают на ночлег. Равнодушие Лёньки к заботам деда (уже собрал одиннадцать с полтиной!) вызывает вопрос: любит ли он вообще дедушку, сопереживает ли ему? Чувства мальчика не по-детски сложны, здесь и любовь, и привязанность, и сострадание, и стыд, и раздражение: «Всегда, когда слышал он просьбы деда, ему становилось неприятно и как-то тоскливо, а когда деду отказывали, он даже робел, ожидая, что вот сейчас разревётся дедушка». И всё же ребёнок, даже в отчаянном положении, остаётся ребёнком. В «посвежевшем от близости вечера» воздухе отдохнули и посвежели после сна его детские силы и чувства. Портрет плачущей девочки дан в восприятии Лёньки, он содержит ряд милых и трогательных деталей: «У неё были большие чёрные глаза, теперь – обиженные, грустные и влажные, маленькие, тонкие, розовые ушки шаловливо выглядывали из прядей каштановых волос, растрёпанных и падавших ей на лоб, щёки и плечи. Она показалась Лёньке очень смешной, несмотря на свои слёзы, – смешной и весёлой... И озорница, должно быть!..»

Диалог с девочкой может прозвучать в классе. Это должно быть *подготовленное, выразительное чтение по ролям*, с большим вниманием к психологическим авторским ремаркам, отчётливо рисующим состояние героев, практически не требующим комментария и объясняющим, почему мальчику вновь «сделалось скучно. Он... снова сгорбился и присмирел»...

То, что произошло далее (встреча с дедом, привод в сборную, брошенный в бурьян свёрток, переживания мальчика и его обморок), можно *воспроизвести в пересказе, попросив учащихся сохранить в нём наиболее важные художественные детали*. Интересно, какие именно детали выделят дети как наиболее существенные и яркие. В первую очередь это должно быть то, что вызвало в мальчике вспышку ярких эмоций: «Падая, тряпка развернулась, и в глазах Лёньки промелькнул голубой с цветами платок, тотчас заслонённый образом маленькой плачущей девочки. Она встала перед ним, как живая, закрыв собой казака, деда и всё окружающее... Звуки её рыданий снова ясно раздались в ушах Лёньки, и ему показалось, что перед ним на землю падают светлые капельки слёз». Это переживание – центральное в данной части рассказа, важное звено сюжета, подводящее нас к восприятию кульминации.

Кульминационную же сцену рассказа рекомендуем *прочитать вслух учителю*. Чтобы не разрушить целостного и сильного впечатления, вряд ли стоит дробить этот фрагмент вопросами. Зададим центральный, *проблемный вопрос*: кто прав в своих обвинениях: ребёнок или старик?

Рассуждая в поисках ответа на этот вопрос, ученики неизбежно выйдут к тому, что у каждого из героев *своя* правда. Для деда Архипа «мир – зверь», и, чтобы защитить мальчика, он готов и на грех, и на преступление, страдая и осознавая свою вину: «Господи! Наказал ты меня!.. Рукой ребёнка убил ты меня!.. Верно, Господи!..» Чистая, страдающая душа Лёньки, мечтающего о «чудных городах, населённых невиданными им добрыми людьми», не принимает зла как такового. И слова отчаяния, брошенные деду («У дити украл... Не будет тебе на том свете прощенья за это!..), брошены на самом деле в лицо несправедливо, безнравственно и жестоко устроенному миру. И никуда от этого мира не скрыться кинувшемуся во тьму, ослепляемому молниями, обезумевшему от страха ребёнку.

Финал рассказа трагичен. В итоге развернувшейся на наших глазах истории – лежащие в грязи кинжал и платок да грубый каменный крест на холмике земли. *Заключительный вопрос (или домашнее задание)* может быть как раз связан со значением этих предметов-образов в рассказе. Вопрос рассчитан на личностное восприятие прочитанного, разный уровень воображения, различную степень умения обобщать – то есть на *интерпретационную деятельность* учащихся. Обобщая ответы учеников, необходимо отметить не только фабульное, но и символическое значение этих предметов, причём два из них соотнести с мировосприятием каждого из героев (дед – и кинжал, мальчик – и платок с цветами), и один (крест) – с общим концом, смертью героев.

После изучения этого горьковского рассказа уместно обращение к рассказу Леонида Андреева «Ангелочек». О том, как провести их сопоставление, читайте в авторском варианте статьи на диске.

Оксана СМИРНОВА,
учитель литературы Традиционной гимназии,
Москва

Дополнительные материалы к статье см. на диске.

Пять уроков по пьесе «На дне»

Пьеса М.Горького «На дне» – одно из самых спорных и интересных произведений XX века, входящих в школьную программу. Неоднозначность, противоречивость заложена в структуру этой драмы самим автором. О том, как выявить эту неоднозначность и как сделать видной для наших учеников структуру (и идейную, и формальную), рассказывает эта статья. В ней учитель найдёт практические рекомендации для построения цикла уроков по пьесе «На дне». Расширенный вариант статьи размещён на диске.

Урок первый. Комментированное чтение

Прежде чем читать, надо немного рассказать об **истории пьесы.** «На дне» написана специально для МХТ, как и всё, что писал Горький для театра. МХТ вызвал у Горького восторг, который он излил в письме Чехову: «Художественный театр – это так же хорошо и значительно, как Третьяковская галерея, Василий Блаженный и всё самое лучшее в Москве. Не любить его невозможно, не работать для него – преступление».

Любовь оказалась взаимной, и режиссёры МХТ охотно ставили Горького, тем более что это всегда вызывало почти скандальный интерес у публики – даже высокопоставленной. Когда к гастрольной постановке готовилась первая его пьеса («Мещане»), по воспоминаниям Станиславского, «на генеральную репетицию съехался весь “правительствующий” Петербург, начиная с великих князей и министров... В самый театр и вокруг него был назначен усиленный наряд полиции, на площади перед театром разъезжали конные жандармы. Можно было подумать, что готовились не к генеральной репетиции, а к генеральному сражению».

Постановка «На дне» обещала быть ещё более скандальной, потому что никакая власть не любит, когда демонстрируют нищету и безысходность, в которой пребывают её подданные. Цензура разрешила ставить эту пьесу только одному театру – МХТ. Считается, что так было сделано в надежде на провал: уж больно странным, «несценичным» выглядел текст. МХТ к работе над пьесой подошёл серьёзно. Поскольку никто из актёров, а тем более актрис не видал своими глазами ночлежек и их обитателей, была устроена **экскурсия на Хитровку.** Во избежание неприятностей, которых можно было ждать от таких мест, в проводники взяли известного репортёра и писателя Владимира Гиляровского («дядю Гиляя»), которого вся криминальная Москва знала и уважала за феноменальную физическую силу. Неприятности, конечно, приключились. По свидетельству Гиляровского, компания из МХТ (пижонистая и нарядная – одни красавицы-актрисы чего стоили) зашла в этакий мозговой центр Хитровки – ночлежку, где спившиеся и невостребованные бывшие актёры сидели и переписывали для театров роли (это дешевле, чем нанимать машинистку, а ролей в каждом спектакле надо расписать немало). Завидев своих более удачливых коллег, «бывшие» впали в амбиции, полезли на рожон и уже готовы были затеять потасовку, но тут «дядя Гиляй» не растерялся и так ахнул об пол табуретом, что босяки сразу пришли в себя. Актеров МХТ быстро увели, но реализм пьесы они, надо думать, успели прочувствовать.

«На дне» – это «**новая драма**», и все приёмы в ней подчёркнуто обнажены. Горький вообще любит внешние эффекты, и тут их будет множество. Берём книгу и начинаем читать, сколько успеем. По ходу дела я обычно обращаю внимание на такие вещи:

- **Список действующих лиц:** вчитавшись в него, можно убедиться, что это своего рода срез российского общества. Там есть люди всех сословий – от аристократии (Барон) до крестьянства (Лука), есть свои хозяева жизни и коррумпированные «силовики». При этом все они живут «на дне», в грязной ночлежке, и никому такая жизнь не нравится, разве что кроме главного хозяина – Костылёва и полицейского Медведева.
- **Большая ремарка** в начале первого действия. В «новой драме» размываются границы литератур-

ных жанров и родов: писатели используют возможности эпоса, потому что пьесы не только ставят, но и читают, как обычную прозу. При чтении такая длинная ремарка создаёт впечатление мрачности, безысходности, тюрьмы или склепа.

• **Первая реплика:** «Барон. Дальше!» Пьеса начинается с середины. Такое впечатление, что там, за занавесом шла какая-то жизнь, и, когда занавес подняли, мы эту жизнь увидели. И сделано это, конечно, для того, чтобы зритель осознал реалистичность действа.

• **Диалоги**, которые ведутся на сцене, друг с другом вроде бы не связаны. Две пары героев переговариваются друг с другом, не обращая внимания на соседей (Барон – с Настей, Клещ – с Квашнёй). И ещё Сатин иногда рычит. По ходу дела мы увидим, что диалоги связаны по смыслу. В данном случае они об одном и том же, иногда какие-то реплики будут звучать, как комментарий к совсем другому разговору. И это тоже необычная техника в драме: обычно в пьесах разговаривали по очереди.

• В этой драме, как мы увидим, для Горького главное – **мысль**. И он её будет всячески подчёркивать, чтоб недогадливые зрители не пропустили ничего важного. Например, обратим внимание на первый диалог Актёра с Сатиным:

А. Однажды тебя совсем убьют... до смерти...
С. А ты – болван.
А. Почему?
С. Потому что – дважды убить нельзя.
А. (*помолчав*). Не понимаю... Почему – нельзя?

Чего уж тут не понять? Однако реплика Сатина ударная, её должны осмыслить зрители, а потому Актёр и задаёт свои дурацкие вопросы: внимание привлекает. Можно переспросить класс: о чём тут речь? – Вероятно, о том, что обитатели ночлежки чувствуют себя выброшенными из жизни – то есть мёртвыми. Уже убитыми однажды.

• Ещё один момент, на который обращаю внимание, – перебранка Квашни с Клещом:

Квашня. Ты вон заездил жену-то до полусмерти...
Клещ. Молчать, старая собака! Не твоё это дело...
Квашня. А-а! Не терпишь правды!
Барон. Началось!

На самом деле начался, конечно, скандал. Но, кроме того, реплика Барона возвещает, что началась **дискуссия о правде** – главная линия этой пьесы. Эффектная такая двусмысленность.

По ходу дела комментирую спор о том, чья очередь мести пол, – очень похоже на школьные споры о дежурстве с лейтмотивом «а почему я?». Обращаем внимание на замысловатые слова, которые бормочет Сатин: «Организм... органон... Сикамбр... А ещё есть – транс-сцендентальный». Последнее есть любимое словечко символистов – можно себе представить, как оно злило Горького, который таким словам не обучался, хотя, конечно, их как-то освоил.

Комментирую монолог Бубнова насчёт краски на руках, которая стёрлась, как и все прочие признаки классовой, цеховой и прочей социальной принадлежности. «Выходит, как себя ни раскрашивай, всё сотрётся...» Это существенно для пьесы: она претендует на **философичность**, на решение каких-то **вечных общечеловеческих проблем**. И в этом смысле деклассированные ночлежники – это просто люди, поставленные перед этими проблемами. Люди в абстрактном, философском понимании, а не социальные роли.

Если время позволяет, читаю, как Васька Пепел выставляется перед Наташей, а в это время Бубнов про себя бормочет: «А ниточки-то гнилые». Очень эффектный приём, в самом деле. Хорошо бы также успеть прочитать реплику Алёшки насчёт того, что похоронный марш – свежая музыка. И заметить, что тема смерти и воскресения здесь тоже главная, хотя и не попадает в экзаменационные задания.

Домашнее задание. В зависимости от возможностей класса я задавала очень разные вещи. Бывали сильные классы, которым я предлагала сразу, без предварительных обсуждений, обрисовать систему образов: разделить героев на какие-то группы и обосновать свои построения. Добросовестным классам я предлагала из первых двух действий повыписывать афоризмы на тему чести, совести, правды и лжи. В три столбца: что об этом думают ночлежники, хозяева и Лука (и те, кто с ним согласны). Облегчённый вариант того же задания: найти и выписать реплики о том, каким должен быть человек (за что ценится человек) с точки зрения а) хозяев, б) ночлежников, в) Луки. Если класс настроен совсем безнадёжно, пусть просто читают дальше и пытаются определить, какой в этой пьесе конфликт (или какие тут конфликты) и о чём идёт дискуссия.

Урок второй. Конфликт и система образов

О чём идёт спор в этой пьесе, все более или менее догадываются, – **о правде и лжи**. Это и есть **дискуссия**, которая в интеллектуальной драме заменяет традиционный конфликт. Какую же роль при этом играет **сюжет**? Он служит своего рода наглядной иллюстрацией к мнениям сторон, участвующих в дискуссии. Точнее, действующей моделью, на которой можно демонстрировать, как на самом деле происходит то, о чём спорят герои. Значит, чтобы разобраться в этой пьесе, надо увидеть, как дискуссия о правде соотносится с событиями и судьбами ночлежников. Отталкиваться можно как от дискуссии (абстрактных формулировок), так и от реаль-

ного течения событий. Второе даже интереснее, но это путь для тех, кто готов сразу и самостоятельно осмыслить систему образов.

Для начала спросим, сколько мнений сталкивается в этом споре. Или по-другому: какие конфликты видны в этой пьесе? Сложность в том, что позиций не две, а больше. То же и с конфликтами. Для начала стоит аккуратно отделить ту ветвь дискуссии, которая лежит на поверхности и редко кого теперь интересует: это **спор ночлежников и хозяев о традиционной морали**. И, соответственно, конфликт хозяев и ночлежников. Он достаточно важен, да и остроты в нём хватает.

Горького эта ветвь дискуссии в своё время очень даже интересовала. Он много раз брался доказывать, что традиционная христианская мораль есть порождение классового общества: она (согласно марксизму) охраняет интересы тех, у кого есть собственность и власть, от посягательств неимущих эксплуатируемых масс. Уже после «На дне», в 1906 году, Горький написал статью «Жрец морали», в которой говорится: «Никому не выгодно быть честным среди жуликов... Мораль выгодна для вас, когда вы имеете всё, что вам нужно, и желаете сохранить это для себя одного; она невыгодна, если у вас нет ничего лишнего, кроме волос на голове... Если у человека есть деньги, волы, рабы, ослы и сам он не идиот – он моралист».Таким вот «моралистом» в пьесе является Костылёв, который любит петь что-то божественное и зажигать лампадки, но не простит никому долга, да ещё накинет плату.

Если задано было выписать, за что ценят людей разные «группировки», то легко увидеть, что в этом конфликте Лука солидарен со всеми ночлежниками. Эта линия жестко разделяет хозяев и бесправные эксплуатируемые массы. Выписки могут быть разной степени подробности. Важно, чтобы были отмечены такие «пункты»:

1. Отношение к закону, чести и совести

Хозяева считают, что люди должны подчиняться законам, не нарушать общественного порядка и поступать честно.

Ночлежники говорят, что им это невыгодно. «Всякий человек хочет, чтобы сосед его совесть имел...» А сосед, как правило, её не имеет. По их мнению, самые лучшие люди – воры: они легко расстаются с деньгами (эту идею Горький уже изложил в «Челкаше» и, как видим, от неё не отказался). Другой афоризм на ту же тему: «Честь-совесть тому нужна, у кого власть да сила есть». Правда, есть и среди ночлежников наивные души: Татарин полагает, что «закон душа иметь надо», и пытается жить по этому закону, но в итоге присоединяется к картёжникам (шулерам), потому что остался без руки, а значит, без работы.

Лука вроде бы полностью на стороне ночлежников: «Я и жуликов уважаю». «Ни одна блоха не плоха: все чёрненькие, все прыгают». Однако сам он всё-таки не жулик. И, больше того, начинает с того, что проявляет совесть: и метлу берёт, и Анну жалеет. Но вот к закону он совершенно равнодушен.

2. Лояльность к властям, в частности, подчинение паспортному режиму

До сих пор это вопрос сложный и спорный. Но перед революцией все «левые» деятели были уверены, что паспортный режим – это позор, потому что, во-первых, нарушает свободу личности и даёт возможность отслеживать перемещения неугодных лиц, а во-вторых, попросту унижает человеческое достоинство, потому что какая-то бумажка для властей важнее личности.

Хозяева наивно утверждают: «Хороший человек должен иметь пачпорт. Все хорошие люди пачпорта имеют».

Легко догадаться, что у ночлежников «пачпортов» нет, что делает их очень уязвимыми и зависимыми от начальства. Всё время надо давать взятки, чтобы не попасть в тюрьму.

3. Оседлость

Для Горького это очень личный мотив (он сам бродил по Руси и вызывал у властей сильное раздражение). Но в нём тоже есть элемент политической программы: свободный человек имеет право свободно перемещаться, куда его душе угодно.

Хозяева с этим не могут согласиться. «Костылёв. Человек должен на одном месте жить... А не путаться зря по земле...»

На что ему *Лука* ехидно отвечает: «А если которому – везде место?» И он же говорит Медведеву, который с удивлением сказал, что не видал этого старичка на своём участке: «Это оттого, дядя, что земля-то наша не вся в твоём участке поместилась... осталось маленько опричь его». И ещё раз скажет: «Все мы на земле странники». И ещё добавит: и Земля наша в небе странница.

А вот все прочие *ночлежники* хотели бы стать странниками и уйти из этого притона хоть на край света, хоть на четвереньках уползти, но им недостаёт для этого свободы (главным образом внутренней). Хотя желание уйти, вырваться – лейтмотив пьесы и её главный сюжет.

4. Работа

Хозяева считают, что «хорошие» люди обязательно должны работать. Иначе кого ж эксплуатировать?

Убеждённые ночлежники работать даже не пытаются. Их позицию выражает Сатин: если судить по работе, то лошадь лучше всякого человека: работает и молчит. Эта реплика в 1902 году имела огромный успех, поскольку намекала на стачки рабочих, которые мало того, что прекратили работать, так ещё и не молчали.

Ночлежники начинающие (Клещ, Татарин) согласны с хозяевами: надо работать, чтобы сохранить уважение к самому себе. Но оба в итоге работу потеряют.

5. Тишина и шум

Хозяева хотят, чтобы люди вели себя тихо и смирно. Шум – это беспорядок, а беспорядок может превратиться и в бесчинство, в мятеж и бунт.

Ночлежники, наоборот, шумят: рычат, кашляют, скрипят, ругаются, стихи декламируют, поют. И это своего рода форма сопротивления, демонстрация протеста. А если и нет, если крик просто привлекает внимание к ужасному положению, в которое попали эти люди, – хозяевам он всё равно мешает.

Теперь можно всё-таки заняться **системой образов**. Если класс сам не предлагает версий, кроме «хозяева – ночлежники» можно задавать провокационные вопросы:

• **Кто может уйти из ночлежки, кто – нет?** – Оказывается, может уйти один *Лука*. Все остальные к ней как-то прикованы, и это не зависит от их социального статуса. Лука же всё время находится вне этого мира, над ним. Самый свободный герой, воистину – странник.

• **Кто не хочет оттуда уходить?** – *Костылёв и Медведев* (до последнего действия). Они привязаны к ночлежке своею властью и корыстным интересом. Им кажется, что здесь всё зависит от них. Они очень ошибаются. Ночлежка (ещё одно воплощение того горьковского «болота», которое губит слабых людей) перемалывает их жизни так же, как жизни неимущих постояльцев. Это, конечно, образ-символ, о чём надо не забыть когда-нибудь поговорить: символ жизни, которая по сути есть не жизнь, а смерть.

• **Кто из ночлежников хотел бы, но не надеется и не пытается вырваться на волю?** – *Бубнов и Сатин*. Оба считают себя мёртвыми (хотя бы до последнего действия). Они, таким образом, не участвуют в экспериментах Луки и даже не входят в «контрольную группу» (какую – об этом чуть позже). Сюда же, вероятно, можно отнести и сапожника **Алёшку,** который играет похоронный марш и кричит, что ничего не хочет. Он явно примыкает к этим живым мертвецам.

• **Кому из ночлежников Лука дарит надежду и утешение?** – *Анне, Актёру, Наташе и Пеплу*. Для каждого он находит свой вариант поддержки, поэтому говорить о них надо подробно – о каждом.

• **Кто из ночлежников сам себя утешает – надеждой на «освобождение» или ещё каким-то образом? –** *Клещ, Квашня, Василиса, Татарин и Настя с Бароном*. У них тоже разные варианты утешения, и о них тоже надо говорить подробнее. Но можно сразу сказать, что это и есть та «контрольная» группа, с помощью которой Горький показывает: выход из ночлежки для героев практически неосуществим.

Таким образом, у нас получаются **три группы**: 1) те, у кого нет иллюзий и кто считает себя мёртвыми, 2) те, кто сам питает иллюзии о том, что «со дна» можно выбраться или хотя бы куда-то «укрыться» от безрадостной реальности (в прошлое или в мечту), 3) те, кому Лука предлагает некий выход, кажущийся реальным и вполне достижимым. Сам Лука стоит вне групп: он тут экспериментатор (или манипулятор). Впрочем, отношение к нему у автора не раз менялось (он и пьесу переделывал довольно радикально), и в тексте есть следы прямо противоположных оценок: и восторженной, и обличительной. Эта заведомая двойственность образа Луки – находка для режиссёров и составителей экзаменационных вопросов: такой простор для рассуждений и споров, где можно текстом пьесы обосновать диаметрально противоположные суждения.

Хорошо было бы тут же, на этом уроке успеть поговорить о «**контрольной группе**». На что они надеялись и что с ними случилось?

Костылёв считал себя неуязвимым – в итоге он убит.

Медведев помогал ему – в итоге уволен из полиции и пополнил ряды ночлежников.

Квашня надеялась, что выберется «со дна», если выйдет замуж за Медведева (хотя и не признавалась на словах). В результате не только не выбралась, но ещё и Медведева себе на шею посадила.

Клещ ждал смерти жены. Но когда она умерла, ему пришлось распродать инструмент, чтобы её похоронить, и он остался таким же «люмпеном», как и другие, кого он презирал и считал бездельниками.

Василиса рассчитывала, что Василий убьёт её мужа, а она станет свободной и богатой. В итоге в убийстве обвиняют их обоих, и её ждёт тюрьма.

Настя находит утешение в придуманной любви (в чём Лука её только поощряет: «Во что веришь, то и есть»). Но в конце буквально звереет и хочет вырваться на свободу. Утешение её больше не спасает.

Барон прячется в своих воспоминаниях. Но Настя в отместку за его насмешки кричит ему: «Не верю!» – а Сатин добивает: «В карете прошлого – никуда не уедешь!» И Барон теряет свою спасительную нишу.

Вывод? – Ночлежка никого не отпускает. Всякая попытка выбраться из неё – иллюзия, которая рано или поздно развеется. Потому-то, вероятно, часть ночлежников и не пытается из неё выбраться. Одни – потому что ясно видят ужас своего положения. В этом – по Горькому – их сила. Они не боятся **правды**, хотя она совершенно убийственна. К этим героям Лука даже не пытается приближаться со своими разговорами. Другие – потому что не смеют ни на что надеяться. Слишком слабы для надежды, хотя рады были бы надеяться. Вот им-то Лука и пытается помочь.

Домашнее задание. Нам нужно выйти на спор Луки и Сатина. Но это очень сложно. Можно пока сосредоточиться только на Луке: «**Лука: за и про-**

тив». С обязательными ответами на несколько вопросов. 1) Какова судьба тех, кому пытался помочь Лука, по сравнению с «контрольной группой»? 2) Почему эти люди не спаслись? 3) Ложь ли – то, что предлагал им Лука? Как он сам это объясняет? 4) Чем он оправдывает своё понимание правды и лжи? 5) Как вы поняли притчу о «праведной земле»? 6) Для чего живут люди, с точки зрения Луки (мы узнаем об этом в последнем действии, в пересказе Сатина)? И что напоминает эта теория? 7) Как по-вашему: добрый ли человек Лука? (Если классу подробные указания, наоборот, не нужны, пусть сами ищут «за» и «против». Надо только намекнуть им, чтобы не потеряли праведную землю и про смысл жизни в пересказе Сатина. И чтобы эпизод с беглыми каторжниками не пропустили.)

Урок третий. Два взгляда на Луку

Ход урока зависит от того, как делали домашнее задание. Если сами – просто выслушать нескольких отвечающих. Если по вопросам, так и будем идти по вопросам. Первое непредсказуемо, запишу второе.

1. Сначала пусть расскажут, что случилось с теми, кому помогал Лука. Что он им предлагал и что из этого вышло.

Анне – загробный покой, Пеплу и Наташе – честную жизнь в Сибири, Актёру – лечебницу для алкоголиков. Закончились эти эксперименты трагически. Что общего у всех этих обещаний? – Они исполнимы при условии **веры**. Как говорит Лука Наташе: ты Василию чаще напоминай, что он хороший, он и исправится. А вором он стал потому, что все ему внушали: Васька – сын вора и сам вор. Или внушение Актёру: я, мол, вспомню, где лечебница, а ты пока не пей. Кстати, история Актёра иногда вызывала у ребят возмущение: действие ведь происходит в Москве, где о. Алексей Мечев действительно спасал алкоголиков. Но, в самом деле, надо было поверить и пойти к нему. Так что Горький не так уж и погрешил против истины. И Лука тоже.

О загробной судьбе Анны мы ничего не знаем (Горький не верит в жизнь после смерти). Лука её утешил и облегчил последние дни – спасибо ему. Пепел в тюрьме, его обвиняют в убийстве Костылёва. Наташе Василиса обварила ноги, и Наташа куда-то сгинула.

Виноват ли в этом Лука? – Отчасти: он не пошёл свидетельствовать в пользу Василия, испугавшись, что у него самого будут неприятности из-за того, что «пачпорта» у него нет. Однако его свидетельство не так уж много, вероятно, значило. Против этих двоих ополчилась жестокая «правда жизни», а с нею одной верой справиться очень трудно. Актёр повесился исключительно по вине Луки: он обманул проснувшуюся веру и надежду. Удержаться только за счёт своих внутренних сил Актёр не мог: он слабый человек.

2. Можно ли считать утешения Луки ложью?

Народ может тут поспорить: Лука (лукавый) не сочиняет откровенных небылиц, он дарит надежду и предлагает человеку опереться на себя, свои внутренние силы, свои мечты, в конце концов. Лука предлагает каждому верить в свою правду, потому что вера (начало духовное) имеет в этом мире вполне реальную силу и власть. Если веришь и всеми силами добиваешься того, во что веришь, оно может и получиться. А если не веришь, то ничего и не получится. В этой системе мерило правды – человек и его вера. **Мечта, цель, вера** – это не ложь, поскольку это **внутренняя правда человека**.

Об этом могли бы сказать те, кто самостоятельно возьмётся защищать Луку. Какие могут быть против такой защиты **возражения**?

• Вере людской противостоит реальная действительность, которая способна своей грубой силой уничтожить все благие человеческие порывы. Как Василиса уничтожила попытку Васьки и Наташи начать новую жизнь. И с этой реальностью как-то (и кому-то – что главное) нужно бороться, иначе люди не станут лучше и счастливее. Одной веры тут вроде бы мало. По крайней мере, веры в себя и свои силы.

• Лука никогда не берёт на себя ответственность за тех людей, которых он поманил надеждой. И никогда в открытую не идёт против суровой и жестокой реальности. Кроме как словом и советом, он никому не помогает. Разве что по мелочам: пол подмести, Анну из сеней привести в тепло.

3. Ради чего Лука пытается помочь (пусть и по-своему) ночлежникам? Верит ли он в то, что они сумеют выбраться «со дна» и «воскреснуть» – то есть начать жить какой-то другой, полноценной жизнью?

Второй вопрос вспомогательный, его можно и не предъявлять, если дети сами ответят на первый. Обычно класс отвечает, что помогает он им в основном **из жалости**. Может быть, он пытается дать некоторым хоть какой-то, но шанс – вдруг получится? (Не Анне – Пеплу.) А что даёт его жалость безнадёжным? – Возможность дотерпеть жизнь до конца и при этом чуть меньше страдать. Очевидно, что именно для этого он утешает Анну и Настю. Возможно, так же он отнёсся и к Актёру, а тот – натура артистическая и горячая – себя переоценил и принял всё за чистую монету. Сам Лука едва ли верит в то, что кто-то из ночлежников сумеет вырваться на волю. Хотя он-то умеет быть свободным.

В интервью, которое Горький дал по поводу своей пьесы в 1903 году, он высказался о Луке однозначно: «Основной вопрос, который я хотел поставить, это – что лучше: истина или сострадание? Что нужно? Нужно ли доводить сострадание до того, чтобы пользоваться ложью, как Лука? Это вопрос не субъективный, а общефилософский».

4. Ради чего, в понимании Луки, люди живут на свете? И на что похожа его теория?

Надо, чтобы этот фрагмент из монолога Сатина (4-е действие: «Однажды я спросил его: “Дед! Зачем люди живут?”») прочитали вслух. Услышав его, каждый догадается, что это очень похоже на теорию Раскольникова. Люди делятся на два разряда: на «лучших» («способных сказать в среде своей новое слово») и на материал, служащий для зарождения себе подобных. Лучшие, как водится, двигают человечество вперёд, а обыкновенным остаётся только терпеть эту жизнь и ждать, пока лучшие её изменят. Среди ночлежников едва ли найдутся «лучшие», значит, самое милосердное по отношению к ним – утешать их сказками и надеждами. Давать им веру в то лучшее, что обязательно должно однажды появиться. (Однако тут же сказана важная, прямо антираскольниковская вещь: «Всякого человека уважать надо». Вряд ли так можно относиться к тому, кого считаешь только «материалом». – *Прим. ред.*)

5. И опять встаёт вопрос: можно ли считать ложью те идеалы, к которым тянутся души даже самых обыкновенных людей?

Тут стоит вспомнить притчу о праведной земле. Какой из неё можно сделать вывод? – Скорее всего, что без идеалов людям жить нет смысла. Но ведь земли такой на свете нет, зачем же к ней стремиться? – Наверно, для того, чтобы она однажды появилась. Горький лукав и ничего тут прямо не говорит, но он же не согласится признать, что человечеству не нужна «праведная земля». А если её нет, надо её создать, опираясь на ту веру в лучшее, которая у каждого в душе. Если так посмотреть, Лука не то чтобы лжет, а поддерживает в людях стремление к лучшему, пусть даже эти люди не сумеют ничего из «лучшего» привнести в мир.

Горький и сам сначала со слезами восторга читал слова своего Луки и любил его, как своего рода пророка, сумевшего своею добротой пробудить в душах ночлежников стремление к лучшему, человеческое достоинство и т.п. Однако партийные товарищи объяснили ему, что гуманизм Луки ложный, основанный на традиционной христианской морали («возлюби ближнего, как самого себя»). И вообще на утешительной лжи. А значит, его надо развенчать с точки зрения нового, революционного гуманизма: гуманно то, что ведёт к революции, потому что революция должна привести человечество к эпохе всеобщего коммунистического счастья. А христианский гуманизм «объективно» выгоден лишь хозяевам жизни: помогает терпеть и мешает бунтовать.

Нам надо осмыслить двойственность авторского отношения к Луке. Для этого можно использовать один простой приём: сравнить *Луку* и *Данко* (героя, любимого автором безоговорочно).

Общее. Оба жалеют людей, оказавшихся в жизненном «болоте». Предлагают им оттуда выбраться. Каждый по-своему пытаются помочь.

Разница. 1) Данко ради людей сердце своё вырвал. Лука ничем не хочет жертвовать и рисковать. 2) Данко призывает преодолеть дурные обстоятельства. Лука кому-то пытается подсказать выход, а большинству его речи помогают только терпеть непереносимую жизнь. 3) Данко движет гордость, нежелание смириться с поражением и медленной гибелью. Лука проповедует смирение – мягкость, уступчивость, терпимость.

Вывод. Горький не считает, что Лука способен вывести людей «к свету». И вряд ли считает, что они сами – без вождя – способны выбраться из своего болота.

Может быть, предложить в конце урока написать короткую работу: «Моя оценка Луки»? («Добрый ли человек Лука?», «Добро или зло принёс Лука в ночлежку?»). Пусть осознают хотя бы свою позицию по отношению к этому герою.

Домашнее задание. Перечитав четвёртое действие, определить, в чём Сатин согласен и в чём не согласен с Лукой. Свои выводы подтвердить цитатами. Кстати, вспомнить историю Сатина: кто он такой, как попал в ночлежку. Оттуда же, из последнего действия, надо извлечь отзывы других героев о Луке, их «за» и «против».

Урок четвёртый. Позиция Сатина

То, что мы делали на прошлом уроке, скорее касается **сюжета**, чем **дискуссии**. Мы проверили, смог ли Лука кому-нибудь помочь своими речами (то есть своим «жалостным» гуманизмом). Пришли к выводу, что в столкновении с реальностью его гуманизм с опорой на веру проиграл. Хотя неясно, что тому виной: то ли слишком тяжкие обстоятельства, то ли слабая вера подопытных персонажей, то ли все вместе. Выяснили также, что сам Лука выступать против обстоятельств, чтобы защитить Ваську Пепла, не решился – сбежал.

Однако дискуссия только тут и начинается. Напомним: «На дне» – типичная «интеллектуальная драма», а в ней место «конфликта людей» занимает «конфликт идей», спор. Горький оформляет это неожиданно и эффектно. Главные антагонисты в его пьесе – *Лука* и *Сатин* – даже не спорят между собой. Лука высказывается в первых трёх действиях, а Сатин – в четвёртом, когда Луки уже и след простыл. Другие ночлежники тоже обсуждают позицию Луки, то есть участвуют в **дискуссии**, уже под конец.

Сначала они обсуждают самого старика. «Сатин (*смеясь*). И вообще... для многих был... как мякиш для беззубых». «Клещ. Он жалостивый был... у вас вот... жалости нет». «Настя. Он – всё видел... всё понимал». «Татарин. Старик хорош был... закон

душе имел! Кто закон душа имеет – хорош!» «Сатин. Да, это он, старая дрожа, проквасил нам сожителей...» «Клещ. Поманил куда-то... а сам – дорогу не сказал...» «Барон. Старик – шарлатан».

В эту перекличку мнений ввёрнут разговор про закон и закон души. Татарин говорит, что надо жить по Корану, Клещ соглашается – да, по Евангелию. А Сатин выворачивает всё наизнанку и сравнивает эти книги с «Уложением о наказаниях уголовных и исправительных». Ещё один ассоциативный финт, закамуфлированный под пустой трёп. Он уравнивает веру в Бога и исполнение его заповедей с подчинением властям.

Потом Сатин вдруг бросается защищать Луку и по-своему интерпретировать его речи. Заявляет своё знаменитое: «Он... подействовал на меня, как кислота на старую и грязную монету...» – и произносит несколько длинных монологов. Их придётся разобрать: спросить, о чём речь и как это связано с Лукой.

Первый монолог о **лжи и правде**. Читаем его и отмечаем по ходу дела знаменитые афоризмы и то, как они связаны с событиями в пьесе.

«**Что такое – правда? Человек – вот правда!**» Да, это мы уже обсуждали. Только Лука и Сатин поразному понимают то, что человек – это и есть правда. Для Луки это в первую очередь право на субъективность, для Сатина – требование считать главной ценностью человека, а не что-то внешнее (исполнение закона, работу, лояльность по отношению к властям, знатность, честность и т.п.). Хотя такое понимание Луке тоже не чуждо. И выкрик Сатина – это скорее реплика в споре с хозяевами, чем с Лукой.

«**Он врал... но – это из жалости к вам. Есть много людей, которые лгут из жалости к ближнему...**» Иначе говоря, как раз то право на субъективность и веру, на которых настаивал Лука, Сатин считает утешительной ложью. Хотя реплика выглядит нелогичной и как будто незаконченной. Ведь Сатин взялся защищать Луку, но словно бы не договорил: а чем Лука лучше этих «многих»?

«**Есть ложь утешительная, ложь примиряющая... Кто слаб душой... и кто живёт чужими соками – тем ложь нужна... одних она поддерживает, другие прикрываются ею**». Он хочет сказать, что ложь поддерживает существующий порядок вещей (а значит – с точки зрения революции – является орудием в руках эксплуататоров). Одним она помогает терпеть, другим – обманывать бедный народ. Кстати, под ложью в первую очередь Горький подразумевает религию.

«**А кто сам себе хозяин... кто независим и не жрёт чужого – зачем тому ложь? Ложь – религия рабов и хозяев... Правда – бог свободного человека!**» Интересно, как это соединить с защитой Луки. Ведь его проповедь, в такой интерпретации, есть ложь. А значит, Лука воспитывает рабов и тем служит хозяевам. Но про Луку к этому времени уже речь не идёт. Главное – выкрикнуть звонкий лозунг.

Впрочем, Сатин к нему ещё вернётся во втором большом монологе – про Человека. Этот сатинский монолог нелогичен и невнятен. Если Горький хотел изобразить речь подвыпившего демагога – тогда да, надо признать, что ему это удалось. Если же он думал, что разрешил наконец все философские вопросы и утёр нос Толстому с Достоевским... А именно такая сверхзадача тут, судя по всему, и ставилась.

«**Что такое человек?.. Это не ты, не я, не они... нет! – это ты, я, они, старик, Наполеон, Магомет... в одном. Это огромно. В этом – все начала и концы. Всё – в человеке, всё – для человека!**» О чём он? О том, что люди не должны делиться на два разряда (см. теория Раскольникова). Если почитать ранние аллегории Горького, всё станет понятнее. Есть у него одна, которая так и называется – «Человек». Про восхождение человечества по гегелевско-марксистской спирали из болота первобытно-рабовладельческо-феодально-самодержавно-капиталистической жизни к неким сияющим вершинам. И каждый человек в этом восхождении участвует – пусть и в меру своих способностей. Каждый – часть человечества и имеет право на свою долю в плодах прогресса. Никто не должен быть обделен.

«**Существует только человек, всё же остальное – дело его рук и мозга! Чело – век! Это – великолепно. Это звучит... гордо!**» А это о чём? Нормальные люди тут же спросят: а горы, реки и моря, не говоря уже про Луну и дальний космос – всё это тоже человек создал? Но Сатин с Горьким в этот момент не думают о мироздании. Они пытаются сказать, что Бога нет, а есть только мировая культура, созданная самим человеком. И религия – это тоже дело рук и мозга человека. Поэтому не надо верить в Бога (мораль, закон души и т.п.), а надо верить в самого себя и свои силы. Знать, что только ты сам и есть правда. И ради тебя всё в этой жизни должно быть устроено.

«**Надо уважать человека! Не жалеть... не унижать его жалостью... уважать надо!**» Иначе говоря, Лука всё же неправ. Хотя Лука ведь тоже говорил, что уважает всех людей. Да, но он при этом их жалел, а жалеть никого не надо. Надо, чтобы каждый почувствовал в себе Человека и... что дальше? Наверно, начал отстаивать своё право быть Человеком, восстав против властей, веры и всего привычного строя жизни. Несправедливого и равнодушного к судьбам людей.

Можно спросить (контрольный вопрос): проснулось ли в ночлежниках чувство собственного достоинства? – В каком-то смысле да. Настя взбунтовалась против Барона. Барон, в свою очередь, впервые задумался о том, «что же дальше». Клещ, пре-

жде презиравший всех ночлежников («я рабочий человек»), признал, что они тоже люди. Татарин, ещё в этом действии вставший на молитву, решительно поднимается с колен и идёт пьянствовать вместе со всеми, поправ закон (Коран пить запрещает). Все они увидели правду (и стали свободны, как боги). А как же Актёр? – Он тоже увидел правду, но не выдержал её и повесился. Сатин отказался его жалеть: «Испортил песню». Правда, которую видят ночлежники, выражена в финальной песне. О чём песня? О том, что они живут в тюрьме, и выхода из этой тюрьмы пока не видно.

В советские времена принято было подчёркивать, что, хотя Сатин и является в этой пьесе выразителем авторских идей, его ни в коем случае нельзя считать «положительным» героем (которого так хочет найти Горький), потому что он только зовёт к протесту, но сам (как люмпен-пролетарий, шулер и пьяница) на него неспособен. А настоящего героя Горький создаст наконец в романе «Мать». Это будет «правильный» герой: пролетарий и революционер. Можно, пожалуй, согласиться: *Сатин*, конечно, тоже не *Данко*, тут и сопоставлять нечего.

Домашнее задание. Найдите (начертите, нарисуйте) двойную схему развития действия: классическую (завязка, кульминации, развязка) и эмоциональную (лирическую). Их имеет смысл сопоставить.

Урок пятый. Композиция пьесы

Разговор начнём с проверки домашнего задания.

1. Завязка драмы – появление Луки. С этого момента «процесс пошёл». Главная кульминация – конец 3-го действия, когда Лука уже уговорил Ваську с Наташей бежать из ночлежки, но начинается побоище. Василиса разрушает все мечты и благие замыслы, а Лука сбегает, отказавшись быть свидетелем. Весь выстроенный им воздушный замок рушится. Развязка – финал пьесы. Разного рода пробуждение героев от сна, дурмана и самообмана.

2. Лирическая композиция несколько отличается от сюжетной. На мой взгляд, дело в том, что она следует не за линией «правда и ложь», а за линией «жизнь и смерть», которую мы как-то упустили из виду. Если взглянуть на эмоциональные «пики» пьесы, то к кульминации 3-го действия добавляются ещё две: финал второго действия и финал четвёртого. По своему строению эти сцены совершенно идентичны. Сначала эмоциональный взлёт (этакий лирический самообман): во втором действии Актёр в упоении декламирует любимое стихотворение, в четвёртом все садятся пировать и запевают песню. Потом резкий же эмоциональный спад, вызванный тем, что кто-то из ночлежников умирает.

Смысл песни мы уже обсуждали. Смысл стихотворения можно было и раньше оговорить: оно прямо связано с главной проблемой пьесы. «Мир безумцу, который навеет // Человечеству сон золотой» – это прямо-таки гимн в честь Луки. В этой сцене есть символический подтекст, на который надо обратить внимание. Актёр декламирует над телом только что умершей Анны. Лука обещал ему «воскресение» и новую жизнь, если он бросит пить и вспомнит своё любимое, если поверит в лечебницу и т.д. Однако всё его воодушевление улетучивается, когда он понимает, что декламировал над трупом. Красивых слов недостаточно, чтобы воскресить из мёртвых. Сатин в финале этого действия рычит и кричит: «Мёртвые не слышат!» Поскольку и сам он, и многие другие ночлежники считают себя «мёртвыми», сцена приобретает символический смысл: никакими убеждениями, верой, самообманом, восторгом, вдохновением и прочими «субъективизмами» победить смерть невозможно. Этот финал уже предсказывает трагическое окончание всех попыток ночлежников «воскреснуть» и начать новую жизнь.

Горького, как мы помним по «Старухе Изергиль», волновала тема бессмертия, только не того, о котором говорят религии, а какого-то особого. В романтических рассказах бессмертие – это искры и тени, песни и легенды. В более поздней горьковской мифологии бессмертие (точнее – воскресение) заключается в причастности к революции и великому восхождению человечества к сияющим вершинам прогресса. То, что стихи, сказки, вдохновение и самообман не спасут от смерти и не воскресят, у ребят возражения не вызывает. Но следует учесть, что к сказкам и самообману Горький относит и веру в Бога. Горький мечтает о каком-то другом воскресении, которое едва ли ясно себе представляет, но связывает его с революцией и *правдой*. В романе «Мать» приводятся стихи одного революционера: «И невинно убиенных // Сила правды воскресит». Что-то в этом роде он пытается выразить и в «На дне»: ложь, сказка, самообман плохи тем, что они не воскрешают. А воскрешает сила правды. Впрочем, она же убила Актёра – но, вероятно, потому, что он слишком поддался лживым утешениям Луки.

В качестве зачётной работы можно предложить разные варианты. Например, взять отрывки из «Книги отражений» И.Ф. Анненского, который написал статью-рецензию на пьесу Горького (текст см. на диске), и дать своё рассуждение «в ответ» Анненскому – согласиться или поспорить. Можно и вовсе не трогать Анненского, а дать темы сопоставительные – в духе задания С2 в ЕГЭ. В темах на сопоставление обычно спрашивают, у каких авторов Горький учился и где ещё есть тема духовного оскудения личности. Учился он у Некрасова, Островского и Чехова («новой драме»). Тема духовного оскудения – это Островский («Гроза» – под гнётом «тёмного царства»); наверно, Достоевский (Мармеладовы и Лужин), Гоголь («Мёртвые души»). Если придумаете ещё – поделитесь.

Галина Михайловна РЕБЕЛЬ,
доктор филологических наук, профессор,
г. Пермь

Зачем приходил Лука?

Даже если бы Горький написал только пьесу «На дне», он вошёл бы в историю и русской, и мировой литературы. В этом втором своём драматургическом опыте (первая пьеса – «Мещане», 1901 г.) он поразительно мощно прорвался к сокровеннейшим вопросам человеческого бытия и поставил их в такой неожиданной, острой и художественно яркой форме, как это случается редко и удаётся немногим.

То, что получилось, озадачило самого автора. В 1902 году, после первого представления «На дне» на сцене Московского художественного театра, Горький пишет: «…ни публика, ни рецензята – пьесу не раскусили. Хвалить – хвалят, а понимать не хотят. Я теперь соображаю – кто виноват? Талант Москвина-Луки или неумение автора? И мне – не очень весело»[1]. Через тридцать лет после первой постановки Горький практически отрекается от своего детища: «“На дне” – пьеса устаревшая и, возможно, даже вредная в наши дни. <…> В наши дни утешитель может быть показан на сцене театра только как фигура отрицательная и – комическая»[2].

Между этими двумя высказываниями – целая россыпь отрицательных определений главного героя: «Лука – жулик»; «Он прикидывается святошей, потому что ему это выгодно»; «Подлый он старикашка, Лука!.. Обманывает людей сладкой ложью и этим кормится»[3].

И тут возникает первый и очень важный для понимания горьковской пьесы и художественного творчества вообще вопрос: **можем ли мы доверять авторским оценкам, высказанным за пределами произведения, вдогонку герою, живущему своей собственной литературной и сценической жизнью?**

Следует, впрочем, признать, что эти авторские приговоры многократно и с разных сторон подтверждались суждениями критиков. «Старец лукавый, – пишет Владислав Ходасевич, – является, чтобы обольстить обитателей “дна” утешительной ложью о существующем где-то царстве добра»[4]. «Апостол Лука приносит Евангелие от Максима: ложь движет человечеством, без “золотого сна” жить невозможно»[5], – объясняет миссию странника Михаил Геллер. Что касается советских подходов, то суть их очень точно сформулировал тот же Ходасевич: «Лука наделал хлопот марксистской критике, которая изо всех сил старается разъяснить читателям, что Лука – личность вредная, расслабляющая обездоленных мечтаниями, отвлекающая их от действительности и от классовой борьбы, которая одна может им обеспечить лучшее будущее»[6].

Налицо совпадение авторской и литературно-критических, литературоведческих интерпретаций. Значит ли такое единодушие, что проблема Луки снята, решена?

Нет, конечно. К тому же перед школьниками она встаёт во всей своей первичной нерешённости. Вот и попробуем вместе с «наивным» читателем проверить устоявшиеся суждения, задавшись очень простыми на первый взгляд вопросами: **жулик ли Лука? Обманщик ли Лука?** И, наконец, – **зачем он приходил?**

Эти вопросы можно сделать основой итогового – дискуссионного – разговора по пьесе «На дне». Дискуссию организовать и провести непросто, её нужно готовить, в частности, имеет смысл заранее разделить класс на сторонников и противников Луки, чтобы на уроках, посвящённых анализу пьесы, дети накапливали аргументацию «за» и «против». В ходе комментированного чтения следует прояснить **характер и этапы развития конфликта**.

Пьеса начинается как социально-бытовая драма из жизни *отверженных*, по Достоевскому – *париев* общества, по определению буквальному, производному от названия – *подонков*. Первая же фраза Барона – «Дальше!» – свидетельствует о том, что открывающаяся ею ленивая перепалка всех со всеми, взаимное раздражение и равнодушие, легко пере-

ходящее во враждебность, не сейчас начались и не завтра кончатся. Это норма жизни «бывших людей», которые, выпав из более или менее благополучного социального бытия, и здесь, «на дне», оказались во власти той же системы отношений, в зависимости от хозяина ночлежки, который умудряется и на этих отщепенцев «полтинку накинуть», – да не просто так, наживы ради, но из лицемерного благочестия. В общем, всё здесь, «как у людей», только в обнажённом, без прикрас и иллюзий виде. Криминальный вариант развития конфликта (убийство вором Васькой Пеплом хозяина Костылёва) тоже как бы между прочим намечается Сатиным в самом начале.

Однако социально-бытовую узнаваемость и предсказуемость событий нарушает появление странника Луки. Вряд ли прав П.Басинский, когда утверждает, что «появление Луки в пьесе ничем не подготовлено»[7]. С начала пьесы слышится глухой стон всеобщей заброшенности, одиночества, неутолённой жажды внимания и понимания – ответом на этот запрос и становится появление странника. Кроме того, перед самым приходом Луки в разговоре Клеща, Пепла и Бубнова обыграна как нелепая и неуместная в этих условиях и для этих людей тема чести и совести – первая же фраза Луки оказывается ответом на кончившийся было спор и полемическим вызовом состоявшемуся приговору: «Доброго здоровья, народ честной!»

Выражение «народ честной» могло бы показаться ритуальным и бессодержательным использованием привычной формулы, если бы не ответная реплика Бубнова: «Был честной. Да позапрошлой весной». И теперь уже новый постоялец высказывается, хотя и уступчиво и уклончиво, но по существу заявленной темы: «Мне – всё равно! Я и жуликов уважаю, по-моему, ни одна блоха – не плоха: все – чёрненькие, все – прыгают… так-то».

Эта «конъюнктурно-беспринципная» декларация вкупе с «приспособленческой» позицией – «Старику – где тепло, там и родина» – вроде бы дают сильные козыри обличителям «жулика» и «шарлатана».

Но пока для выводов оснований нет, а вот для того, чтобы увидеть **завязку конфликта,** – несомненно есть: в ночлежке появился *странный* человек, который отброшенную было за ненадобностью гуманитарную проблематику делает главной темой жизни ночлежников на время своего присутствия и, соответственно, главной темой пьесы.

«Автор запускает Луку в пьесу как дрожжи в сырое тесто. И тесто начинает взбухать, подниматься, вылезать из кашни. Бытовая драма превращается в полигон идей»[8]. Это и определяет **идеологический** характер конфликта. (Здесь *идеологический* – суммарное обозначение всего комплекса обсуждаемых идей, включая собственно философскую их составляющую.)

Конфликт обрастает плотью, обогащается смыслами, усложняется, усугубляется по ходу общения Луки с Анной, Актёром, Пеплом, Настей, Наташей – с одной стороны, Клещом, Бубновым и Бароном – с другой, Костылёвым и Василисой – с третьей. Дополнительные нюансы привносит в развитие конфликта линия Лука–Сатин (хотя в полную меру Сатин развернётся уже после исчезновения старика), а также соприкосновение Луки со всеми остальными героями.

Вольно или невольно ночлежники втягиваются в обсуждение философских проблем, которые не только словами, но всем своим складом, обликом и поведением ставит перед ними странник. То состояние *крайней* обездоленности и беспросветности, в котором они находятся, оказывается неожиданно созвучным *последним* – «вечным» – вопросам. Формула Бубнова «Здесь господ нету… всё слиняло, один голый человек остался» фиксирует не только утрату привычных социальных статусов, связей, ролей, но и обнажённость человеческой сущности как таковой. И именно в силу этой обнажённости герои, неожиданно для самих себя, оказываются восприимчивы к слову, с которым обращается к ним Лука: «…разве можно человека эдак бросать? Он – каков ни есть – а всегда своей цены стоит…»

Вот об этом – о цене человека, о сути человека, об отношении к человеку – и разворачиваются горячие дебаты под угрюмыми сводами костылёвской ночлежки.

▲ *И.М. Москвин в роли Луки*

Кульминацией спора – а тем самым и **кульминацией идеологического конфликта** – становится разговор на пустыре (3-е действие), где главными оппонентами Луки выступают Бубнов и Клещ, у каждого из которых – своя правда о человеке, и *именно относительно их правд позиция Луки определяется как ложь*.

Вслед за этой сценой, в тесной связи с ней, наступает **кульминация социально-бытовая**, служащая при этом важнейшим объективным аргументом в философском споре: убийство Костылёва враз уничтожает только что внушённую Лукой надежду на новую жизнь Пепла с Наташей в далёкой Сибири.

В 4-м действии Луки нет. Он исчез, «яко дым от лица огня» или – вариант Сатина – «тако исчезают

грешники от лица праведных». Но физическое отсутствие Луки не отменяет его по-прежнему активного содержательного присутствия: ночлежники говорят о нём, от его лица и даже его интонациями (Сатин). Более того, именно в рамках развёрнутой на всё 4-е действие **развязки**, отталкиваясь от идей Луки, предъявляет свою философию человека Сатин, а финальной катастрофической точкой длящихся до самого конца дебатов становится сообщение Барона о самоубийстве Актёра.

Но эта точка, обрывающая действие пьесы ответной репликой Сатина «Эх… испортил песню… дуррак!», не ставит точку в споре. И Горький будет едва ли не всю жизнь – причём с нарастающим раздражением – обличать своего героя, настаивая: *жулик, обманщик*. Так ли?

Жулик ли Лука?

Вор, плут, мошенник, прохиндей – это синонимы к слову *жулик*. В основе жульничества – обман, обязательно сопряжённый с корыстью. Корыстен ли Лука? В чём та выгода, в извлечении которой обвиняет его Горький?

Лука нередко высказывается округло-уклончиво, по-каратаевски – пословицами да поговорками, но при этом идеи его вполне конкретны и адресны. В отличие от других, он умеет слушать и слышать – и на этот его дар благодарно и жадно реагируют умирающая Анна («Дедушка! Говори со мной, милый…»), изголодавшийся по публике Актёр («Старик, эй! Ты где? Я вспомнил… слушай»), отнюдь не склонный к отвлечённым материям Пепел: («Слушай, старик: Бог есть?»). Даже те, кто держится от него дистанцированно и относится к его словам недоверчиво, не без интереса поглядывают в его сторону. А он без нужды в их дела не вмешивается, издали присматривается, как, например, к Сатину: «Понять хочется дела-то человеческие… а на тебя гляжу – не понимаю!» Впрочем, и для Сатина находит альтернативу ночлежному существованию: «Тебе бы с такими речами к бегунам идти…»

И только хозяева ночлежки, то есть те, от кого жизнь его зависит напрямую, вызывают у этого беспаспортного бродяги однозначное неприятие и открытое осуждение. К ним, вопреки собственному тезису «старику – где тепло, там и родина», он не ищет подхода ни из общечеловеческих, ни из меркантильных побуждений. Более того, прямо говорит Костылёву: «Есть – люди, а есть – иные и человеки… <…> Вот ты, примерно… Ежели тебе сам Господь Бог скажет: “Михайло! Будь человеком!..” Всё равно – никакого толку не будет… как ты есть – так и останешься…»

▲ *Пьеса «На дне». Массовка. МХТ*

Житейской корысти в поведении Луки нет и в помине. Нет корысти и в «высшем» смысле: на власть над этими заблудшими душами, на подчинение их себе он явно не претендует.

Чем же руководствуется *странный* старик, во имя чего действует? Этим вопросом озадачены и герои пьесы: «Добрый ты, дедушка… Отчего ты – такой добрый?»

Лука объясняет: «Надо, девушка, кому-нибудь и добрым быть… жалеть людей надо! Христос-от всех жалел и нам так велел… Я те скажу – вовремя человека пожалеть… хорошо бывает!»

Этот ответ упорно игнорируется многочисленными обличителями странника. А ведь другого ответа пьеса не даёт. Не даёт она оснований называть Луку жуликом, не даёт повода заподозрить какую бы то ни было корысть с его стороны. Он действует из жалости, из сострадания. Из убеждения: «…если кто кому хорошего не сделал, тот и худо поступил».

И поэтому – лжёт? Именно так понимает это Пепел: «Ты, брат, молодец! Врёшь ты хорошо… сказки говоришь приятно! Ври, ничего… мало, брат, приятного на свете!» А Бубнов, в свою очередь, задумывается: «Любят врать люди… <…> Вот – Лука, примерно… много он врёт… и без всякой пользы для себя… Старик уж… Зачем бы ему?»

Лжёт ли Лука?

В ходе разговора на пустыре, когда Бубнов задаёт этот вопрос, проясняется, что именно называют ночлежники ложью и что – правдой.

В подтверждение своего тезиса о том, что «вовремя человека пожалеть… хорошо бывает», Лука рассказывает историю про то, как однажды, служа сторожем на даче, пожалел грабителей, которые с голоду на разбой пошли, а на поверку «хорошими мужиками» оказались, всю зиму у него прожили, вместе с ним дачу стерегли. Рассказ Луки завершается обобщением-моралью: «Не пожалей я их – они бы, может, убили меня… али ещё что… А потом – суд, да тюрьма, да Сибирь… что толку? Тюрьма – добру не научит, и Сибирь не научит… а человек – научит… да! Человек – может добру научить… очень просто!»

В ответ Бубнов в очередной раз категорически разводит *ложь* странника и свою *правду*: «А я вот… не умею врать! Зачем? По-моему – вали всю правду, как она есть! Чего стесняться?»

Клещ, в свою очередь, взрывается истерикой: «Работы нет… силы нет! Вот – правда! Пристанища… пристанища нету! Издыхать надо… вот она, правда! Дьявол! На… на что мне она – правда?»

Совершенно очевидно, что в этих ответных репликах-комментариях происходит подмена понятий и затемнение смыслов.

Чему Бубнов противопоставляет своё неумение врать? Истории с беглыми каторжниками? Но у него нет ни малейших оснований сомневаться в реальности этой истории. Очевидно, что Бубнов отрицает не конкретный факт приручения каторжников – он не верит в саму идею целительной силы добра, в спасительность сострадания и жалости. Вот это для него – ложь. А Клещ, отталкиваясь уже от слов Бубнова, демонстрирует «правду как она есть» – убийственную правду голого факта.

Лука не спорит, он даже как будто соглашается с Клещом: «Она, правда-то, – не всегда по недугу человеку… не всегда правдой душу вылечишь». Как ранее соглашался с Пеплом, который обвинял его во лжи: «И… чего тебе правда больно нужна… подумай-ка! Она, правда-то, может, обух для тебя…» И рассказывает следующую историю-притчу, герой которой, получив научно достоверную информацию про то, что «праведной земли» – царства справедливости – нет, удавился.

Этот новый виток развития темы не проясняет, а ещё больше усложняет ситуацию: о чём притча? О том, что правда – «обух», или, как полагает Наташа, о том, что человек «не стерпел обмана»? Что здесь убивает – правда или ложь? И было ли правдой то, что ученый обнаружил в своих картах? *Так ли* и *там ли* он искал?

У Ходасевича есть примечательная фраза о том, что Горький всю жизнь состоял «в <…> крайне запутанном отношении к правде и лжи»[9]. Пьеса «На дне» наглядно демонстрирует если не запутанность, то очень сложную структуру и взаимосвязь этих понятий.

Интересно, что Пепел, который называл истории Луки утешительными «сказками», выслушав притчу и очень точно эмоционально отреагировав на нее («Ч-чёрт те возьми… история – невесёлая»), тут же загорается идеей уехать вместе с Наташей в Сибирь и начать там новую жизнь. Что же он – не видит аналогии? Или, напротив, демонстрирует готовность заново начать поиск «праведной земли», то есть подтверждает невозможность жить без надежды, без веры в себя, без «сказки»?

Васька – вор. Это известная всем голая правда, и другой, по логике Бубнова, нет и не будет. А слова Васьки о том, что «надо жить… иначе! <…> Надо так жить… чтобы самому себя можно мне было уважать…», – это не правда? А обращённый к Наташе призыв Луки: «Он – парень хороший! Ты только почаще напоминай ему, что он хороший парень, чтобы он, значит, не забывал про это!» – тоже неправда?

Совершенно очевидно, что Лука переводит разговор из плоскости социального бытия, измеряемого сиюминутной данностью, в плоскость бытия экзистенциального, личностного, духовного. Луку интересует не фиксация наличного и очевидного зла, а поддержка потенциального добра.

Лука убеждён и убеждает других в том, что каждый «человек своей цены стоит», что «всякого человека… уважать надо», что «для лучшего люди живут». Не внешняя сторонняя жалость, а субъективная установка («Во что веришь, то и есть»), личностное самостояние («…ты пока готовься! Воздержись… возьми себя в руки и – терпи…») – вот тот рычаг, который, по логике Луки, может повернуть жизнь.

И это не абстрактное умствование – Лука всегда обращён к конкретному страждущему человеку. Никому из ночлежников он не лжёт, но каждому внушает то, что в каждом отдельном случае может, с его точки зрения, помочь: Анне – надежду на воздаяние на том свете за то, что претерпела на этом, Актёру, Насте, Пеплу, Наташе – веру в то, что не всё для них потеряно, в то, что человек может переломить судьбу – «лишь бы захотел». И, между прочим, источник этой веры Луки в человека – он сам, его личный опыт. Как говорит, уже в отсутствие странника, Сатин, «старик живёт из себя… он на всё смотрит своими глазами».

А вот Сатин, на которого традиционно возлагается миссия обличения сладкой лжи и провозглашения гимна свободному человеку, в сущности, противопоставляет деятельному, реальному гуманизму Луки пафосную абстракцию в ницшеанском духе. Лука каждому собеседнику внушает то самое «ты еси», о котором в связи с Достоевским писали Вяч. Иванов и М.Бахтин, – а для Сатина человек – «не ты, не я, не они», а все «в одном». Сатинский абстрактный человек, человек вообще – это подмена гуманизма трескучей демагогией, которая, в свою очередь, пролагала пути превращению конкретного, живого человека в колёсико-винтик бесчеловечной системы.

Сатин и Луку «подменил» – разглагольствованиями о лжи как «религии рабов и хозяев». По его логике получилось, что Лука оправдывает социальную несправедливость, угнетение слабых, жестокость сильных.

Между тем, хозяин Костылёв очень точно почувствовал абсолютную несовместимость *правды* странника со своими корыстными интересами и попытался дезаувировать её вместе с её носителем: «Что такое… странник? Странный человек… не похожий на других… Ежели он – настояще странен… что-нибудь знает… что-нибудь узнал эдакое… не нужное никому… может, он и правду узнал там… ну, не всякая правда нужна… да! Он – про себя её храни… и – молчи!»

Но Лука не молчит. Он не только не «оправдывает ту тяжесть, которая раздавила руку рабочего», но, напротив, пытается реанимировать человека в человеке, что очевидно противоречит интересам хозяина, желающего иметь в подчинении безликих и бессловесных рабов.

Лука не «против правды восставал», как это казалось Клещу, а вслед за ним многочисленным критикам и обличителям *лукавого* старца, – **Лука восставал против низведения человека до той функции, на которую он обречён социумом, против умаления, унижения, уничтожения человеческого достоинства**. Бубновскую правду, правду Клеща он знает не хуже их самих: «Погляжу я на вас, братцы, – житьё ваше – о-ой!» Но, в отличие от них, считает, что «нельзя человека эдак бросать», и пытается помочь.

Помог ли Лука ночлежникам?

Вот тут-то, казалось бы, и рушится всё построение в пользу Луки, ибо итоги его пребывания «на дне» плачевны: мечта Пепла о новой жизни в Сибири обернулась тюрьмой, Наташа пропала, Актёр повесился… Однако попробуем разложить ситуацию на составляющие.

Почему Лука исчез в разгар драки? Потому что он пришёл не для того, чтобы драться. Он не боец, а проповедник. Его оружие – не кулаки, а слово. Сказав это слово, он сделал своё дело и – исчез.

Было ли услышано слово Луки? Несомненно. Что-то стронулось в душе каждого. «Зачем вы живёте? Зачем?» – мучается Актёр. Даже Барон задумался: «А… ведь зачем-нибудь я родился… а?»

Виноват ли Лука в смерти Актёра? Актёр погибал до его прихода. Лука встряхнул его, заставил вспомнить имя, любимые стихи. Внушил надежду на возможность исцеления и возрождения. У Актёра нет сил осуществить это. Но – и жить по-старому, жить по-скотски и умереть от пьянства под забором он после Луки не хочет, не может. Будучи не в силах изменить жизнь, он предпочитает *уйти со сцены* по собственной инициативе, *доиграть* свою жизнь как трагедию. Он ведь – Актёр…

Так зачем же приходил Лука?

Как до него князь Мышкин, Лука приходил для того, чтобы люди на *человека* посмотрели, о человеческом в себе вспомнили. Как и в романе «Идиот», в пьесе «На дне» появление проповедника не изменяет ход жизни, и предсказанные в начале преступления совершаются.

И тем не менее **каждому, кто хотел быть услышанным, горьковский странник дал возможность высказать, вышептать, выкричать свою нереализованную человечность**. «Вы – не мешайте! Уважьте человеку… не в слове – дело, а – почему слово говорится? – вот в чём дело!», – убеждал он сожителей, а через их головы – и читателей, и критиков, словно предвидя те наветы, которые обрушатся на него.

Под сводами костылёвской ночлежки, в живописных декорациях и костюмах наступающей в России новой эры разыгрывается общечеловеческая, символическая, философская драма – ибо в конечном счёте «все мы на земле странники», все в широком смысле этого слова «ночлежники», все колеблемся между верой и безверием, надеждой и отчаянием, все бредем в потёмках, и жаждем света, и спотыкаемся на пути к нему. О том, как трудно быть человеком, рассказывает горьковская пьеса и свидетельствует жизнь.

А история постановки и интерпретации «На дне» подтверждает: бескорыстная проповедь добра, сострадания, жалости нередко воспринимается как провокация, жульничество, шарлатанство. Ревнителей голой правды раздражают гуманизм и идеализм Луки. Самого Горького порождённый им герой раздражал тем, что оказался его собственным оппонентом. Горький умел жалеть, сострадать, помогать, и Луку, конечно, исторг из себя, но и Сатин в нём сидел тоже – и в конце концов демагог и шулер Сатин победил, Горький восславил абстрактное благо в виде Беломорканала, не разглядев (не пожелав разглядеть) реальных страданий реальных людей.

Революционный нарком просвещения А.Луначарский в своё время радовался: «Судя по многим тирадам Луки в драме “На дне”, Горькому грозила опасность впасть в “мягкость”… Слава Богу, что этого не случилось, и что “жестокость” взяла в нём верх. Побольше, побольше жестокости нужно людям завтрашнего дня…»[10]

Порадуемся и мы, что, несмотря на жестокость, которой в мире, конечно, гораздо больше, чем любви и сострадания, *он* всё-таки время от времени приходит: князь Мышкин, Лука, Иешуа, Даниэль Штайн… И своим явлением оправдывает существование не только человека вообще, но порой и собственного автора в частности.

Примечания

[1] *Горький А.М.* ПСС. М.: Наука, 1970. Т. 7. С. 617.
[2] Там же. С. 623.
[3] Там же. С. 621.
[4] *Ходасевич В.Ф.* Колеблемый треножник: Избранное. М.; Советский писатель, 1991. С. 361.
[5] *Геллер М.* Горький и ложь http://www.persee.fr/web/revues/home/prescript/article/cmr_0008-0160_1988_num_29_1_2126
[6] *Ходасевич В.Ф.* Указ. изд. С. 361.
[7] *Басинский П.* Страсти по Максиму. Горький: 9 дней после смерти. М., АСТ: АСТРЕЛЬ, 2011. С. 198.
[8] Там же. С. 199.
[9] *Ходасевич В.Ф.* Указ. изд. С. 360.
[10] См.: Литература. 1993. №1 (6). С. 5.

Анна Евгеньевна ИЛЛЮМИНАРСКАЯ,
учитель литературы гимназии № 10,
г. Тверь

Дополнительные материалы к статье см. на диске.

Из наблюдений над пьесой М.Горького «На дне»

Печатаем фрагмент из большой статьи, посвящённой мотиву «потери и обретения лица» в рассказе М.Горького «Челкаш» и пьесе «На дне». По мысли автора этот мотив может по-новому объяснить эти хорошо изученные, но всё ещё не объяснённые до конца произведения. Авторский вариант статьи с сопроводительной презентацией размещён на диске.

В 1908 году в письме к А.В. Амфитеатрову М.Горький писал: «Излаял бы писателя российского за его низкую самооценку и за то, что он всё ещё не может понять своей великой роли в стране, где он – един судия праведный, и честный свидетель по делу об унижении правды, и пророк, пророк, карающий пошлость огненным праведным гневом своим! Потом сказал бы: нас хотят превратить в каких-то китайцев, нас обезличивают, на Руси лишь писатель умеет сохранить своё лицо, и он должен беречь его чистоту, его ясность, его светлую правдивость». Сохранить своё лицо – одна из важнейших задач всякого человека. Справляются ли с ней герои пьесы «На дне»?

С течением времени пьеса «На дне» по-разному оценивалась читателями и критикой. Самой спорной, естественно, была фигура Луки. Сам Горький, по-видимому, никак не мог определить собственное отношение к своему же герою.

В одном из писем он пишет: «Одна сирена поёт ложь из жалости к людям», «она знает, что правда – молот, удары её эти люди не выдержат, и она хочет всё-таки обласкать, сделать им хоть что-нибудь хорошее, дать хоть каплю мёда и лжёт». А в статье «О пьесах» читаем: «И, наконец, есть ещё весьма большое количество утешителей, которые утешают только для того, чтобы им не надоедали своими жалобами, не тревожили привычного покоя ко всему притерпевшейся холодной души. Самое драгоценное для них именно этот покой, это устойчивое равновесие их чувствований и мыслей. Затем для них очень дорога своя котомка, свой собственный чайник и котелок для варки пищи. Утешители этого типа – самые умные, знающие и красноречивые. Они же потому и самые вредоносные. Именно таким утешителем должен быть Лука в пьесе “На дне”, но я, видно, не сумел сделать его таким». Позволим себе привести и ещё одну цитату: «Мне очень хочется написать хорошо, написать с радостью... солнышка пустить на сцену, весёлого солнышка русского, эдакого не очень яркого, но любящего всё, всё понимающего». Вот так по-разному говорит сам автор о Луке, потому-то мнения критиков и читателей такие разные. Ещё стоит вспомнить, что Лука – странник, а странничество было не чуждо самому автору, который исходил пол-России...

Есть вопросы и по поводу других героев и отношения автора к ним. Если Горький хочет вызывать наше сочувствие к обитателям ночлежки, то почему так неприятно показывает их: Бубнов считает всех людей ненужными, Барон постоянно ругается, Клещ ненавидит всех своих соседей, Сатин – шулер, равнодушен к людям, предлагает просто «обременять землю», Настя живёт романами, пьёт и ругается? Если герои меняются под влиянием Луки, то почему самые «поддавшиеся влиянию» – Актёр и Сатин – чаще отсутствуют, когда старик произносит свои речи (их нет в ночлежке, когда он приходит, их нет, когда Лука рассказывает свои истории)? Если пьеса о том, что «человек... звучит гордо», то почему герои хрюкают, рычат, усмехаются, издевательски смеются друг над другом, свистят? В третьем действии в описании декораций читаем: «В окне у земли – рожа Бубнова». Почему их имена напоминают прозвища (Пепел, Клещ, Квашня, Кривой Зоб), связаны с происхождением (Барон), с национальностью (Татарин), с профессией (Актёр)?

Одно ясно: почти все герои на протяжении пьесы меняются, становятся в чём-то другими. Рассмотрим эти изменения подробнее.

Горький собрал в одном месте абсолютно разных героев, уравнял их в настоящем, оставив различным только их прошлое и возраст. По возрасту всех персонажей можно объединить в три группы:

1. От 20 до 30 лет. Это люди, ещё не имеющие жизненного опыта. Они в споре о жизни в основном не участвуют (Наташа, Васька Пепел, Анна, Настя, Алёшка, Василиса Карповна).

2. От 30 до 50. Уже состоявшиеся люди, они многое повидали, пережили. Эти герои и ведут разговоры о совести, о жизни, о правде, о человеке (Сатин, Актёр, Бубнов, Барон, Клещ).

3. От 50 до 60. Самые умудрённые. Но среди этих героев – хозяин ночлежки Костылёв, полицейский Медведев и странник Лука. Только Лука связан с размышлениями о жизни.

Мне кажется, что Горький не жалеет своих героев, а, наоборот, наказывает их за потерю имени, лица, за отказ от себя истинного, за то, что живут не свою жизнь. Не случайно Актёр говорит о том, что человека без имени нет, что даже собаки имеют клички. А когда умирает Анна, он произносит фразу: «Я иду... скажу... потеряла имя!..»

В пьесе есть два мотива, которые помогают нам увидеть это: **мотив лицедейства** (Актёр постоянно играет, читает куски из своих ролей, Сатин вспоминает, что когда-то играл на сцене, Барон говорит о том, что постоянно переодевался, Настя живёт жизнью из книг) и **мотив забывчивости** (Актёр забывает тексты прежних ролей или путает их; Сатин забывает, что значит слово «транс-сцедентальный»; Настя путает своих возлюбленных). Процесс изменения героев происходит после **возвращения к себе**, после **обретения лица** и **припоминания**. Попробуем увидеть, как меняются основные герои:

1. Бубнов участвует во всех действиях, произносит более ста реплик. В первом действии показан крайне негативно: «Шум – смерти не помеха», «Ты везде лишняя... да и все люди на земле лишние»; во втором – «Люди все живут... как щепки по реке плывут...»; в третьем – «И чего это... человек врать так любит», «А я вот... не умею врать! Зачем? По-моему – вали всю правду, как она есть!». А вот в последнем действии герой приходит в ночлежку и угощает всех соседей. Что произошло с Бубновым? В третьем действии он вспоминает свою историю, вспоминает о том, что «вовремя спохватился» и не убил свою жену. Вот это-то воспоминание и есть возвращение к себе, которое пробуждает что-то человеческое в Бубнове.

2. Барон тоже принимает участие во всех действиях, произносит около 80 реплик. В первом действии всех обзывает: «дура», «дурёха», «болван», «кикимора», «шельма», во втором – пассивен, в третьем – «у всех людей души серенькие, все подрумяниться желают», а в четвёртом, вспоминая своё прошлое, своих богатых предков, вдруг произносит монолог о переодевании и задаётся вопросом: «А... ведь зачем-нибудь я родился... а?» и идёт за Настей, которую перед этим оскорбил: «Эта... Настька!.. Убежала... куда? Пойду, посмотрю... где она? Всё-таки... она...». Значит, и в нём воспоминание пробудило человека.

3. Сатин – участник всех действий, произносит более ста реплик и тоже меняется. В первом действии – рычит, хрюкает, во втором: «Мертвецы – не слышат! Мертвецы не чувствуют... Кричи... реви... мертвецы не слышат!..» В третьем – рассказывает о себе, о том, как оказался в тюрьме, а потом принимает участие в драке, говоря: «Зови меня в свидетели». В четвёртом действии, кроме известного монолога о человеке, в котором, в общем-то, говорит о каком-то абстрактном человеке (вспомним Раскольникова, который тоже хотел осчастливить всё человечество), Сатин вспоминает Наташу, интересуется состоянием Клеща, заступается за Татарина и за Настю, то есть обращается от абстрактного человека к конкретному, к тому, кто рядом. Изменение Сатина тоже происходит после взгляда внутрь, в себя.

4. Актёр, присутствуя во всех действиях, говорит меньше (около 60 реплик). Это единственный герой, который сам распорядился своей судьбой. Он – весь в своей прошлой сценической деятельности и вспоминает только то, как был актёром. Мы не видим его другой жизни, поэтому его возвращение к себе происходит через возвращение имени – Сверчков-Заволжский. Актёр не слышит рассказа Луки о праведной земле, который служит своего рода предупреждением. Смерть Актёра – это тоже изменение героя, это нежелание жить по-прежнему. Поэтому с сожалением звучат слова Сатина, сказанные негромко: «Эх... испортил песню... дурр-рак!» Какую же песню испортил Актёр? Ту ли, которую поют ночлежники, или же другую? Мне кажется, что Сатин, сам того не желая, надеялся на возрождение Актёра и провоцировал его своими сомнениями на движение вперёд, а тот не справился и испортил «песню своей жизни» – может быть, новой жизни. Неслучайно эти два героя у Горького объединены в списке действующих лиц и очень часто вместе уходят и вместе приходят. Естественно возникает вопрос: а почему сам Сатин не может начать новую жизнь? Он понимает, что не сможет этого сделать: он внутренне мёртв, его фраза «дважды убить нельзя» говорит о многом. Заметим, что Сатин – это герой, прошедший тюрьму.

5. Лука присутствует только в трёх действиях, в четвёртом о нём много говорят. У него – более 160 реплик. По воле автора и Лука меняется. В первом действии – он хочет «приспособиться», поддакивает Пеплу, будет соглашаться с Настей. Но во втором и третьем действии он сам начинает менять окружающих. Как самый старый, много переживший человек, он рассказывает истории-притчи. Одна из них подтверждает его слова о том, что пожалеть человека – значит его спасти, а другая предупреждает об опасности слепой веры и правды. Его фразы о человеке напоминают афоризмы: «Он – каков ни есть – а всегда своей цены стоит», «Человек всё может... лишь бы захотел», «Уважьте человеку... не в слове – дело, а – почему слово говорится», «Люди-то? Они – найдут! Кто ищет – найдёт... Кто крепко хочет – найдёт!», «Они – придумают! Помогать только надо им... уважать надо...», «человек должен уважать себя».

В мире ночлежки человек хотя и возвращается к себе, но ненадолго. Это возвращение – как искра, которая тут же гаснет в темноте. Неслучайно автор лишил своих героев дневного света. Действие происходит утром, вечером и ночью, а дня нет, да и главная песня о том, что солнце всходит – и сразу заходит.

Дежурный по рубрике
Сергей ВОЛКОВ

Анализ драматического текста

Вариант 1

А к т ё р. ...Зачем вы живете? Зачем?

Б а р о н. Ты! Кин, или гений и беспутство! Не ори!

А к т ё р. Врёшь! Буду орать!

Н а с т я *(поднимая голову со стола, взмахивает руками).* Кричи! Пусть слушают!

Б а р о н. Какой смысл, леди?

С а т и н. Оставь их, Барон! К чёрту!.. Пускай кричат... разбивают себе головы... пускай! Смысл тут есть!.. Не мешай человеку, как говорил старик... Да, это он, старая дрожжа, проквасил нам сожителей...

К л е щ. Поманил их куда-то... а сам – дорогу не сказал...

Б а р о н. Старик – шарлатан...

Н а с т я. Врёшь! Ты сам – шарлатан!

Б а р о н. Цыц, леди!

К л е щ. Правды он... не любил, старик-то... Очень против правды восставал... так и надо! Верно – какая тут правда? И без неё – дышать нечем... Вон князь... руку-то раздавил на работе... отпилить напрочь руку-то придётся, слышь... вот те и правда!

С а т и н *(ударяя кулаком по столу).* Молчать! Вы – все – скоты! Дубьё... молчать о старике! *(Спокойнее.)* Ты, Барон, – всех хуже!.. Ты – ничего не понимаешь... и – врёшь! Старик – не шарлатан! Что такое – правда? Человек – вот правда! Он это понимал... вы – нет! Вы – тупы, как кирпичи... Я – понимаю старика... да! Он врал... но – это из жалости к вам, чёрт вас возьми! Есть много людей, которые лгут из жалости к ближнему... я – знаю! я – читал! Красиво, вдохновенно, возбуждающе лгут!.. Есть ложь утешительная, ложь примиряющая... ложь оправдывает ту тяжесть, которая раздавила руку рабочего... и обвиняет умирающих с голода... Я – знаю ложь! Кто слаб душой... и кто живёт чужими соками, – тем ложь нужна... одних она поддерживает, другие – прикрываются ею... А кто – сам себе хозяин... кто независим и не жрёт чужого – зачем тому ложь? Ложь – религия рабов и хозяев... Правда – бог свободного человека!

Б а р о н. Браво! Прекрасно сказано! Я – согласен! Ты говоришь... как порядочный человек!

С а т и н. Почему же иногда шулеру не говорить хорошо, если порядочные люди... говорят, как шулера? Да... я много позабыл, но – ещё кое-что знаю! Старик? Он – умница!.. Он... подействовал на меня, как кислота на старую и грязную монету... Выпьем, за его здоровье! Наливай...

Настя наливает стакан пива и даёт Сатину.

(Усмехаясь.) Старик живёт из себя... он на всё смотрит своими глазами. Однажды я спросил его: «Дед! зачем живут люди?»... *(Стараясь говорить голосом _____и подражая его манерам.)* «А – для лучшего люди-то живут, милачок! Вот, скажем, живут столяры и всё – хлам-народ... И вот от них рождается столяр... такой столяр, какого подобного и не видала земля, – всех превысил, и нет ему во столярах равного. Всему он столярному делу свой облик даёт... и сразу дело на двадцать лет вперёд двигает... Так же и все другие... слесаря, там... сапожники и прочие рабочие люди... и все крестьяне... и даже господа – для лучшего живут! Всяк думает, что для себя проживает, ан выходит, что для лучшего! По сту лет... а может, и больше – для лучшего человека живут!»

Настя упорно смотрит в лицо Сатина. Клещ перестаёт работать над гармонией и тоже слушает. Барон, низко наклонив голову, тихо бьёт пальцами по столу. Актёр, высунувшись с печи, хочет осторожно слезть на нары.

«Все милачок, все, как есть, для лучшего живут! Потому-то всякого человека и уважать надо... неизвестно ведь нам, кто он такой, зачем родился и чего сделать может... может, он родился-то на счастье нам... для большой нам пользы?.. Особливо же деток надо уважать... ребятишек! Ребятишкам – простор надобен! Деткам-то жить не мешайте... Деток уважьте!» *(Смеётся тихо.)*

М.Горький «На дне»

B1. К какому роду литературы принадлежит произведение, из которого взят отрывок?

B2. Как звали «старика», о котором разговаривают персонажи (его имя заменено в тексте пробелом)?

B3. Как называется разговор двух и более лиц в пьесе?

B4. Сатин в своём монологе противопоставляет ложь и правду. Как называется в литературоведении противопоставление, контраст?

B5. Установите соответствие между тремя персонажами, фигурирующими в отрывке, и их характеристиками (действиями). К каждой позиции первого столбца подберите соответствующую позицию

из второго столбца. Ответ запишите в виде последовательности букв и цифр.

А Клещ Б Актёр В Настя	1 Читает книгу «Роковая любовь» 2 Называет себя рабочим человеком, мечтает вырваться из ночлежки 3 Торгует пельменями на рынке 4 Сначала не может вспомнить любимые стихи, а потом их вспоминает

B6. Установите соответствие между тремя персонажами и репликами, которые они произносят в произведении. К каждой позиции первого столбца подберите соответствующую позицию из второго столбца. Ответ запишите в виде последовательности букв и цифр.

А Актёр Б Барон В Сатин	1 «Я всю жизнь только переодевался – а зачем?» 2 «Ушей вовсе нет у верблюда... он – ноздрёй слышит». 3 «Мне вредно дышать пылью... Мой организм отравлен алкоголем...» 4 «Люблю непонятные, редкие слова».

B7. Как называется небольшое высказывание персонажа в пьесе?

C1. Как бы вы объяснили реакцию персонажей на слова Сатина, выраженную в самой большой ремарке отрывка?

C2. В каких ещё произведениях так или иначе звучит вопрос «Зачем вы живёте? Зачем?» и как эти произведения перекликаются с пьесой М.Горького «На дне»?

Ответы и комментарии

B1	драма; к драме
B2	Лука
B3	диалог; полилог
B4	антитеза
B5	А2 Б4 В1
B6	А3 Б1 В4
B7	реплика

Отвечая на **вопрос C1**, ученики должны истолковать ремарку *«Настя упорно смотрит в лицо Сатина. Клещ перестаёт работать над гармонией и тоже слушает. Барон, низко наклонив голову, тихо бьёт пальцами по столу. Актёр, высунувшись с печи, хочет осторожно слезть на нары»*.

Здесь можно заметить, что для всех персонажей слова Сатина-Луки очень важны, каждый по-своему сосредоточен на них, в каждом они «запускают» собственную мысль. Возможно, эти слова о значимости и важности каждого человека, согретые любовью, напоминают этим отчаявшимся людям об их собственной значимости и уникальности, о жизни, прожитой не напрасно. Хорошо, если учащиеся в ответе коротко расскажут о судьбах персонажей, названных в ремарке.

Для ответа на **вопрос C2** ученики могут вспомнить практически любое произведение школьной программы, потому что в каждом так или иначе решается вопрос о смысле человеческой жизни. На первый план могут выйти для них «Герой нашего времени» (размышления Печорина о своём предназначении), «Обломов» (спор между Обломовым и Штольцем о смысле жизни), «Отцы и дети» (сцена разговора Аркадия и Базарова о жизни, «ничтожной перед вечностью»), «Война и мир» (поиски смысла жизни Андреем и Пьером).

Вариант 2

С а т и н. Когда я пьян... мне всё нравится. Н-да... Он – молится? Прекрасно! Человек может верить и не верить... это его дело! Человек – свободен... он за всё платит сам: за веру, за неверие, за любовь, за ум – человек за всё платит сам, и потому он – свободен!.. Человек – вот правда! Что такое человек?.. Это не ты, не я, не они... нет! – это ты, я, они, старик, Наполеон, Магомет... в одном! *(Очерчивает пальцем в воздухе фигуру человека.)* Понимаешь? Это – огромно! В этом – все начала и концы... Всё – в человеке, всё для человека! Существует только человек, всё же остальное – дело его рук и его мозга! Чело-век! Это – великолепно! Это звучит... гордо! Че-ло-век! Надо уважать человека! Не жалеть... не унижать его жалостью... уважать надо! Выпьем за человека, Барон! *(Встаёт.)* Хорошо это... чувствовать себя человеком!.. Я – арестант, убийца, шулер... ну, да! Когда я иду по улице, люди смотрят на меня как на жулика... и сторонятся и оглядываются... и часто говорят мне – «Мерзавец! Шарлатан! Работай!» Работать? Для чего? Чтобы быть сытым? *(Хохочет.)* Я всегда презирал людей, которые слишком заботятся о том, чтобы быть сытыми... Не в этом дело, Барон! Не в этом дело! Человек – выше! Человек – выше сытости!..

Б а р о н *(качая головой)*. Ты – рассуждаешь... Это – хорошо... это, должно быть, греет сердце... У меня – нет этого... я – не умею! *(Оглядывается и – тихо, осторожно.)* Я, брат, боюсь... иногда. Понимаешь? Трушу... Потому – что же дальше?

Сатин *(уходит)*. Пустяки! Кого бояться человеку?

Б а р о н. Знаешь... с той поры, как я помню себя... у меня в башке стоит какой-то туман. Никогда и ничего не понимал я. Мне... как-то неловко... мне кажется, что я всю жизнь только переодевался... а зачем? Не понимаю! Учился – носил мундир дворянского института... а чему учился? Не помню... Женился – одел фрак, потом – халат... а жену взял скверную и – зачем? Не понимаю... Прожил всё, что было, – носил какой-то серый пиджак и рыжие брюки... а как разорился? Не заметил... Служил в казённой палате... мундир, фуражка с кокардой... растратил

казённые деньги, – надели на меня арестантский халат... потом – одел вот это... И всё... как во сне... а? Это... смешно?

С а т и н. Не очень... скорее – глупо...

Б а р о н. Да... и я думаю, что глупо... А... ведь зачем-нибудь я родился... а?

С а т и н *(смеясь)*. Вероятно... Человек рождается для лучшего! *(Кивая головой.)* Так... хорошо!

Б а р о н. Эта... Настька!.. Убежала... куда? Пойду, посмотрю... где она? Все-таки... она... *(Уходит.)*

Пауза

_____. Татарин!

Пауза

Князь!

Татарин поворачивает голову

За меня... помолись...

Т а т а р и н. Чего?

_____ *(тише)*. Помолись... за меня!..

Т а т а р и н *(помолчав)*. Сам молись...

_____ *(быстро слезает с печи, подходит к столу, дрожащей рукой наливает водки, пьёт и – почти бежит – в сени)*. Ушёл!

С а т и н. Эй ты, сикамбр! Куда? *(Свистит.)*

М.Горький «На дне»

В1. К какому роду литературы принадлежит произведение, из которого взят отрывок?

В2. Как называют в пьесе героя, чьё «имя» три раза обозначено пропусками?

В3. Реплика Сатина о «человеке» большая по объёму. Как называется такое развёрнутое высказывание персонажа в литературном произведении?

В4. Как называется приём синтаксически сходного расположения элементов речи (его использует, например, Барон: *«Учился – носил мундир дворянского института... а чему учился? Не помню... Женился – одел фрак, потом – халат... а жену взял скверную и – зачем? Не понимаю... Прожил всё, что было, – носил какой-то серый пиджак и рыжие брюки... а как разорился? Не заметил...»*)?

В5. Установите соответствие между тремя персонажами, фигурирующими в отрывке, и их профессиями (занятиями). К каждой позиции первого столбца подберите соответствующую позицию из второго столбца. Ответ запишите в виде последовательности букв и цифр.

А Клещ	1 крючник
Б Сатин	2 картузник
В Татарин	3 бывший телеграфист
	4 слесарь

В6. Установите соответствие между тремя персонажами и репликами, которые адресованы этим персонажам. К каждой позиции первого столбца подберите соответствующую позицию из второго столбца. Ответ запишите в виде последовательности букв и цифр.

А Клещу	1 «В карете прошлого – никуда не уедешь».
Б Барону	2 «Андрюшка, злой ты человек! Жена твоя зачахла от твоего злодейства».
В Сатину	3 «Весёлый ты, Констянтин... приятный!»
	4 «Добрый ты, дедушка! Отчего ты – такой добрый?»

В7. В приведённом фрагменте есть авторские пояснения к тексту пьесы и высказываниям героев, стоящие в скобках или вынесенные в отдельные строки. Каким термином их обозначают?

С1. Можно ли этот фрагмент считать одним из ключевых в пьесе? Свой ответ аргументируйте.

С2. В каких ещё произведениях так или иначе звучит вопрос «А... ведь зачем-нибудь я родился... а?» и как эти произведения перекликаются с пьесой М.Горького «На дне»?

Ответы и комментарии

В1	драма; к драме
В2	Актёр
В3	монолог
В4	параллелизм; синтаксический параллелизм
В5	А4, Б3, В1
В6	А2, Б1, В3
В7	ремарка; ремарки

Вопрос С1. Приведённый фрагмент – один из ключевых в пьесе, в которой идёт спор о правде и человеке. Один из главных участников этого спора – Сатин, в приведённом монологе он как раз и формулирует свою точку зрения. Её можно и нужно сопоставить с позицией Луки (весь монолог Сатина – это заочный ответ Луке, которого он понял и принял по-своему). Интересно заметить, что именно после его монолога идёт вешаться Актёр. Почему? Почему слова Луки о человеке его согревают и поддерживают, а в мире, очерченном Сатиным, где «всё для человека», ему места нет? Этот проблемный вопрос, рождающийся при чтении этого отрывка, может вывести нас на истолкование всей пьесы.

Для ответа на **вопрос С2** ученики могут вспомнить практически любое произведение школьной программы, потому что в каждом так или иначе решается вопрос о смысле человеческой жизни. На первый план могут выйти для них «Герой нашего времени» (размышления Печорина о своём предназначении), «Обломов» (спор между Обломовым и Штольцем о смысле жизни), «Отцы и дети» (сцена разговора Аркадия и Базарова о жизни, «ничтожной перед вечностью»), «Война и мир» (поиски смысла жизни Андреем и Пьером).

Олимпиада по литературе в Вышке

Как мы уже писали в № 17 за прошлый год, в Высшей школе экономики открылся новый филфак. И, как и положено факультету Национального исследовательского университета, он проводит свою олимпиаду. Публикуем демоверсию заданий первого (тестового) тура. Её будет интересно порешать и тем, кто не планирует быть филологом. Это просто повод вспомнить классическую литературу. Задания олимпиады ВШЭ составлены так, что их можно использовать для обобщающего повторения в старших классах. Подробности на сайте http://olymp.hse.ru/mmo

ОЛИМПИАДА ПО ЛИТЕРАТУРЕ. ЗАОЧНЫЙ ТУР

Блок 1. Задания с выбором единственного ответа (10 заданий по 4 балла)

1. Какое из этих слов является фамилией литературного героя:
1) Черника
2) Голубика
3) Клубника
4) Земляника
5) Ежевика

2. В каком из следующих произведений нет темы гибели на железной дороге:
1) А.Блок «На железной дороге»
2) Л.Н. Толстой «Анна Каренина»
3) И.А. Бунин «Солнечный удар»
4) А.Солженицын «Матрёнин двор»

3. Отметьте «лишнего» героя:
1) Бэла
2) Ундина
3) Мери
4) Ольга
5) Вера

4. В каком из произведений нет героини по имени Софья (София, Соня):
1) «Герой нашего времени»
2) «Недоросль»
3) «Горе от ума»
4) «Война и мир»
5) «Преступление и наказание»

5. Какой термин «лишний» (относится не к тому же уровню произведения, что остальные):
1) пиррихий
2) эпитет
3) спондей
4) цезура
5) хорей

6. Кто из перечисленных поэтов был современником А.А. Блока:
1) А.Сумароков
2) И.Бродский
3) Ф.Тютчев
4) О.Мандельштам
5) А.Вознесенский

7. В одном из пяти перечисленных ниже произведений не встречается исторический персонаж, который встречается в четырёх остальных. Укажите это произведение:
1) «Ночь перед Рождеством»
2) «Горе от ума»
3) «Фелица»
4) «Медный Всадник»
5) «Капитанская дочка»

8. Один из этих жанров не относится к эпическим. Какой?
1) рассказ
2) элегия
3) очерк
4) повесть
5) эпопея

9. Найдите неверное утверждение:
1) Гёте и Кафка писали свои произведения по-немецки;
2) Данте и Сервантес писали свои произведения по-итальянски;

3) Шекспир и Байрон писали свои произведения по-английски;
4) Мольер и Стендаль писали свои произведения по-французски;
5) Борхес и Маркес писали свои произведения по-испански.

10. Какой из афоризмов принадлежит не тому же автору, что остальные четыре:
1) «Ах! злые языки страшнее пистолета!»
2) «Не дай мне бог сойти с ума»
3) «Минуй нас пуще всех печалей и барский гнев, и барская любовь»
4) «Счастливые часов не наблюдают»
5) «Сто человек прапорщиков хотят изменить весь государственный быт России!»

Блок 2. Задания с выбором нескольких ответов (6 заданий по 5 баллов)

1. Прочитайте фрагмент из стихотворения М.Ю. Лермонтова:

Зачем я не птица, не ворон степной,
Пролетевший сейчас надо мной?
Зачем не могу в небесах я парить
И одну лишь свободу любить?

На запад, на запад помчался бы я,
Где цветут моих предков поля,
Где в замке пустом, на туманных горах,
Их забвенный покоится прах.

Выберите все правильные утверждения:
1) В стихотворении есть строка, написанная четырёхстопным амфибрахием
2) В стихотворении есть строка, написанная трёхстопным дактилем
3) Перед нами верлибр
4) Перед нами дольник
5) В стихотворении есть строка, написанная трёхстопным анапестом.

2. Укажите всех героев одного автора:
1) Вернер
2) Шерер
3) Штольц
4) Берг
5) Тузенбах

3. Какие из приведённых утверждений правильны? Отметьте их.
1) А.С. Пушкин мог встретиться с И.С. Тургеневым
2) В.В. Маяковский мог прочитать «Мастера и Маргариту» М.А. Булгакова
3) Пётр Первый мог быть личным цензором А.С. Пушкина
4) Н.В. Гоголь мог читать произведения Ф.М. Достоевского
5) Ф.М. Достоевский мог высказать своё мнение по поводу рассказа А.П. Чехова «Палата № 6»

4. В каких из перечисленных мест не происходит действие романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»?
1) Пятигорск
2) Сочи
3) Кисловодск
4) Тамань
5) Петербург

5. Выберите из списка героев тех, у кого совпадают имена и отчества (по типу *Иван Иванович*):
1) Обломов
2) Дядя Фамусова
3) Паратов
4) Скалозуб
5) Лужин

6. В истории литературы есть немало произведений разных авторов, названных одинаково (как правило, эти совпадения названий не случайны). Отметьте такие произведения:
1) Кавказский пленник
2) Война и мир
3) Доктор Живаго
4) Пророк
5) Волки и овцы

Блок 3. Задания с вводом ответа (5 заданий по 6 баллов)

1. Запишите фамилию героя, характеристика которого в этом перечне встречается дважды:
1) «И из уборной выходил
Подобный ветреной Венере,
Когда, надев мужской наряд,
Богиня едет в маскарад».
2) «Он сердцем милый был невежда»
3) «Вы баловник, к лицу ль вам эти лица!»
4) «Враг дерзости, – всегда застенчиво,
несмело...
Ночь целую с кем можно так провесть!»
5) «Богат, хорош собою,
Везде был принят как жених».

2. Расположите героев по хронологии, опираясь на время написания произведений (ответ дайте в виде последовательности цифр):
1) Загорецкий
2) Несчастливцев
3) Зарецкий
4) Солёный
5) Вральман

3. Запишите термин (во множественном числе), которым можно было бы объединить приведённые ниже слова:

1) НКШП
2) Чехонте
3) Щедрин
4) Горький
5) Прутков

4. Перепутались названия пушкинских произведений. Восстановите их первоначальный вид и запишите через запятую по алфавиту (ориентируясь на первое слово):

Кавказский смотритель, Медный гость, Скупой пленник, Пиковая дочка, Станционный всадник, Каменный рыцарь, Капитанская дама.

5. Все строки стихотворения И.А. Бунина содержат одинаковое количество стоп – кроме двух, расположенных рядом в одной строфе. Найдите эти строки и укажите арабской цифрой, сколько в каждой из них стоп.

* * *

Старик сидел, покорно и уныло
Поднявши брови, в кресле у окна.
На столике, где чашка чаю стыла,
Сигара нагоревшая струила
Полоски голубого волокна.

Был зимний день, и на лицо худое,
Сквозь этот лёгкий и душистый дым,
Смотрело солнце вечно молодое,
Но уж его сиянье золотое
На запад шло по комнатам пустым.

Часы в углу своею чёткой мерой
Отмеривали время... На закат
Смотрел старик с беспомощною верой...
Рос на сигаре пепел серый,
Струился сладкий аромат.

ПРАВИЛЬНЫЕ ОТВЕТЫ

Блок 1
1. 4; 2. 3; 3. 4; 4. 1; 5. 2; 6. 4; 7. 4; 8. 2; 9. 2; 10. 2

Блок 2
1. 1, 5; 2. 2, 4; 3. 1, 4; 4. 2, 5; 5. 1, 3, 4, 5; 6. 1, 2, 4

Блок 3
1. Ленский;
2. 5, 1, 3, 2, 4;
3. псевдонимы;
4. Кавказский пленник, Каменный гость (или Гость), Капитанская дочка, Медный всадник (или Всадник), Пиковая дама (или Дама), Скупой рыцарь, Станционный смотритель.;
5. 4

ОЛИМПИАДА ПО ЛИТЕРАТУРЕ. ОЧНЫЙ ПИСЬМЕННЫЙ ТУР

Внимательно прочитайте формулировки двух заданий, приведённых ниже. Выберите и выполните то задание, которое, с вашей точки зрения позволит вам интереснее всего раскрыться.

ВНИМАНИЕ: оба задания делать не нужно!

1. Сопоставительный анализ

Задание: *Сопоставьте два стихотворения Ф.И. Тютчева и Н.А. Заболоцкого. Найдите как можно больше оснований для сопоставления, выявите сходства и различия. Обращайте внимание и на содержание, и на то, как оно выражено (на форму).*

Примечание: на экзамене для сопоставления могут быть предложены фрагменты произведений разных жанров, типов и стилей (проза, драматургия, публицистика, мемуары, документалистика и т.п.) с учётом программы соответствующего класса.

Ф.И.Тютчев

* * *

Mobile comme l'onde[1]

Ты волна моя морская,
Своенравная волна,
Как, покоясь иль играя,
Чудной жизни ты полна!

Ты на солнце ли смеёшься,
Отражая неба свод,
Иль мятёшься ты и бьёшься
В одичалой бездне вод, —

Сладок мне твой тихий шёпот,
Полный ласки и любви;
Внятен мне и буйный ропот,
Стоны вещие твои.

Будь же ты в стихии бурной
То угрюма, то светла,
Но в ночи твоей лазурной
Сбереги, что ты взяла.

Не кольцо, как дар заветный,
В зыбь твою я опустил,
И не камень самоцветный
Я в тебе похоронил.

Нет — в минуту роковую,
Тайной прелестью влеком,
Душу, душу я живую
Схоронил на дне твоём.

Апрель 1852

[1] Подвижная, как волна (*франц.*).

Н.Заболоцкий

Портрет

Любите живопись, поэты!
Лишь ей, единственной, дано
Души изменчивой приметы
Переносить на полотно.

Ты помнишь, как из тьмы былого,
Едва закутана в атлас,
С портрета Рокотова снова
Смотрела Струйская на нас?

Её глаза — как два тумана,
Полуулыбка, полуплач,
Её глаза — как два обмана,
Покрытых мглою неудач.

Соединенье двух загадок,
Полувосторг, полуиспуг,
Безумной нежности припадок,
Предвосхищенье смертных мук.

Когда потемки наступают
И приближается гроза,
Со дна души моей мерцают
Ее прекрасные глаза.

1953

2) Комментирование как интерпретация

Задание: *Представьте, что вам предстоит стать публикатором этого стихотворения в хрестоматии (или интернет-издании) для старшеклассников. Какие комментарии и почему вы бы к нему сделали? Подчеркните и пронумеруйте слова, словосочетания, строки, которые будут прокомментированы. Приведите примеры комментариев (5-7). Напишите небольшую вступительную заметку к своим комментариям, где объясните и стихотворение, и то, что вы коментировали.*

А.Кушнер

Волшебный корабль

Команду бы набрать из Байрона и Пруста,
В неё бы Ренуар вошёл и Клод Моне,
И Шелли на волне морской, приди он в чувство,
Был поднят бы на борт и подошёл вполне,
Они бы пригласить могли Хемингуэя
И Тёрнера с его любовью к парусам,
Что дышат у него, светясь и пламенея,
А вспыльчивый Рембо к ним попросился б сам.

И русская была б там секция, где к мачте
Прижавшись, Батюшков стоял бы, всем чужой,
Оплакивая тень: вы тоже, музы, плачьте!
И Пушкин был бы рад собратьям всей душой,
То Тютчеву кивнув, то руку Мандельштаму
Протягивая: тот губами б к ней припал
В смятенье и слезах, и ветер панораму
Морскую б за кормой слегка приподнимал.

Критерии оценки (обеих частей задания)

1. Понимание (раскрытие) темы. Самостоятельность в выборе темы или материала.
2. Аргументированность.
3. Логика, последовательность рассуждения.
4. Знание материала, контекста.
5. Грамотность.
6. Богатство и точность языка (свобода от «штампов» и «клише» в рассуждениях).
7. Единство стиля изложения, рассуждения.

За первые три критерия выставляются баллы от 0 до 20

За последние 4 – баллы от 0 до 10

Суммарно высшая оценка – 100 баллов

Рекомендуемая литература

1. **Энциклопедия для детей. Т. 9, 10. Русская литература**. Аванта+, 2001.
2. **Энциклопедия для детей. Т. 15, 16. Всемирная литература**. Аванта+, 2001.
3. **Литературный энциклопедический словарь**. М., Советская энциклопедия, 1987.
4. **Поэтический словарь А.П. Квятковского** (http://feb-web.ru/feb/kps/kps-abc/0.htm).
5. **С.П. Белокурова. Словарь литературоведческих терминов**. СПб., Паритет, 2012.
6. **Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты**. / Под ред. А.П. Сковородникова. М. Флинта : Наука, 2005.
7. Портал **Philology.ru**

Тридцать первого числа...

На разных этапах подготовки к Всероссийской олимпиаде происходят в нашей большой стране разные чудеса. Вот в Москве в одном из учебных округов для школьного тура «спустили сверху» стихотворение, которое повергло в глубокую задумчивость самих учителей. С каковой задумчивостью они и обратились к нам в «Литературу». А мы не замедлили выложить стихотворение в наш дружественный блог, где тут же возникла бурная дискуссия. Стихотворение и несколько ярких реплик из этой дискуссии – перед вами. Все прочее и дальнейшее – в блоге – http://lupus00.livejournal.com/ Приходите, будем рады. Нам есть что обсуждать.

Александр ЛЕВИН

Тридцать первого числа
в небе лампа расцвела,
тыща жёлтиков стояла,
а кругом трава росла.

Гроздья белые с каштанов грузно свешивались вверх.
Мы носили нашу сумку в продуктовый магазин,
мы меняли наши деньги на картошку и батон,
мы смотрели, что бывает тридцать первого числа.

Тридцать первого числа
лета красная пришла.
Пудель белая бежала,
мелким хвостиком трясла.

Серый ворон хрипло крякал шерстяною головой.
С червяком скакал довольный предпоследний воробей.
Кот мяукал Христа ради, разевая нервный рот,
с ним задумчиво ходила кошка, полная котят.

Тридцать первого числа
жизнь весёлая была,
даже музыка играла
тридцать первого числа.

В третьем-пятом магазине мы купили молока.
Нам играли трали-вали в полыселой голове.
Мы смотрели мульти-пульти в минусовые очки,
и тягучим чёрным мёдом солнце плавилось во рту.

Тридцать первого числа
наша очередь пришла,
чья-то ласточка летела,
Лета красная текла.

А за нею, ближе к ночи, нам отведать довелось
асфоделевого мёда на цветущем берегу,
где стоим мы, прижимая к нашей призрачной груди
две картонные коробки с порошковым молоком.

1994

• Я писала олимпиаду по литературе и, дойдя до последнего задания, была сбита с толку. Действительно, прежде не приходилось сталкиваться с подобными заданиями на олимпиадах, да и в программе постмодерн мы не затрагивали. У меня прошли какие-то ассоциации, но сформулировать кучу мыслей в одно сочинение было тем не менее довольно сложно.

• В виде совета тем, кто придумал: найдите одиннадцатиклассника. Живого, а не придуманного вами. И желательно любимого. Заставьте его выполнить ваше задание. Прочитайте то, что он написал.

В виде вопросов тем, кто... А что вы хотите получить от детей? Что они вам, выполняя это задание, должны продемонстрировать? И в чём вообще вы видите смысл и задачи изучения литературы в школе?

• А мне нравится стишок. Он откровенно не претендует на «вечность», как и любой «postmodern». Остался в своём 94-м году отпечатком таким. Только одиннадцатиклассники из тогда мало чего помнят, а чтобы всерьёз анализировать стихотворение как «культурный код», в «историческом контексте», это можно, конечно... Там в приложенных вопросах ничего не было об «исчерпанности эстетики и моральном отрицании прямого высказывания»? Детям тут можно только расслабиться и попробовать быть глупыми. Ничего не выдумывать.

• Часть первая. Мысли

Лично я могу накатать про эти стихи текст, который, наверно, удовлетворит автора задания. Найти в нём реминисценции (от Барто до Мандельштама). Посвятить абзац-другой рассуждению об авангарде (пора, кстати, их уже и записать) и тому, как поэтика этого направления преломилась в данном шедевре. Объяснить, про что стишки. Потом привести три любимые цитаты из Фета (для подтверждения своей глубокой эрудированности): «Не всё в мире делится на разум без остатка»; «художественное произведение, в котором есть смысл, для меня не существует»; «поэт есть сумасшедший, никуда не годный человек, лепечущий божественный вздор». И в заключение работы в пух и прах разнести предложенные стихи, потому что а) этот вздор не является божественным, б) он делится на разум без остатка. Это ловкая (и даже, наверно, искренняя) имитация поэзии.

Часть вторая. «Имоцыи»

Не думаю, что составитель задания сможет написать такую же качественную работу. Где ж ему тягаться, пардон, с самим Балдою? Он сделает пять речевых ошибок. Ну, то есть очень хочется взглянуть на то, как они себе представляют эту работу (и разнести в клочья). А бедный школьник, если ему не подсунули заранее заготовленный текст ответа (это на олимпиадах практикуется, мне как-то попала в руки улика), вообще ничего вразумительного не напишет. И очень обидится, не понимая, зачем он столько лет любил Пушкина с Блоком, а теперь должен вот про это что-то сочинять.

Часть третья. Конструктивная

Правильнее всего было бы выдать того, кто это задание прислал, разъярённым учителям для линчевания. Но ради гуманизма его следовало бы посадить читать то, что напишут школьники, – всё подряд. И, опять же, если будут встречаться подозрительно гладкие варианты и к тому же подозрительно похожие на то, что хотел получить заказчик, собрать этих деток на нейтральной территории, дать им другой текст (можно такого же качества) и под присмотром независимого эксперта попросить ещё что-то написать.

Часть четвёртая. Серьёзная

Яду мне, яду! Как же надоело, что литературой считают эти бездушные игры в приемчики и цитатки. И презирают всё живое, что могли бы сказать дети...

• А я это стихотворение давно знаю и вполне люблю. Оно у меня с ранним Заболоцким «рифмуется». Хотя для олимпиады, может быть, и перебор.

• Понимаю разъярённых учителей (Как это выдавать целому классу, чтобы урок не был сорван? Как объяснить детям, что это не полный бред и что про это можно писать? Как угадать, чего хотят проверяющие?), но мне кажется, это как раз симпатичное стихотворение для анализа, если мы подсовываем его самым одарённым и филологически подготовленным одиннадцатиклассникам, которые знают, что поэзия бывает разная, что бывает авангард и постмодернизм, и что даже такой странный и непохожий на хрестоматийные стихи текст можно анализировать, короче говоря, которые готовы не отмахиваться от текста, если он не похож на то, что есть в школьной программе.

Можно анализировать язык (имитация речевых ошибок, имитация просторечия / baby talk – как сделано и зачем), можно определять, на что похоже и почему (выявлять отдельные аллюзии – скажем, глаз зацепляется за «асфоделевый» – и можно протянуть и другие ниточки к Мандельштаму (я бы поискала «следы» разного Серебряного века и фольклора – ведь здесь обыгрываются формулы невозможного, например)), а можно говорить, что ли, об общем впечатлении и сравнивать с другой русской поэзией абсурда – скажем, с Заболоцким – ну, ведь похоже на многое из «Столбцов», не-с-па? – и Хармсом, а потом проследить на основе этих деталей принцип деконструкции.

Можно разговаривать про то, как в постмодернистском тексте старательно используются стиховые параметры и как это связывает стихотворение Левина как раз с модерном (размер, диссонансные рифмы типа «головой:воробей», «рот:котят»).

А главное – попытаться понять, о чём же эти стихи.

• Всё это прекрасно – для разговора, для урока. Не для молчаливого рассматривания ребёнком. Это прислано на школьный этап, самый первый, для

▲ *Ф.Ботеро. Интерьер*

всех. Если бы в аудитории были только одарённые и филологические дети и мы бы с ними разговаривали – это совсем другой колер. А тут количество покрутивших пальцем у виска будет очень большим – и каждого ушедшего после этой олимпиады ты не догонишь и с его недоумением не разберёшься. К тому же, школьный этап должен отсеять тех, кто пойдёт дальше. Вот такое сито – показательно?

• С одной стороны, совершенно не показательно, так как это из пушки по воробьям. Если предполагается ступенчатый отбор детей, то надо на каждом этапе давать такое задание, с которым справится, скажем, 20% детей – но не 0,5%. С другой стороны – сразу будет видно, кто находится на уровне всероса, кто – нет. Основная проблема в том, что у подавляющего большинства школьников (если это должны писать все) сложится такое мнение об олимпиадах, что мама не горюй, – и поди потом переубеди.

• К нам в библиотеку пришла школьница с этим заданием и спросила, что мы можем сказать на этот счёт. Я честно задумалась. В этот момент в библиотеке пили чай по поводу дня рождения коллеги и была подруга именинницы, которая вообще зашла только её поздравить. Видимо, лицо моё сделалось задумчивым слишком, и текст пошёл по рукам. Оказалось, что эта самая подруга – музыкант и в своё время пела эту самую песню вместе с её автором. На вопрос о чем это, она сказала, что спрашивала автора, но ответ не помнит... Зато она нам ее спела под гитару. Вот такие чудеса бывают в этом тесном мире. А школьнице я смогла сказать только, что мне кажется, что они в конце все умерли. И что это очень похоже на стихи/песни Озерского.

Мне песня понравилась, а вопросы не очень. Что тут скажешь про время и пространство? Кроме того, что оно как-то вывернуто?

Впрочем, есть соблазн позвонить автору и спросить, что он собственно имел в виду. А ещё больший соблазн дать автору ответы составителей и послушать, что он скажет. Забавный получился бы эксперимент.

• А вот какие были вопросы от составителей:

1. Что вы можете сказать о времени и пространстве стихотворения?

2. Какие художественные средства вы можете отметить?

3. Что вы можете сказать об идее стихотворения?

Были присланы и ответы. У меня самой бумажки нет, в пересказе только: надо было написать, что это стихи о смерти и найти три символа ея: Лету, ласточку и асфодели, кажется.

Всё это, действительно, можно сопоставлять с обериутами и прочим, но, ей-богу, по вопросам и ответам составителей мне понятно, что в их запросе и замысле нет глубины. А по стихотворению можно подозревнуть, что это тоже так себе. Тут контекст нужен. Вот если бы дать разлюбое дурацкое стихотворение Заболоцкого, само имя, контекст его творчества тебя настраивают на доверие к значимости и к небессмысленности поиска смысла. В случае с Левиным доверия нет, потому что ты не знаешь, что за рамками – и не понимаешь системы координат.

Мне рассказывали, что как-то в музее какого-то современного искусства где-то за рубежом, где было полно разных арт-объектов, кто-то поставил свой рюкзак у белой стенки и какие-то кофты бросил и пошёл бродить. Вернувшись, он обнаружил, что его рюкзак с кофтами воспринимался всё это время как один из арт-объектов, его тоже задумчиво рассматривали и по характеру наброса кофт пытались понять смыслы. Потому что было задан контекст. А если бы сказать: ребята, это просто так тут стоит, – всё бы разрушилось.

Или вот взять картину, нарисованную слонихой (им дают же кисти в хобот, макай в краску и пуляйся в холст), и сказать, что это ну не знаю кто – Поллок или ещё кто, Дали какой-нибудь. И тоже ведь сразу от доверия, что это не просто так, начнёшь искать и – что интересно – находить смыслы.

Боюсь, что о такой проблеме составители задания не думали просто-напросто.

• А мы с коллегами сегодня в этот контекст нырнули, почитали в Интернете Александра Левина. Честно говоря, не понравился. Весело местами, забавно, но не более. Словесная игра – это хорошо, но здесь всё же не тот случай. У нас олимпиада была – в основном, угадайка. Здесь иная крайность, увы. Многих детей потеряли!

• А что, симпатичное стихотворение! Не для школьной олимпиады, конечно, а вообще. Естественно, первые ассоциации с литературой абсурда, с Заболоцким и Хармсом. Но и без ассоциаций для меня это не только и не столько о смерти, сколько о жизни, её движении: от утра («в небе лампа расцвела») к ночи («а за нею ближе к ночи»), от весны («тыща жёлтиков стояла, а кругом трава росла», «гроздья белые каштанов») – весны жизни – к лету («лета красная пришла») и к Лете, то есть к смерти. И эти «жизнь» (живая и «весёлая») и «смерть» постоянно как бы переплетаются и сталкиваются на уровне образов и ассоциаций: ворон, символ смерти – и кошка, полная котят, зарождающейся жизни; мёд солнца – и асфоделиевый мёд и т.д. И даже «внутри» одного образа: ворон, но не чёрный, а серый, и не каркает, а крякает, с шерстяною головой – игрушка, детство. Ассоциации как бы раздваиваются – и к жизни (детство), и к смерти (ворон).

Нет, всё не так плохо, чем дальше, тем интересней, «всё чудесатей и чудесатей». Но дяденек (или тётенек?), предложивших такое «рядовому» школьнику, я «поубывала бы»!

Феликс Абрамович НОДЕЛЬ,
кандидат педагогических наук,
Москва

«Зачем же мнения чужие только святы?»

В очередной раз вспоминаю свой учительский дебют. 1954–1955 учебный год, село Городок Минусинского района Красноярского края. Девочка-восьмиклассница шпарит наизусть заданную на дом страницу учебника. А на редкость безграмотный сын чабана выдаёт оригинальную трактовку щедринского «Премудрого Пискаря»: Щука и Рак потому сторожат мальца, что его папаша в своё время побывал в неводе. Эмоции того времени – негодование по поводу прилежной «зубрилки» и радость открытия мыслителя (да ещё из такой семьи!). «Теперь года прошли. Я в возрасте ином и чувствую, и мыслю по-иному». Однако отношения к собственному мнению учеников не поменял...

«… надлежит быть и разномыслиям…»
(1 Кор. 11:19)

«Наша учительница много знала, но считала правильными только те мысли и суждения, которые исходили от неё самой… она совершенно не умела выслушивать учеников… могла поставить “два” за то, что мы доказывали свои мысли… Мы должны были угадывать её мнение… услышав мнение, не соответствующее её собственному, с недовольным лицом спрашивала других учеников. Если же “верного” ответа не было, она давала его сама и заставляла учить его наизусть». Я суммировал дословные характеристики словесниц трёх разных московских школ, данные их учениками. Мне всегда хотелось вести уроки по-иному.

Ф.Меркье. Школа для мальчиков. 1738

За долгие годы преподавания и в ШРМ, и в обычной школе, и в колледже у меня сложился набор нехитрых приёмов, которые помогают ученику не бояться говорить, проявлять себя.

Представим себе: только что прочитано в аудитории что-то серьёзное: незнакомый текст художественного произведения или малоизвестная критическая статья. И что? А – ничего: всеобщее молчание. Оно затягивается и длится до тех пор, пока не «выскочит» кто-то посмелее. С ним, разумеется, не все согласны. Берут слово (и по нескольку раз) второй, третий… десятый. «Значит, я тоже могу», – думает каждый. Развязываются языки у ребят с заниженным уровнем притязаний: не при всех, так с глазу на глаз (со мной, с другом или подругой), не устно, так письменно, не сегодня, так завтра выскажется хоть однажды тот, кому есть что сказать. И всё чаще моё изумлённое внимание привлекает уже не столько тот, кто разговорился и заблистал с самого начала, а тот, кто сначала молчал, а потом приятно (или пусть даже неприятно) удивил меня.

Методические приёмы нередко изобретаются на ходу. Так, наряду с традиционным поощрением рецензий на фильм или спектакль, я предлагаю желающим написать (дома): «Как я представляю себе “Гамлета” на сцене?». В «сильной» группе отваживаются пофантазировать (ни одного сценического воплощения произведения никто из них ещё не видел) не только уже проявившие себя, но и впервые пробующий перо. Он откровенен: «Мой Гамлет поверил бы увиденному и услышанному от Призрака и сразу же приступил бы к мести».

Привыкшие размышлять вслух и про себя отваживаются на большее. Кое-кто «гребёт против течения», осуждая главного героя: «Слабый, трусливый человек. Смерть отца заставила его задуматься о том, что, может, короля убили и что эта участь

грозит и ему. И из страха он никому не доверяет, даже Офелии. А встреча с Призраком его ещё больше пугает».

Другие приближают пьесу к своим проблемам: «Гамлет любил Офелию, хотя и догадывался, что она не умна… Принц, находясь с Офелией, мог расслабиться, зная, что она не будет с ним спорить… будет ему идеальной женой, покорной и благонравной».

Третьи заключают: «Вообще, он не мог вырасти другим по характеру: на него огромное влияние оказала средневековая агрессивная атмосфера, постоянная борьба за власть. Даже дух убитого отца толкает Гамлета на мщение, на такой тяжкий грех, как убийство. Мне кажется, что конец Гамлета не мог быть иным: человек, повинный в смерти стольких людей, должен был умереть. Он был слишком ослеплён ненавистью…»

Те, кто побойчее, подчас чувствуют себя соавторами учительских поисков. Кто-то советует ввести в программу мною не читанное (например, «Последнее лето Клингзора» Г.Гессе), другие расширяют мой кругозор тем, что «зацепило» их самих (будь то письма К.Малевича или романы Б.Акунина). А однажды они предлагают мне сравнительно новый вид письменной работы: сочинение-полилог. Я разрешаю им, узнав тему («Что в четырёх томах “Войны и мира” “не сходится с ответом” эпилога?»), задержаться в рекреации и доспорить. И вот листок идёт по кругу, и я читаю:

«Четыре тома Толстой вёл нас к определённым выводам, но эпилог сломал все наши предположения. Я утверждаю, что в эпилоге, относительно всего романа, логики мало. Практически все основные герои изменились кардинально и необоснованно. Так, например, Наташа. На протяжении всего произведения мы видим её ветреной, влюбчивой и симпатичной. Что в эпилоге? Наташа, помешанная на детях и муже, ревнивая и ограниченная, забросившая свою внешность, забывшая о существовании общества (от которого зависима и которое любила, подтверждение – балы). Это ли Наташа? Нет, это не Наташа!!» – возмущён юноша-поэт.

«Это Наташа! – возражают ему. – Только она выросла, повзрослела, остепенилась. Она перешла на другой этап своей жизни. Девушка не может всю жизнь ездить по балам, когда-нибудь она должна стать женщиной, матерью, хранительницей домашнего очага. И это произошло с Наташей в эпилоге. Теперь для неё приоритетны дом, дети, любящий и любимый муж».

«Прости меня, – вступает в дискуссию закадычная подруга предыдущей, – но разве девушка, выйдя замуж, должна похоронить себя? Забыть всё, чем она жила и что любила раньше? Тогда печальное будущее нас с тобой ждёт!.. уж слишком однообразной и неинтересной получается жизнь, и слишком уж это не похоже на прежний Наташин характер».

«Это та же Наташа, – считает друг и сосед сурового обличителя. – В молодости ей были важны развлечения, общение с разными людьми. Затем девушки взрослеют, и им становится важней стабильность, покой и надёжность. И, видимо, Наташе и другая жизнь нравится, иначе она бы могла просто сбежать от Пьера».

«Сбежать – это больше в стиле Наташи, чем растолстеть и запустить себя», – ворчливо настаивает на своём первый.

«Но она стала счастлива и сделала счастливым мужа. И какая разница для нас, как она выглядела, если это устраивает их?! Он стал для неё опорой, символом, обозначающим их спокойную, тихую, но счастливую жизнь».

«Вы все уверены, что Наташа любит Пьера, – полемизирует ещё одна “инакомыслящая”. – Почему? Разве вам не кажется странным, что девушка, без памяти влюблённая в погибшего мужчину, после глубокого траура за день полюбила человека, которого никогда не рассматривала как жениха, и готова провести с ним всю оставшуюся жизнь? Я считаю, она полюбила не Пьера. Она полюбила мужа. То есть она любила сам факт того, что Пьер её супруг. Ей нужна была семья, хотелось детей. Раз никого рядом не было, она вылила всю материнскую и супружескую нежность на Пьера».

С ней отчасти согласна не участвующая в «полилоге» «молчунья», однажды уже поразившая меня сравнением романа «Преступление и наказание» с «грязной осенней лужей». В своеобразном внутреннем монологе она по-своему тасует колоду толстовских героев: «Мне на протяжении всего романа настолько не нравился этот толстый неуклюжий Пьер Безухов и я так восхищалась всегда весёлой и жиз-

▲ *П.Брейгель. Наказание в школе*

нерадостной Наташей Ростовой, что никогда бы не соединила эти две несовместимые натуры в одну семью. Гораздо лучше рядом с ней смотрелся бы Андрей Болконский. Думаю, концовка была бы эффектней, если бы образовалось две семьи: Ростовых и Болконских, а Пьер остался бы просто общим другом, либо даже образовал новую, третью семью с Соней, чтобы всем хорошо было. Они подошли бы друг другу».

Дерзко? Нахально? Не думаю. Во всяком случае, Наташу эпилога многие не принимали и раньше (особенно – взрослые в ШРМ).

Разномыслие, а тем более инакомыслие труднее решиться проявить по отношению к признанным шедеврам Шекспира и Толстого. Иное дело – Булгаков с его «Мастером и Маргаритой». Недавно по телевидению выступали три авторитетных лектора, каждый – со своей концепцией этого романа. Их прилежно слушали. Но лично мне не хватало «обратной связи»: собравшиеся в аудитории не имели возможности сказать, с чем они согласны, а с чем нет. Я же почти два десятилетия предлагал своим ученикам на суд мнения как сторонников, так и противников произведения, и на протяжении всего этого времени желающие писали добровольные домашние сочинения, в частности отвечая на вопрос: «Не оскорбляет ли роман чувства верующих?» Приведу две противоположные точки зрения из работ истекшего года.

«Роман, на самом деле, учит вере, а частичка Библии в романе присутствует. Я думаю, писатель не хотел переписывать Священное Писание и решил изобразить всё по-своему, тем самым показывая, что неважно, какой религии придерживается человек, главное, что он верит, верит, верит…»

«Конечно, для верующего человека здесь явно видна пропаганда сатанизма. Роман вызывает в людях чувство интереса к мистицизму и оккультизму. Заигрывание Булгакова с этими вещами не вызывает у читателя никаких добрых чувств».

Примечательней однако перекличка двух сочинений через полтора десятилетия. Первое – явно «за». А второе – не то чтобы «против»:

«После прочтения этого романа я стал по-другому воспринимать Бога. Я понял, что для меня это “Евангелие” намного ближе, нежели написанное святыми апостолами. Иешуа мне понятней библейского Бога, он человечней, он живой, он существует, он осязаем, а Бог – это нечто слишком недосягаемое, нечто возвышенное, слишком отдалённое, но в то же время и близкое».

Второе начинается вроде бы с неприятия: «На мой взгляд, роман высмеивает религию, дьявол предстаёт перед нами в образе справедливого и загадочного Человека. Бог вообще не участвует во всей этой истории. Такое ощущение, что миром правит дьявол со своими подчинёнными. Поэтому напрашивается вывод, что роман оскорбляет чувства верующих». А дальше – самое главное: «Но если посмотреть на это с другой стороны, то после прочтения, как ни странно это звучит, мне захотелось прочитать Библию!!! И я даже купил и начал её читать!!! Не думаю, что я один такой. Роман наводит на разные удивительные мысли, подталкивает людей задуматься над извечными вопросами, а возможно, и погрузиться в религию. Можно и оскорбиться, а можно и пересмотреть свои взгляды на религию и на жизнь».

Авторы и того, и другого сочинения – не из записных ораторов. Склонность к самоанализу они обнаружили впервые и явно под влиянием до сих пор вызывающего ожесточённые споры романа.

Тот же роман, экранизированный несколько лет назад В.Бортко, заставил взяться за перо даже тех, кто до этого верил, что его «мнение никого не интересует». Вот положительное суждение одного из «молчунов» о Галибине в роли Мастера: «Я представлял его именно таким: тихий интеллигент, у которого есть огромный потенциал, но он держит всё это внутри себя».

По-своему убедительны и критические суждения, например: «В нём (Воланде Басилашвили. – *Ф.Н.*) было всё не так: внешность, поведение, манеры, мимика. Я увидела замотанного жизнью старика» или: «Да это обычный пенсионер, каких на улице мы встречаем каждый день».

А вот аргументация человека, привыкшего анализировать и сравнивать произведения литературы и искусства: «Бортко опустил момент, когда Маргарита после разорения квартиры ненавистного ей критика Латунского залетает в окно к мальчику и успокаивает его, чтобы тот не боялся и уснул. Без этого Маргарита теряет человеческую черту, которую показал Булгаков в своём романе, и становится настоящей ведьмой».

Вот и разберись тут, в ком больше просматривается интеллектуальный потенциал, так необходимый стране: в тех, кому повезло на учителя, развившего их природные способности, или в тех, кому по каким-то не зависящим от них причинам пока проявиться не удалось?

Дж. Стин. Школа для мальчиков и девочек

«Легко мензурку танцевал», или Хохмы ЕГЭ

Коллеги, которые проверяют ЕГЭ по литературе и русскому языку, регулярно жалуются на безграмотность пишущих. Впрочем, не только жалуются – часто ещё смеются, потому что ЕГЭ приносит богатый улов всяческих хохм. Вот что попало в наши сети в прошлом году. Все примеры – реальные. Имена ловцов подёрнем завесой тайны.

Литература

Наташа Ростова вместе с родителями пережила банкротство.

Базаров режет палец в тифозном помещении.

Раскольников весь роман выясняет: тварь ли он дрожащая или вошь подзаборная.

Городничий понял, что Хлестаков их обманул, понял, какие они были глупые, что не проверили его документов.

Все грехи России, заключённые в этой комедии, всплыли наружу.

Обломов долго ругался со своим квартирантом и другом Захаром.

Наташа Ростова сидит на окне ночью и думает: «Отчего люди не летают так, как птицы?»

Наташа Ростова появляется в романе, неся с собой шум, гам, грохот.

За счёт своего вроде бы законного, но жульничества всё-таки, он *[Чичиков]* попадает сразу в дамки. На мой взгляд, в этом присутствует определённая подлость.

Проезжая к дому очередной жертвы его обмана, он сталкивается каретами с шестнадцатилетней блондинкой.

Печорин как собирательный образ к дружбе не способен.

«Ревизор» Гоголя – комедия положений, так как в ней герои-чиновники не соответствуют своему положению.

Гоголь иронизирует над руководителями города N.

Старик, обрадовавшийся, продвигает Чичикова по службе, Чичиков же платит ему дыркой от бублика.

Драма неразделённой любви отражена в стихотворении Ахматовой «Сжала руку под тёмной вуалью».

Базаров говорит: «Природа – мастерская, где человек в ней ремесленник», «Химия намного полезней, чем 10 художников».

Пейзаж в конце жизни сподвигает Базарова на написание стихов.

У Раскольникова уроков меньше, меньше, меньше… А старуха жадна – мало даёт.

Катерина льстит Кабанихе, а Варвара вообще про себя возникает.

«Расхлёбанные колеи» (Блок).

Автор доказывает герою его неправоту *[Тургенев – Базарову]* в отношении отрицания чувств появлением княгини Лиговской.

Тургенев подчёркивает необходимость плодотворного и двустороннего диалога с природой.

Пороки облицованы в помещиках.

Ведь что нужно человеку для счастья, кроме естественных потребностей в еде и т.д.? Это инстинкт размножения, т.е. секс. По моему мнению, потребности в сексе у Кабановой нет, т.к. она стара. А что ей ещё тогда остаётся, как не влиять на окружающих?

У Кабановой наблюдается «истерический невроз», согласно психиатрической терминологии.

Обломов – это ленивое отродье буржуазных родителей.

Вспомним детство Обломова по Фрейду…

В философии существует понятие «совокупного эротического выбора». С этим во многом связано развитие русской литературы.

Автор даёт ответ на поставленный собой вопрос.

А ещё в голову забираются мысли про великого писателя Толстого и произведение «Война и мир».

В ситуации, когда Андрей Болконский под пулями и взрывами снарядов пробирался к своим, не выпуская из рук знамя, тем самым удерживал честь России, как бы говоря: «Нет! Мы не сдадимся!»

Рано или поздно ты сгинешь в чаше бытия.

В романе Илья Ильич видит большой сон.

Она *[Наташа Ростова]* мучается, потому что Андрей уехал и не осязаем физически. Для неё любить – это целовать, обнимать, спать, поэтому у неё завязывается роман с Анатолием – ведь он физически рядом, может приласкать.

Маяковский бросает вызов властям, которые ограничивают передвижение по стране, в частности, ограничивают свободу северных народов.

Маяковский высмеивает людей, разделённых на две части *[о стихотворении «Прозаседавшиеся»]*.

Во-первых, он *[вишнёвый сад]* занесён в книгу редких посадок…

Крупская с Гаевым возвращаются в имение.

Крестьяне положили свои кости вдоль рельсов *[«Железная дорога» Н.А. Некрасова]*.

В эпизоде на балу Наташа Ростова, пришедшая на бал первый раз, вела себя несоответственно полагающемуся поведению: она прыгала вокруг гостей, тан-

цевала, хохотала и громко говорила, но никто из присутствующих не сделал ей ни единого замечания, т.к. все понимали её ощущения и безумно её любили.

Всё своё состояние он *[Гаев]* прососал на леденцы.

Лопахин хочет срубить сад, разбить на участки и сдавать их в аренду туристам.

Обломов целыми днями лежал на диване нога на ногу, только и спал.

Обломов – помещик, которому был чужд термин «труд».

Чичиков пустил в ход две бомбы замедленного действия: Ноздрёва и Коробочку.

На одном мероприятии Обломов встречает Ольгу.

Блок писал о природе нашей родины России, о том, что видел в своей жизни, он любит Россию в том, в чём видит: шикарная, обогащённая природа, красота, родина, дом, любимая жена, к которой ходил через весь дом, чтобы попасть только в её комнату. Но он не любит войны, разруху, политические стачки.

Хоть Обломов изначально и предстаёт перед нами в романе в лежачем состоянии средь бела дня, мы уже с первых глав можем увидеть в нём много положительных качеств.

Обломов достаточно прилично образован, умеет хранить информацию в голове. Это видно из общения его с другом Штольцем, а особенно с Ольгой Ильинской.

Обломов весьма проницателен: почти всегда, хоть порой и поздновато, он улавливает чувства Ольги.

Он был Илюшенькой, жил беззаботной жизнью, а не взрослым Обломовым. Он уже не так радуется обычным вещам, нежели в детстве.

Вспоминается, когда Андрей Болконский лежит под небом Аустерлица, вокруг <… > русская природа. Он лежит наедине с собой, многое обдумывает, наполняется духовно, переосмысливает все ценности. Только в такой умиротворяющей обстановке без суеты, вне времени, Болконский очищается.

Роман «Война и мир» описывает события Великой Отечественной войны 1812 года.

Базаров считал: «Всё что есть – перекалечим, переправу обеспечим» (В.Маяковский).

Какие низкие, тщедушные люди занимают чиновничьи должности.

Гоголь вскрывает важнейшие русские проблемы – коррупцию и угнетение народа.

В пьесе Гоголя затронута тема невежества, безответственности, пресмыкания перед главными, лени.

Достоевский связывает сон Раскольникова и его раскаяние, потому что Раскольников отказывается от своей теории, так как он больной психически и больной язвой… От своей болезни он и умер на каторге.

У Матрёны был мягкий характер, поэтому она не могла отказать кому-то в просьбе и не умела беречь свою честь.

Легко мензурку танцевал.

У этой дружбы (Базарова и Кирсанова и Онегина и Ленского) совершенно разные производители.

после смерти жены в нем что-то ёкнуло.

Русский язык

Текст писателя прокрадывается в душу.

У каждого человека существуют какие-то убеждения; они могут касаться чего угодно, например, завязывания шнурков на ботинках.

Можно сказать, что везде, где собираются больше трёх человек, возникает общественное мнение.

Подвиги – это атрибуты хорошего человека.

На человеческие отношения влияют все факторы, какие только есть.

Новящевая идея.

Я стараюсь бережно обходиться с окружающей природой. Наверное, я пошла в дядю, он очень бережно относится к окружающей среде. Однажды я и мой дядя пошли в гости к его другу – он тогда продавал ёлки. Я спросила, где он их берёт. Оказалось, он лично срубает их в лесу. Дяде это не понравилось – ведь он ярый защитник окружающей среды. Мой дядя отговаривал друга продавать ёлки, а тем более их срубать. Я им горжусь, может, он сделал небольшое дело, но и не пустил зло на самотёк, тем самым ещё в одном лесу ёлки росли спокойно.

Есть ярые бойцы с природой. Можно назвать их ораторами.

Раньше вода в роднике была чистая, родниковая и из неё часто пили.

У греков героями считались те, кто обладал силой и благородством, а в наше время такого не часто увидишь, даже старушек перевести через дорогу тоже мало кто отважится.

Великоотечественная война.

Б.Полевой в «Повести о настоящем человеке» рассказал о лётчике, упавшем вдали от людей и получившем серьёзные травмы. Он вынужден был самостоятельно выбираться к своим, к советской армии, а как вернулся – вылечился, лишившись обеих ног, и снова стал летать.

Озаряя данную проблему, автор…

Явно выявляются причины для возникновения выше поставленных проблем.

Будучи детьми, нас не волнуют глобальные проблемы, мы верим в чудо!

Мы вспоминаем беззаботное детство и ностальгируем.

И в контексте, и между строк передается нам его *[автора]* грусть.

[Автор] рассматривает проблему взросления человека, расставания его с детством. И какие при этом чувства испытывает человек.

Автор очень сильно жалеет, что ушёл из детства, и очень сильно впадает в воспоминания, и думая, что впереди всё хуже, чем сзади в детстве.

Нельзя зацикливаться на детстве, это придаёт серости в душе и тормозит будущее.

Как говорится, тело определяет сознание.

Эти люди сильны и на тело, и на дух.

Каждый немного слышал о Павлике Морозове, который в военное время сдал свою семью ради государственных целей.

Н.М. Свирина. СВОБОДНОЕ ЧТЕНИЕ С ДЕТЬМИ. – СПБ.: Омега, 2012

Книга «Свободное чтение с детьми» является учебно-методическим пособием для взрослых – педагогов и родителей, которые хотят познакомить школьников с интересной литературой. В этой книге есть как теоретические положения, так и практика их применения, и вторая преобладает: только рассказывая и читая книги, обсуждая их с детьми, мы можем постепенно заинтересовать их литературой.

Книга разделена на две части. Часть первая адресована в большей степени педагогам, учителям, но и родители прочтут её с пользой для себя, увидят, как грамотно можно построить рассказ о книге, герое, событии. В этой части читатель найдёт конкретные методические рекомендации, разработки бесед. Представлены они в форме очерков. Очерки разделены на темы, у каждой темы своё название. Но все темы и очерки связывает один методический принцип, алгоритм построения беседы о книгах.

Вторая часть адресована родителям детей школьного и старшего дошкольного возрастов. Эта часть снабжена начальным списком литературы, которую надо читать с детьми дома. Очерки второй части демонстрируют родителям возможности общения со своими детьми с помощью хорошей книги.

Основная идея предлагаемых очерков о книгах – помочь учителям и родителям в ходе бесед, рассказов, игр предъявить литературу не в привычном детям школьного возраста (3–7-е классы) виде последовательного изучения и комментирования произведения, а повернуть её новой стороной, включить в одну тему несколько сюжетов, дать возможность школьнику найти что-то своё, близкое в одном из них и тем самым вовлечь детей в чтение.

Для удобства работы с книгой в ней даны полноценные большие цитаты из художественных произведений, что позволит родителям вспомнить то, что они читали в детстве, а педагогам сориентироваться во времени, нужном для проведения литературных бесед.

Книга Н.М. Свириной вышла в серии «Скорая педагогическая помощь». Несколько лет назад в одной из петербургских (обычных) школ состоялись встречи автора книги со школьниками и их родителями под названием «Читательские посиделки». Идея совместного чтения-обучения была встречена как долгожданная и востребованная. Результат превзошёл ожидания: традицией стало чтение одной книги всеми учениками с 1-го по 11-й классы с привлечением родительской аудитории. Школа буквально на глазах становится читающей – в этом главная цель скорой педагогической помощи, которую оказывает книга Н.М. Свириной.

Читателям «Литературы» часть материалов книги хорошо знакома: ведь уже не первый год Наталья Михайловна ведёт в нашем журнале рубрику «Беседы о литературе», а также руководит заочным курсом повышения квалификации в Педагогическом университете «Первое сентября». Так что редакция «Литературы» поздравляет своего автора и коллегу с выходом книги особенно сердечно.

Павел Басинский. СТРАСТИ ПО МАКСИМУ. ГОРЬКИЙ: девять дней после смерти. М.: АСТ: Астрель, 2011

Есть печальные парадоксы. В советское время творчество Максима Горького упорно насаждалось школьным образованием, и в итоге у большинства соотечественников вместо инстинкта к самостоятельному чтению многочисленных произведений действительно великого писателя сложилось представление о некоем литературном функционере, певце политической орнитологии (сокол, буревестник, а также чиж, дятел и т.п.), друге Сталина, возвысившего его над Гёте. И в постсоветское время Горький у нас тоже не писатель. «Горький без грима» (название одной из книг уже нынешних дней) оказывается героем многочисленных историй, связанных с тайнами и реальностями большевизма и только в последнюю очередь, например, автором гениальной и тоже, между прочим, таинственной эпопеи «Жизнь Клима Самгина».

Павел Басинский, обращу внимание читателей, – не только известный современный, влиятельный литературный критик. Свой путь в словесности он начинал именно как горьковед. И полностью использовал счастливую возможность своей юности: она пришлась на перестройку, так что Горького Басинский изучал не по канонизированным советским методикам, а свободно и вольно, в архивах и газетно-журнальных залах фундаментальных библиотек. В итоге он приобрёл право на «своего Горького» и, в частности, представил итоги своих разысканий в популярно-просветительской форме: в серии «Жизнь замечательных людей» в 2005 году выпустил биографию Горького. Поскольку об этой книге мы в нашем издании писали (см. рецензию Дарьи Валиковой в № 4/2007), отмечу лишь одну её особенность: композиционно в ней есть очевидная диспропорция – о Горьком в 1920–1930-е годы сказано гораздо меньше, чем о Горьком дооктябрьского времени. Не стану доискиваться здесь причин этого перекоса, но во всяком случае даже интонационно в той книге чувствовалось переживание автора за своего героя: немало фактов последних лет жизни Горького (поддержка репрессивной системы ГУЛАГа, двусмысленное окружение, сомнительные публичные заявления и статьи…) просто по-человечески воспринимать тяжело. Конечно, интереснее и радостнее писать о Горьком в императорской России: когда он быстро стал литературной суперзвездой и русского, и мирового уровня, ухитряясь оставаться на родине и гонимым, и влиятельнейшим деятелем не только в культурной сфере. Но ощущение недосказанности оставалось – и не только у читателей, но и у самого исследователя. И вот в своей новой книге Басинский, очевидно, решил всё-таки внести в свои горьковедческие штудии новое качество.

Сделано это, правда, опять-таки не на академическом, а на научно-просветительском уровне с элементами остросюжетности, но уж таково положение всей сегодняшней гуманитарии: эклектизм стал стилем времени, и в условиях отсутствия идеологической цензуры вопрос не в том, чтобы обойти запреты, а в том, чтобы договориться с алчущим прибыли издателем.

Отсюда и это вполне стандартное «Страсти по Максиму», и какой-то полутриллерный подзаголовок про *девять* дней после *смерти.* Впрочем, Басинский – опытнейший стилист, и, соглашаясь на необходимость пиар-ходов, он не превращает их лишь в яркую упаковку для своего продукта. Активно используя очевидный яркий авантюризм личности Алексея Пешкова, ставшего Максимом Горьким, Басинский, при всей понятной любви к своему персонажу, всё же не гипнотизируется той версией его жизни, которую сам же Буревестник и насаждал, и преуспел в том. Если составители известной четырёхтомной «Летописи жизни и творчества А.М. Горького» (М., 1958–1960), оформленной как академическое издание, позволяли себе включать в неё «факты», почерпнутые из автобиографической трилогии, то есть сочинения художественного, не доискиваясь до документальных подтверждений (а их, как известно, могло и не существовать никогда), Басинский хочет вернуть XXI веку реального Алексея Максимовича Пешкова (М.Горького). По необходимости беллетризируя текст, он старается при любых своих исследовательских построениях дать отсылки к объективным фактам (хотя здесь особая песня – воспоминания о Горьком, которых много и которые переполнены противоречиями, передержками и т.д., и т.п.).

С этой точки зрения обосновываются и сакраментальные «9 дней». Они, очевидно, соотносятся и с известным поверьем, что перед смертью мысленному взору человека являются все главные события его жизни. Вот эти события, облачённые в «дни», как они видятся Басинскому.

«Проклятие рода Кашириных» – реконструкция реальных обстоятельств рождения Алёши Пешкова и той семейной среды, в которой он рос.

«Сирота казанская» – своего рода комментарий Басинского к знаменитому горьковскому сюжету «в людях». Очень интересно написано о легендарном Смуром с резюме: «Если бы Смурого не было, его нужно было бы выдумать».

«Опасные связи» – о духовных исканиях молодого Горького с ключевой главкой «Ницше и Горький». «…и в более поздних произведениях он не забывал о Ницше. Например, название самого известного цикла горьковской публицистики “Несвоевременные мысли” заставляет вспомнить о “Несвоевременных размышлениях” (в другом переводе – “Несвоевременные мысли”) Ницше».

«Правда или сострадание? (пьеса “На дне”)» – если другие «дни», выбираемые Басинским, в достаточной степени символичны, а не хронологически конкретны, то здесь день очевиден: 18 декабря 1902 года, триумф постановки «На дне» в МХТ. И, естественно, сама глава написана со стремлением увидеть новые грани тайны шедевра: хороший материал по главной теме этого номера «Литературы». «Лука и Сатин – не оппоненты, но два философа, которые не знают об истине, но знают о правде и делают из неё противоположные выводы».

«Сила и слава» – это уже о триумфе Горького как литературно-общественного деятеля. Здесь Басинский возвращается к своей давней теме – взаимоотношениям между Горьким и Буниным, но при этом, как прежде, неуклонно настаивает: Бунин всегда ревновал к славе Горького, и его жёсткие высказывания о своём кормильце (издательство «Знание») вызваны именно этим, а не двусмысленными взаимоотношениями Горького с большевиками. На мой взгляд, здесь самые спорные страницы книги, требующие отдельного обсуждения: но, во всяком случае, сюжет с Нобелевской премией, которую якобы мог получить Горький, если бы её не «перехватил» Бунин, надо закрыть. Хотя бы потому, что есть чёткое суждение Марины Цветаевой, приведённое Басинским: «…король Швеции не может нацепить ордена коммунисту Горькому».

«Дружба-вражда» – подробный рассказ о другом писательском сюжете: Горький и Леонид Андреев. Здесь Басинский представляет очень существенную линию развития русской литературы конца XIX – начала XX века, долгие годы (то есть советские годы) не получавшую сколько-нибудь объективного рассмотрения.

«Толстой и Горький не похожи друг на друга ничем, кроме главной мысли. Это – мысль о смерти. Для Толстого смерть – великое событие жизни, то, ради чего живёт человек. И для Андреева смерть – единственное, что есть настоящего в жизни. Что не призрачно, не обманчиво. А для Горького смерти словно не существует. Она для него “недоразумение”, такая же ошибка природы и Бога, как всякое несовершенство человеческое, которое необходимо исправить. Не сейчас, так потом. <…>

Леонид Андреев ближе к позиции христианства. Но странно! Мысль о смерти гнетёт и отравляет его существование, а Горький живёт как человек истинно верующий, без страха, не испытывая ни малейшего ужаса перед неизбежным концом. В этом, наверное, главный парадокс его мировоззрения. Горький – верующий без Бога, бессмертный без веры в загробное существование. Его вера – в пределах человеческого разума. А поскольку разум человеческий, по его убеждению, беспределен, всё, что находится за пределами разума, до поры до времени не имеет никакого смысла.

Например, смерть».

«Евангелие от Максима» – заглавие Басинский, как он оговаривает, заимствовал у критика Генриха Митина, предложившего называть так повесть «Мать», но, в данном контексте, это тоже дань вечным масслитературным ходам. Хотя само содержание главы значительно: это попытка распутать замысловатейшие узлы взаимоотношений Горького и с религией, и с социализмом. А взаимоотношения были отнюдь не застольно-пиршественными: например, ещё в 1905 году Горький щедро финансировал подразделения большевистских террористов-боевиков (ходкое ныне слово «боевик» оттуда).

«В огне революции» и «Приглашение на казнь» (вместе с прологом «Девять лет после смерти») – вроде бы возвращение Басинским долга читателям по «жэзэзловской» книге. Но всё же и здесь он, как говорится, не хочет подробностей: и давая, вообще-то, биографию писателя, вновь старается избежать её не самых удобных сторон, скрывая их за обложками тех книг, которые, в основном, писались до рокового приезда в СССР.

Разумеется, было бы странно, если бы Басинский предложил нам нечто радикально отличающееся от того, что написано им в биографии Горького для «ЖЗЛ». Поэтому и в новой книге присутствуют главы «Горький и чёрт», «Ницше и Горький», другие уже знакомые страницы. Но всё же это именно новая книга *Павла* Басинского о *Максиме* Горьком, своего рода его диалог с самим собой. Литературовед продолжает идти трудовым путём постижения одного из самых монументальных и самого затуманенного писателя XX века, и самим строем своего повествования влечёт современного читателя к чтению Горького. И делает это не только увлечённо, но и увлекающе.

С.Д.

Интернет-кладовка

Дополнительные материалы к статье см. на диске.

История в Интернете

Ближайший родственник литературы среди школьных предметов – история. И это очень нужный родственник, без него литературе никак. Биографии писателей, история литературных течений, сюжеты произведений – всё требует знания исторических событий и исторического контекста. Надеемся, что вам и вашим ученикам пригодятся сайты, о которых мы рассказываем в этом номере.

Начнём с каталога исторических ресурсов рунета (http://historylinks.ru/). Как пишут создатели каталога, исторических сайтов в русском Интернете не очень много. Зато, прибавим мы, они отличаются разнообразием. Есть сайты, посвященные боевой технике древности, истории пропаганды, загадочным преступлениям прошлого… Полазить по каталогу любопытно, и мы советуем вам не отказывать себе в этом удовольствии. Дополнительный бонус каталога – ссылки на научно-популярные фильмы по истории.

Среди сайтов, посвященных «истории вообще», хочется выделить четыре. Хронос (http://hrono.info/) – старейший исторический проект рунета. Он интересен своей универсальностью. Здесь гигантское количество самой разнообразной текстовой, изобразительной и схематической информации, причем представленной с разных точек зрения. На сайте Всемирная история (http://historic.ru/) есть онлайн библиотека по всем историческим периодам и занятная рассылка, посвященная в основном новостям археологии («обнаружена прекрасно сохранившаяся упряжь древнеегипетских колесниц»). На Руниверсе (http://runivers.ru/), сайте, посвященном русской истории, много дореволюционных книг, в том числе красочных исторических атласов.

Проект Дилетант (http://www.diletant.ru/), только что открытый Алексеем Венедиктовым и выросший из исторических передач «Эха Москвы», противостоит первым трём в разной степени академичным сайтам своей живостью, современностью и субъективностью. Возможно, материалы сайта не будут отличаться скурпулёзной выверенностью, зато они наверняка будут побуждать к размышлениям и нравиться старшеклассникам. Собственно, они являются целевой аудиторией «Дилетанта» – дилетантами, людьми без профессионального исторического образования.

Теперь о сайтах, посвященных определённым историческим периодам. Одно из самых почтенных сообществ Живого журнала – Восемнадцатый век (http://18century-ru.livejournal.com/) создано для обсуждения истории, науки, культуры, быта т.н. «долгого XVIII века» (1660-1825). Здесь есть страница с полезными ссылками (http://18century-ru.livejournal.com/67401.html) – на другие исторические проекты, карты, каталоги книг, мемуары, тексты на разных языках, архивы и архивные справочники онлайн, материалы по истории костюма и поваренные книги с рецептами 18 века.

Проект Победители (http://www.pobediteli.ru/) посвящен Великой Отечественной войне. Взрослым он понравится своей полнотой: история войны представлена здесь буквально по дням. А детям – интерактивностью. Это полноэкранная карта, по которой двигаются стрелки, летают самолеты и едут танки. Каждое следующее событие появляется в относящемся к нему месте карты и сопровождается фотографией, а некоторые – кадрами кинохроники и рассказами ветеранов. «Победителей» можно смотреть в Интернете, а можно скачать целиком на свой компьютер.

На сайте Эпоха Хрущёва (http://rao.keldysh.ru/khrushchev/index.html) тоже огромное количество фотографий и кинохроники, однако здесь они служат дополнением к тексту, очень качественному тексту, надо сказать – вполне доступному и интересному для школьников. Несмотря на свой относительно небольшой объём, он рассказывает не только о важных фактах и особенностях эпохи, но и о множестве интересных и не очень известных, особенно детям, деталей. Материалы на сайте охватывают время от 20-40-х годов до отставки Хрущева в 1964 году, освещая таким образом большую часть советской истории.

Сейчас у многих школьников есть электронные книги, телефоны с большими экранами и привычка читать тексты с экрана компьютера. Мы можем посоветовать им полезное и интересное чтение. На этой странице (http://detskoe-chtenie.livejournal.com/17324.html) есть несколько ссылок на чтение и скачивание давно ставших классикой исторических книг для детей, в том числе «День египетского мальчика» Милицы Матье и «Последнего инку» Якова Света. А на странице http://nkozlov.ru/library/s318/d3831/?full=1#.TwrcVEosGSM можно почитать известные исторические повести Льва Рубинштейна «Дедушка русского флота», «Азбука едет по России» и «В садах Лицея». Обратите внимание, что на этой же странице есть список отличных книг для детей, которые тоже можно прочитать на сайте или скачать на свой компьютер.

А списки исторической литературы для детей и подростков смотрите в нашем приложении на диске.

А.К.

ДЕПАРТАМЕНТ ОБРАЗОВАНИЯ г. МОСКВЫ
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ «ПЕРВОЕ СЕНТЯБРЯ»

МОСКОВСКИЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ МАРАФОН УЧЕБНЫХ ПРЕДМЕТОВ 2012

20 МАРТА – 13 АПРЕЛЯ

РАСПИСАНИЕ ДНЕЙ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО МАРАФОНА

20 марта	**Открытие** День классного руководителя
21 марта	День школьного психолога
22 марта	День здоровья детей, коррекционной педагогики, логопеда, инклюзивного образования и лечебной физической культуры
	День учителя технологии (ЦО № 293)
23 марта	День учителя начальной школы (день первый)
24 марта	День учителя начальной школы (день второй)
25 марта	День дошкольного образования
27 марта	День учителя географии
28 марта	День учителя химии
	День учителя ОБЖ (Кадетская школа № 1784)
29 марта	День учителя биологии
30 марта	День учителя информатики
31 марта	День учителя физики
1 апреля	День учителя математики
3 апреля	День учителя истории и обществознания
4 апреля	День учителя МХК, музыки и ИЗО
5 апреля	День школьного и детского библиотекаря
6 апреля	День учителя литературы
7 апреля	День учителя русского языка
8 апреля	День учителя английского языка
10 апреля	День учителя французского языка
11 апреля	День учителя немецкого языка
12 апреля	День учителя физической культуры
13 апреля	День школьной администрации **Закрытие**

marathon.1september.ru

! Обязательная предварительная регистрация на все дни Марафона откроется 20 февраля 2012 года на сайте marathon.1september.ru.

! Каждый участник Марафона, посетивший три мероприятия одного дня, получает официальный именной сертификат (6 часов)

В дни Марафона ведущие издательства страны представляют книги для учителей

Начало работы – 9.00. Завершение работы – 15.00

УЧАСТИЕ БЕСПЛАТНОЕ. ВХОД ПО БИЛЕТАМ

РЕГИСТРИРУЙТЕСЬ, РАСПЕЧАТЫВАЙТЕ СВОЙ БИЛЕТ И ПРИХОДИТЕ!

Место проведения Марафона: лицей № 1535, ул. Усачева, дом 50 (в 3 минутах ходьбы от станции метро «Спортивная»)
Место проведения Дня учителя технологии: ЦО № 293, ул. Ярославская, д. 27 (ст. метро «ВДНХ»)
Место проведения Дня учителя ОБЖ: Кадетская школа № 1784, ул. Скаковая, д. 20 (ст. метро «Динамо», «Белорусская»)

По всем вопросам обращайтесь по телефону **8-499-249-3138** или по электронной почте: marathon@1september.ru

годовая подшивка журнала **«ЛИТЕРАТУРА»**

ПОЛНАЯ ПОДБОРКА БУМАЖНОЙ ВЕРСИИ ЖУРНАЛА НА КОМПАКТ-ДИСКЕ ЗА **2011** ГОД

=

Цена с доставкой – 699 РУБ.

Вы можете оформить заказ:

- на сайте **shop.1september.ru**
- по электронной почте **podpiska@1september.ru**
- по телефону **(499) 249-47-58**

Также можно приобрести:

ПОДШИВКИ БУМАЖНЫХ ВЕРСИЙ ИЗДАНИЙ НА КОМПАКТ-ДИСКАХ ЗА 2003–2010 ГОДЫ

Цена с доставкой:
2003–2007 год – 299 РУБ.
2008–2009 год – 399 РУБ.
2010 год – 499 РУБ.

ВИДЕОЗАПИСИ ЛЕКЦИЙ И МАСТЕР-КЛАССОВ ВЕДУЩИХ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ

Цена с доставкой – от 299 РУБ.

Цены действительны до 30 июня 2012 года.
Рассылка производится только на территории РФ.

Программа развития профессионально-личностных компетенций педагога

В программу входят следующие модульные курсы под общим названием «**Навыки профессиональной и личной эффективности**»:

- **Тайм-менеджмент,** или Как эффективно организовать свое время
- **Тайм-менеджмент для учеников,** или Как научить школьников организовывать свое время
- **Приемы конструктивного разрешения конфликтных ситуаций,** или Конфликты в нашей жизни: способы решения
- **Профессиональное выгорание,** или Как сохранить здоровье и не «сгореть» на работе
- **Стресс-менеджмент,** или Приемы профилактики и преодоления стресса
- **Управление имиджем,** или Как создать свой стиль
- **Искусство договариваться,** или Как понять других людей и донести свою точку зрения

6 часов –

нормативный срок освоения каждого модуля. Форма обучения – дистанционная. После окончания модуля выдается свидетельство установленного образца.

Стоимость одного модульного курса:

– 300 рублей – заявки на обучение на сайте edu.1september.ru

– бесплатно – для педагогических работников образовательных учреждений, участвующих в общероссийском проекте «Школа цифрового века – 2012/13». Подробности на сайте digital.1september.ru

Общероссийский проект «Школа цифрового века» по комплексному обеспечению образовательных учреждений методической интернет-поддержкой разработан в соответствии с программой модернизации системы общего образования России и направлен на повышение профессионального уровня педагогических работников

Общероссийский проект

Школа цифрового века

Интернет-сопровождение проекта – Издательский дом «ПЕРВОЕ СЕНТЯБРЯ»

2012/13
учебный год

Комплексное обеспечение образовательных учреждений предметно-методическими материалами по всем учебным дисциплинам и направлениям школьной жизни с адресной доставкой на современных носителях

С начала следующего учебного года в рамках проекта реализуется программа развития профессионально-личностных компетенций педагога

Прием заявок от школ –
с 15 февраля 2012 года

Подробности на сайте digital.1september.ru

СПРАВКА О ХОДЕ РЕАЛИЗАЦИИ ОБЩЕРОССИЙСКОГО ПРОЕКТА «ШКОЛА ЦИФРОВОГО ВЕКА» В 2011/12 УЧЕБНОМ ГОДУ. По состоянию на 1 февраля 2012 года в проекте принимают участие 5892 образовательных учреждения. В том числе 411 лицеев и гимназий, 309 школ с углубленным изучением отдельных предметов, 119 школ-интернатов, 54 колледжа, включая 13 педагогических, 168 школ для детей с ограниченными возможностями здоровья, а также детей, попавших в трудную жизненную ситуацию, 48 вечерних (сменных) школ, 99 дошкольных образовательных учреждений, 48 учреждений дополнительного образования, 8 высших учебных заведений. Всего в проекте участвуют 181 505 педагогических работников.